

КОСТЁР

5 МАЙ 1976

Да здравствует 1 Мая!

КОСТЁР

5
МАЙ
1976

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1976 г.

В весенний месяц май поднимает красные знамена.

Вот огромное красное полотнище Первомая, праздника трудящихся всего мира. По-разному борются рабочие и крестьяне за свое дело: в странах социализма — ударной работой, в мире капитала — забастовками, демонстрациями, а то и оружием.

Вот обгаренное кровью, пробитое пулями Знамя Победы над фашизмом.

Вот бесчисленные знамена пионерских дружин. Их поднял на улицах праздник дня рождения Пионерии. Нынче день рождения своей пионерской организации празднуют и дети Вьетнама: она родилась в мае тридцать пять лет назад. Много дела для ребячьих рук в стране, которая после долгой героической борьбы отстояла свою независимость.

Вот алый веселый стяг первого Всесоюзного слета вожатых. Поздравь своего старшего друга — вожатого. Лучшее поздравления — не словом, а делом.

Праздник и у читателей нашего журнала — сорок лет назад был подготовлен к выпуску его первый номер. В свете пионерского костра лучше видно, что происходит в мире. У костра собираются друзья.

Весенний месяц май, весь в зелени садов, весь в праздничных знаменах, принес тебе свежий номер твоего журнала. Он перед тобой. Читай.

На обложке
рисунок А. ПАХОМОВА
Художник сделал его
40 лет назад
для первого номера
„Костра“

ПИСЬМО ОТЦА

Здравствуй, дорогая доченька! Как и обещал, пишу тебе отдельное письмо. Ты спрашиваешь, где я сейчас нахожусь. Так вот, Галочка, найди на карте Байкал. Видишь на северном берегу озера поселок Нижне-Ангарск? Еще совсем недавно здесь жили только рыбаки да охотники, а теперь основное население — строители Байкало-Амурской магистрали.

Но самое интересное происходит, конечно, не в поселке, а в тридцати километрах от Нижне-Ангарска, на мысе Курла, где мы строим новый город. Сейчас на Курле в своих временных поселках расположились геологи, изыскатели трассы, тоннельщики и много других специалистов.

О тоннельщиках я когда-нибудь расскажу тебе особо. Им предстоит пробить в скалах два огромных тоннеля, Северо-Муйский и Байкальский. Ничего подобного в нашей стране еще не делалось. Скоро на стройке раздадутся мощные взрывы — только им под силу справиться с гранитом.

Вообще на Байкало-Амурской магистрали очень много такого, о чем говорят: «Впервые в практике строительства». Вот и крупнопанельные дома, которые мы строим, тоже необычные. Почему необычные? Тут, Галочка, бывают очень сильные землетрясения.

Обычный дом не выдержит, развалится. Поэтому мы ставим дома на специальные фундаменты. При любой тряске дома на них остаются целехонькими.

И еще наши инженеры придумали замечательно остроумное устройство. Оно назы-

ваются «система выключающих связей». Пока землетрясения нет, дома жестко закреплены на фундаментах. Но как только начинаются подземные толчки, «связи» выключаются и дома начинают раскачиваться, как на качелях.

Сами мы живем в сборных одноэтажных домиках, печи топим дровами, а комнаты освещаем электричеством от передвижных дизельных электростанций.

Свой поселок мы называем «малым Ленинградом». Он красивый, уютный и, наверное, лучший на мысе Курла. И народ у меня в бригаде подобрался дружный и умелый. Леня Царев, Алеша Калыгин, Володя Вольский, Саша Брылев и другие ребята — мастера на все руки.

Очень бы хотелось, чтобы на летние каникулы ты, Галочка, приехала к нам. Долетишь из Ленинграда до Улан-Удэ, а там я тебя встречу. Еще два самолета — и мы на месте. Полюбишься Байкалом, половим мы с тобой хариусов, в тайгу ходим, это я тебе обещаю точно.

Если понравится, сможешь приезжать сюда каждое лето. Мне ведь работать здесь не год и не два. Мои ребята говорят: «Иван Матвеевич, мы уедем отсюда только тогда, когда по рельсам застучат колеса первого поезда». Я, понятно, против этого не возражаю, хотя и очень соскучился по тебе и по маме.

Поздравляю с окончанием учебного года.

Приезжай. Жду.

Папа.

БАМ, мыс Курла,
город Северобайкальск
Филатов И. М.

Вольт СУСЛОВ

РАЗГОВОР

Все мы внуки бойцов,
Значит — каждый боец.
И тревога любая понятна ребятам,
Наполняет она сотни тысяч сердец,
...Это было в июне,
в семьдесят пятом.

Дворец пионеров. С Ленинских гор
Московская школьница наша
С хунтой в Сантьяго ведет разговор —
Коростелева Наташа.

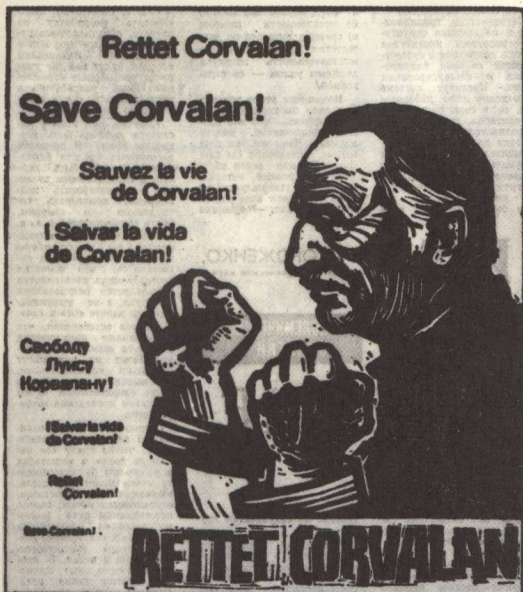
— Алло! Говорит Наташа Коростелева —
президент секции Латинской Америки клуба
интернациональной дружбы. Кто у телефона?
— Дежурный.

От напряженья гудит телефон
В гомоне стоголосом.
Дежурный концлагеря удивлен
Четким прямым вопросом:

— Луис Корвалан — почетный член нашего
клуба. Мы обеспокоены состоянием его здо-
ровья.

Молчит телефон. Растерялся враг.
Слышно, как дышит, даже.
Медлит дежурный: ответить как?
Правды ведь ей не скажешь!..

— Мне не известно, кто это такой. Мы не
знаем, где он находится. Звоните в нацио-
нальный секретариат по делам арестован-
ных.

ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Ишь ты — не знает!.. Делает вид:
Дескать, не понял вопроса...
И вновь телефон упрямо звонит —
Полковнику Эспиноса.

— В концлагере «Трес-Аламос» нам ответили, что ничего не знают о Луисе Корвалане...

Полковник-тюремщик не ожидал!
Все что угодно, только не это!..
Бросить трубку нельзя — скандал!
Там, на проводе, ждут ответа.

— Луис Корвалан хорошо себя чувствует.
— В таком случае мы хотели бы поговорить с ним по телефону.
— Для этого нужно иметь разрешение министерства иностранных дел.

И вновь напряжен проводов серпантин,
Цифры мелькают быстро.
Восемь-два-пять-ноль-один —
Телефон кабинета министра.

— Советские дети обеспокоены состоянием здоровья Луиса Корвалана.
— Луис Корвалан находится под стражей чилийского закона.

Да, мы знаем этот закон.
Точней — беззаконие это.
Сквозь все расстояния сам телефон:
— К ответу! — гудит. — К ответу!

— Это значит, мы не можем поговорить с Луисом Корваланом?

— Я этого не сказал. Я говорил, что он находится под стражей закона...

— Простите, с кем мы разговариваем?

— Не слышу...

— Кто у телефона?

— Не понимаю...

— С кем мы говорим?

— Не слышу...

Не понимают, не слышат, но —
Явно звонку из Москвы не рады.
Каждому ясно: мы заодно,
Мы с Корваланом сегодня рядом.

Гневом планеты трубка гудит.
С грозным протестом выходят колонны.
Он в одиночке,
Но не один —
С ним миллионы!

«...Перед отъездом из Чили мы встретились с отцом. Он просил передать благодарность пионерам Советского Союза и особый привет Наташе, которая звонила в Сантьяго...»

Из рассказа Марии-Виктории и Вивианы — дочерей Луиса Корвалана — на 1-м московском слете юных борцов за мир.

Рисунки Н. Муратова

САНИНЫ КАНИКУЛЫ

ПОВЕСТЬ

Герман БАЛУЕВ

Рисунки Ю. Шабанова

В ПОГОНЮ

У Сани Смирнова были отец и брат Вовка. Больше никого у Сани не было, если не считать Ирины Викторовны, тощей соседки с желтыми, как бы приклеенными к голове волосами. Когда отец уходил в плавание, Ирина Викторовна появлялась в квартире Смирновых и принималась организовывать жизнь Сани и Вовки так энергично, что Вовка выходил из задумчивости. Он озирался, как Робинзон Крузо, и спрашивал:

— Что лучше: жить в чистоте, но жить бессмысленно, или жить в беспорядке, но с пользой для человечества?

Задав эти риторические вопросы, Вовка замирал, и веснушки на его лице становились еще более яркими.

Ирина Викторовна временно оставляла щетку и смотрела на Вовку жалостливо: «Погулял бы, побегал бы... — вздыхала она. — Совсем от наук стал паршивенький...» На что гордый Вовка не реагировал.

При одном взгляде на Вовку становилось ясно, что из него должен выйти ученый. Больше ничего из него получиться не может, такой он нелепый и задумчивый. В прошлом году Вовка поступал в университет. И даже не провалился. Целый год он изучал восточные языки, но разговаривал все еще по-русски.

Вовка думал только о науке. Поэтому о самом Вовке приходилось думать Сане. И хотя это отвлекало его от учебы, седьмой класс он закончил вполне прилично, даже без троек, и радостно взволнованный — ура, каникулы! — явился домой. Явился он домой и увидел белешку среди стола записку.

«Надо смотреть правде в глаза. Великий ученый из меня не получится, а средним я быть не хочу. Очевидно, мой удел — лопата. Прощай! Еду строить крупнейшую в мире плотину в Саянских горах, на Енисее. Половину денег взял. Половину оставил. Как убедить отца в том, что я поступаю правильно, пока не знаю, буду думать. Напишу ему большое письмо из Сибири. Владимир».

«Вот так так!..» — подумал Саня. И любой из нас в его положении подумал бы, конечно, то же самое. Исследовав записку и ничего в ней больше не обнаружив, Саня подошел к окну и стал смотреть, как парни играют в волейбол. Парни были спортивные, с лоснящимися от пота спинами. Таких вполне можно было посылать на Енисей. Так же как и Саню. Он-то способен на многое. Но Вовка!.. Длинный, развинченный, бледный... Идет — руки болтаются, людям на ноги наступают... Жуть!

Саня даже заснул в этот вечер не сразу. Это ведь только считалось, что Вовка старший брат. На самом деле старшим в доме был Саня. «Ешь!» — скажет Саня. И Вовка ест. А сам бы ни за что не догадался. «Возьми плащ, дождик», — велит Саня. И Вовка покорно надевает плащ, думая о своих несчастных иероглифах.

В общем, Вовка — лопух. Если бы кто другой был лопух, Саня бы повеселился, похотал. А тут — родной брат... Обидно! Эх, Вовка! Ему бы хоть каплю Саниной хватки, хоть немножко Саниного знания жизни... А Саня, надо признаться, о жизни знал уже все. Ну если не все, то главное — это уж точно. Он знал, что в жизни надо действовать решительно и дерзко, как действуют десантники. Идти вперед и не оглядываться. И не отступать, как это сделал Вовка.

Еще ладно, отец в походе. Хоть он и капитан второго ранга, все равно мог не выдержать нового удара. Год назад схоронили маму, а теперь Вовка...

Наутро Саня сообщил Ирине Викторовне, что Вовка экстренно вылетел на практику в район Енисея.

— Разве там говорят на восточных языках? — удивилась Ирина Викторовна.

— Разумеется, — ответил Саня, — ведь Енисей течет на востоке.

Закончив с Ириной Викторовной, Саня взялся за письмо начальнику строительства Саяно-Шушенской ГЭС, чтобы тот лично присмотрел за Вовкой. Он отправил письмо авиапочтой и немного успокоился. Он считал: время есть все серьезно обдумать.

До одиннадцати вечера в глубоком раздумье Саня ходил по скверу за домом, и при взгляде на него хотелось воскликнуть: «Вот он, будущий форвард!» Такой он был сбитый, крепкий, четкий. Корпус нес прямо, слегка откинув назад, и лицо имел круглое, румяное, с крепкими щеками и кошачьими быстрыми глазами.

На следующий день он вызвал для беседы Ирину Викторовну и сделал ей новое сообщение: саянский климат оказался вреден для Вовкиного здоровья. А посему Саня немедленно вылетает в Сибирь, чтобы лично сопровождать брата на берега Невы.

Ирина Викторовна опустила на диван и с ужасом воззрилась на Саню.

ПОЯВЛЕНИЕ СКАЛОЛАЗА

«Цок, цок, цок, цок...» — процокала по трапу стюардесса, изящная, как стрекоза. Подняв лицо, она улыбнулась и пропела:

— Пассажиры с детьми — в первую очередь! — И строго глянула вниз, на толпу пассажиров.

Пассажиры стали растерянно озираться, выматривая детей. Детей не было.

— Позвольте! — солидно сказал Саня и повел толпу в сумрачное чрево самолета.

Самолет, следующий рейсом Ленинград — Абакан, оторвал Саню от родной планеты и, покренившись сперва в одну, потом в другую сторону, взял курс на восток. Проследив за тем, чтобы стюардесса выдала все, что положено: взлетную карамельку и стакан лимонада, — Саня перешел к изучению видимой части земного шара. С высоты девять тысяч метров она походила на лоскутное одеяло. Лоскуты в основном были зеленые. На одеяле струйками ртути сверкали реки. Одна река была особенно большой. Помножив скорость «ИЛа» на время полета, Саня вычислил, что это Обь. Для полной гарантии он справился у соседа.

Сосед снисходительно оглядел Саню, потрогал могучий узел своего невероятного галстука и перегнулся к иллюминатору.

— Эта... как ее?.. Волга!

«Совсем необразованный товарищ», — с огорчением подумал Саня и больше не отвлекался. Он осматривал заболоченные пространства Западной Сибири, тайгу и сопки Сибири Восточной, и ему было радостно от мысли, что пройдет сколько-то лет и его имя прогремит над этой землей.

Самолет летел навстречу ночи.

Сосед храпел, накрывшись галстуком, как одеялом.

Саня усмехнулся: сосед не подозревал, кто летит с ним рядом, думал, очевидно, — так, мальчишка...

В Абакан прилетели на рассвете. Город спал, холодный и чистый. Темнели горы.

Саня залез в теплый автобус, положил портфель на колени и задремал. Продремав весь маршрут до конца, он вышел и увидел, что приехал на автовокзал. Под ногами трещала кожа кедровых орешков. Публика, ежась, натягивая на уши воротники, досыпала на лавках. Лишь молодой русоволосый гигант ходил вдоль газонов, рассеянно озираясь.

— Уважаемый! — обратился он к Сане. — У вас не найдется спичек?

Сане польстило такое обращение. Почему-то взрослые всегда ему говорили «ты», хотя Саня был подчеркнута вежлив.

— Будьте добры! — сказал он любезно и подал гиганту спички.

Гигант с наслаждением закурил.

В его румяном, свежем лице было что-то детское. Казалось, от него пахнет парным молоком. Он походил на огромного младенца, который только что проснулся и со спокойным любопытством рассматривает мир.

Ах, везет же людям! Сколько страданий испытал Саня из-за своего маленького роста! Если собиралась толпа больше двух человек,

Саню в ней уже не было видно и у него моментально портилось настроение. Обделила Саню природа, обделила! Какой восторг быть сложенным так, как этот товарищ! Чтобы только посмотреть спокойненько, шевельнуть плечом, и все бы понимали — надо отойти подальше.

— Покуриваем? — спросил гигант.

— Здоровье дороже, — откровенно сказал Саня. — Попробовал — неаппетитно.

— А спички?..

— Аварийный запас. Вдруг что-нибудь с самолетом... Вынужденная посадка... Тайга, дикие звери... В таких условиях прежде всего — костер.

Саня опасался, что гигант усмехнется. Но нет, тот внимательно выслушал и протянул сильную руку:

— Валерий Кабалкин. Или просто—Валера.

— Ты меня тоже можешь на «ты», — запинаясь, вымолвил Саня и покраснел от удовольствия. И тянулся, как струнка, тянулся, чтобы достать макушкой хотя бы до плеча Валеры.

— Вы... ты... каким видом спорта занимались, Валера? — справился Саня. — Тяжелой атлетикой? — И, не удержавшись, похвастался: — А я — в секции самбо.

Кабалкин не спеша поразмыслил.

— Тяжелой атлетикой?.. Пожалуй, что да... Пожалуй, именно тяжелой... А потом легче стало: пришли машины с гидравлическим приводом... Легкая атлетика пошла.

— Шофер? — спросил догадливый Саня. — Где шоферил?

— На Крайнем Севере, в Ухте... Там, слышал, наверное, промыслы, буровые...

— Разумеется! — ответил сдержанно Саня. — Ухта — богатый нефтеносный район. С хорошими перспективами.

Они солидно гуляли вдоль газонов: Кабалкин, заложив руки за спину, Саня — с желтым министерским портфелем. Повесив носы над тротуаром, спали запыленные автобусы. А утро уже проснулось. Публика, потягиваясь, двинулась к автомату с газированной водой. Кабалкин и Саня тоже взяли по два стакана. Один — для умывания, другой — вместо завтрака.

— Вот ты, Валера, кто?.. — спросил Саня.

— Скалолаз.

— Серьезно?

— Честное слово, — улыбнулся Кабалкин.

— Как альпинист?

— Ну... альпинист взобрался на гору, и кто он такой?

— Герой!

— А мы каждый день идем на скалу, чтобы там работать. И кто мы такие?

— Просто рабочие? — догадался Саня.

— Верно.

— Здорово. А как ты стал скалолазом?

— Началось с карты страны. Мы с женой разостлали ее на полу, и я бросил монетку. Куда упадет — туда и поедем. Ухты, мы решили, хватит, надо и другие места увидеть... Повезло:

монетка скатилась к Кавказским горам, туда, где строится Чиркейская ГЭС.

— Хорошо, не на Северный полюс! — снисходительно вставил Саня. Ну, в самом деле, бросать монетку и ехать, куда она упадет, — первокласснику и то непростительно.

— Ну-с, приехал на Чиркей, работаю шофером. Раз еду, вижу, по скале люди идут. Красиво!.. Пришел к скалолазам, говорю: «Примите». Усмехнулись они. Еще бы: они все маленькие, легкие, а во мне килограмм под сто уже было... «Ладно, — говорят, — попробуй». Мне нужно было пройти пятнадцатиметровую вертикаль. Скала раскалилась, как сковородка, известняк слепит. Прошел я на радостях всю вертикаль на руках. Вылез, посмотрел на ладони — кожи нет. Сорвал и не заметил... Внимание, посадка! — сказал вдруг Кабалкин.

Из табуна сонных автобусов вылез один с надписью «Абакан — Майна».

— Погони еще нет? — спросил Кабалкин. И внимательно посмотрел на Саню.

— Ты думаешь, я из дома сбежал? Я догоняю, — ответил Саня свободно: совесть его была чиста. И ему было приятно осознать это.

Они с Кабалкиным расположились в автобусе. И Саня грустно сказал:

— Помнишь, шел такой кинофильм: «Воспоминания о будущем»?.. Неужто правда — на земле побывали инопланетные пришельцы?! Не знаешь, Валера? — Саня вздохнул. — Я тоже не знаю. А наш Вовка тогда обрел цель жизни. И ты не поверишь, Валера, что его взволновало... Не каменные изваяния на острове Пасхи, не странные аэродромы в Латинской Америке. Нет! Он свихнулся на тибетских глиняных табличках с непонятными письменами. В фильме их показали мельком, но Вовка решил, что они — самое главное. Он подумал, что эти таблички хранят рассказ о прошлом человечества. И когда подумал, то чуть не сошел с ума: такое великое дело ему предстоит! Представляешь, Валера, он решил прочитать, что написано на этих табличках. Ну вот... А потом Вовка поступил на восточный факультет. В университет. Одичал ужасно, задашь ему вопрос — вздрагивает. Не поверишь, стал вскакивать по ночам и что-то записывать. Мне было жутко. Говорят, человек может предчувствовать катастрофу. Я ее предчувствовал. И она случилась. И вот, пожалуйста, ищи его теперь среди Саянских гор!

Между тем автобус катил по Хакасской степи. Сухая степь баюкает, качает автобус. Мохнатое солнце валится с косогора на косогор. И не за что зацепиться глазу: ни деревца, ни кустика... Желтые косогоры... Лишь изредка появится отара грязно-серых поджарых, как собаки, овец да пастух на коне черным силуэтом против дымного солнца.

— Заглянул твой брат Вова в колодец, — сказал Кабалкин печально. — И тянет тебя, и страшно, и блестит в глубине вода, а достать ты ее не можешь...

— Как это?..

— Вообрази: ты — ученый...

Саня вообразил. И вообразил, признаться, уже давно. Он твердо знал, что сделает в жизни нечто великое.

— И ты говоришь, — продолжал Кабалкин: — «Хочу открыть то-то и то-то». Тебе говорят: «Открывай на здоровье!»

Саня улыбнулся.

— Проходит время, ты разводишь руками: «Извините, братцы, как-то ничего не открылось...»

Улыбка сползла с пыльного лица Сани.

— То есть как ничего не открылось?!

— Страшное дело! — сказал Кабалкин. — Сколько умнейших ученых всю жизнь работает, мается и — ничего... Пусто! Это же каким надо быть смелым парнем, чтобы добровольно идти на такое жуткое дело!..

Кабалкин печально склонил русый чуб, как бы признаваясь, что лично у него идти на такое дело духу не хватит.

— Ой-ей-ей! — невольно простонал Саня. — А что же делать?

— Не знаю, Саня, не знаю. Я лично не стал рисковать. Самое надежное дело — рабочий. Каждый день обязательно что-то сделаешь. Либо скалу очистишь, либо груз перевезешь, либо сотню кирпичей уложишь... Пролетит время, глядишь — дом построил. Или даже плотину. Тут — безошибочно...

Саня уныло смотрел на желтую равнину. За автобусом жирно вспухала пыль. И предстоящая жизнь неожиданно показалась Сане такой же серой и скучной, как эта пыль.

Он посмотрел через переднее стекло и увидел, что лиловая мгла впереди уплотнилась, оторвалась от неба и оказалась горным хребтом. Над хребтом сверкало пять снеговых вершин.

— Борус. Гора Борус, — сказал Кабалкин. — У подножья этой горы строится самая крупная в мире ГЭС.

И сразу кончилось степное уныние. Небо стало ярко-синим. Прохладный ветер выдул пыль из машины. Прижимаясь к скале, автобус вкатил в узкий каньон. Хребты вздымались до самого неба. И внизу, у самых колес, светло-коричневыми струями мощно неся Енисей.

ЛЮБИТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ

Держа в руках запыленный портфель, Саня вышел из автобуса и огляделся. Мрачными громадами нависли хребты. На узкой полосе хмуρο жались домики поселка Майна. Люди шли озабоченные, и что им было до Сани?

Теплая ладонь скалолаза легла на плечо путешественника.

— Вперед, дружище! На поиски востоковеда.

И вовсе не мрачными, оказалось, были хребты, а голубыми. И домики Майны оказались вполне симпатичными, раскрашенными в веселые тона. И торопливый паренек в желтой каске подмигнул неожиданно: «Пополнение?»

— Эй! — вдруг крикнул Кабалкин. И паренек в желтой каске остановился. — Володю Смирнова знаешь?

— Владимира Александровича? — крикнул в ответ парень.

Кабалкин вопросительно посмотрел на Саню.

— Он! — Саня даже вздрогнул: как Вовку заужавали!

— Его! — крикнул Кабалкин.

— Кто же его не знает?! Валяйте в котлован! Там он...

Поехали в котлован.

Здесь Енисей был прижат к левому берегу, кипел и пенился. Половина реки была выгорожена перемычками и дамбами. Огражденный ими, клубился сизым туманом в глуби котлована. В сиреновой слоистой дымке ползали бульдозеры, краны и экскаваторы, искрила электросварка. На скальном осушенном дне громоздились огромные деревянные коробки. В этих коробах бетонировали блоки плотины.

Они шагали по верхней перемычке мимо бесчисленных будок и вагончиков, все стены которых были исписаны разными бодрими словами, вроде: «Нам ближе всяких тропиков, заманчивее Арктики бетонная экзотика строительной романтики». Башенные краны, растопырив железные ноги, ездил по перемычке, опускали в сизую глубину котлована пучки арматуры, бадьи с бетоном, щиты опалубки...

Саня подошел к шаткому дощатому ограждению и отпрыгнул: в бездонной, как ему показалось, глубине копошились маленькие человечки, густо, страшно торчали вверх штыки арматуры, и корявая скала обнаженного дна Енисея угрюмо сверкала под солнцем.

Насмотревшись, стали спускаться. Лестницы были круты, почти отвесны, и Саня сползал, судорожно ухватившись за перила, сделанные из ржавой арматурной стали. Колени его дрожали и подламывались. Ладони были ярко-красными от ржавчины. Они спустились до первых слоев сизого тумана и глотнули уже удумливых выхлопов механизмов и едкого дымка электросварки, как грянуло вдруг по трансляции над всем котлованом:

— Эй, на трапе!.. Большой и маленький... Куда без касок?!

Кабалкин остановился и задрал голову.

— К вам относится, к вам... Нечего шеей крутить...

Пришлось взбираться на перемычку.

Один вагончик оказался заперт. В другом было так накурено, что сидящие на лавках прорабы шурились, чтобы разглядеть друг друга. Перед ними был разостлан чертеж размером с простыню, столь густо исчерченный и исписанный, что Саня честно признал: такие сложности ему пока еще не по зубам.

Во главе стола сидел пожилой морщинистый дядя в застиранной спецовке. Когда звонил телефон, морщины начинали корчиться, змеиться, и он сразу старел лет на двадцать. Звонившие почему-то так кричали, что морщинистый

дядя трубку держал на отлете. Выслушав телефонные вопли, он коротко бросал: «Ради бога!», морщины разлетались лучами, и он молдел лет на тридцать. Несмотря на жару, он был в валенках.

Раз пять сказав «Ради бога!», человек в валенках вдруг ответил: «Ни в коем случае!» — и вопросительно посмотрел на Саню.

— Нам бы каски... — волнуясь, начал Саня, — потому что...

— Ради бога! — сказал морщинистый и вяло махнул рукой.

Каски нашлись в кладовке, где царствовал упитанный паренек в шикарной водолазке. Он был хранителем разложенного на грубых полках богатства: брезентовых рукавиц, гремящих негнущихся курток, комбинезонов, резиновых сапог, ведер и веников.

— Кто разрешил? — спросил он строго.

— Этот... — робея, промямлил Саня, — который в валенках.

Паренек стал надуваться. А надувшись, зашипел, словно струя из шланга. Это он так смеялся.

— К-к-который в в-в-валенках!.. — выдавил он сквозь шипение. — Эт-т-то же Терентий Михайлович... Знаменитый прораб... Герой Социалистического Труда... Красноярскую ГЭС построил... Ой! — сказал он и вытер слезы. — Ну вас, комики!.. — И вслед еще заорал: — Сапожки модельные не желаете?.. Из первосортной резины...

— Весельчак! — неодобрительно отозвался Кабалкин. — Не зря его сторожем поставили.

Напялив ярко-красные каски, спустились в котлован. По бесчисленным мосткам, через какие-то трубы, через лужи вышли к скале.

Скала была огромная, корявая, синяя, блестящая. По ней жуками ползали люди, вгрызаясь отбойными молотками в выбоины и трещины. Из-под молотков летела серая пыль. Шум был глухой и вязкий.

Какой-то паренек усердно мыл скалу из шланга и подметал венником, чем чрезвычайно рассмешил Саню.

— Ну и чистюля! — поднявшись на цыпочки, крикнул он в ухо Кабалкину.

— На эту скалу плотина ляжет, — строго сказал Кабалкин. — Огромная тяжесть. Надо, чтобы скала была прочной и чистой — ни трещинки, ни камешка, ни пылинки...

По скале через посверкивающие изломы и трещины лазил бородатый молодой человек и с серьезным видом постукивал молоточком. Прямо как невропатолог в поликлинике.

— Геолог, — объяснил Кабалкин. — Проверяет монолитность скалы.

— Кому это я здесь понадобился? — оставив отбойный молоток, к ним подошел плотный человек лет сорока, с широким спокойным лицом. — Смирнов, Владимир Александрович, — представился он. — Вам? — И пожал Санину руку своей твердой, как доска, рукой.

— Ой, это не вы! — воскликнул Саня.

— Как это не я?! А кто же? — удивился Смирнов. — Предъявить документы?

— Что вы!.. Не надо! — застеснялся Саня, а Кабалкин объяснил, что они ищут Санниного брата, тоже Владимира Александровича Смирнова, или попросту — Вовку.

— В котловане Смирнов один — это я, — сказал рабочий.

Саня расстроился:

— Но я должен найти брата.

Кабалкин обнял его за плечи.

— Мы его найдем, Саня.

— Конечно, найдете, — Смирнов улыбнулся, — у нас тут люди становятся героями. Это я знаю. Но чтобы пропадали — что-то не слышал.

МАТРОССКОЕ БРАТСТВО

Обидел Кабалкин Саню, обидел. С чего это вдруг он стал шептаться с Владимиром Александровичем Смирновым, а Саня сказал невнимательно: «Ты иди, Саня, иди! Ищи Вовку!» Такие штуки кому хочешь не понравятся, а Сане тем более. Ладно, не заплачем. Сами с усами. Тем более что все как дважды два: в котловане Вовки нет. Значит, он где? В Означенном. Там большая стройка, много комсомольско-молодежных бригад. Задача: найти комсорга строителей Женю Лохматкину — ее знают все, и она всех знает.

Короче, поехал Саня в Означенное.

...А теперь мы слегка отвлечемся и представим себе зимнюю тайгу в новогоднюю ночь. Почему обязательно в новогоднюю? Потому что именно новогоднюю ночь встретили в тайге пять отчаянных парней. Хотя все пятеро были люди бывалые, закаленные, к походу готовились тщательно, крепко оделись, вооружились и взяли продовольствия на две недели — на всякий случай. В полночь, к бою новогодних курантов, они выбрали в тайге полянку, которую обступили мрачные кедры с обвисшими от тяжести снега лапами. «Эта новогодняя ночь, — торжественно сказал самый старший, — останется в памяти каждого из нас на всю жизнь». И все пятеро помолчали, чувствуя себя героями. Действительно, кто решится встречать новогоднюю ночь в страшной Саянской тайге?

Стали откупоривать шампанское, и тут скрипнул снег под кедром. Двое поставили ружья на боевой взвод и мгновенно направили в темноту. Старший вынул из ножен кинжал. Из тьмы кедров на залитую светом полянку вышла девчушка в легком модном пальто, в платочке. «Чего напугались?! — хрипловатым голосом сказала она. — Не съем». Двое опустили ружья. У старшего на снег лилось шампанское. «Откуда вы, девушка? Заблудились?» — опомнившись, спросил старший. «Еще чего! Прогуляться вышла». — «И не бойтесь?» — «Чего? — девчушка засмеялась. — Огороды вон за тем деревом начинаются».

Так встретилась с героическими покорителями Енисея местная жительница Женя Лохмат-

кина. Через год она стала комсоргом стройки в Означенном...

Разыскивая Женю Лохматкину, Саня попал в квартиру, где обитало пятеро бывалых парней, некогда решивших отпраздновать Новый год в тайге. Двое из них были дома. Один грыз гранит науки, другой мыл шваброй пол.

— Куда?! — рявкнул он на Саню. — В обуви... Перемыть заставлю!.. Морской закон, понял?

— Понял, — сказал Саня и снял башмаки.

— Молодец! — сказал парень со шваброй. — Сообразительный. Жить? Или в гости?

— В гости.

— Тогда иди по следам и поставь чай. — Парень черенком швабры указал вверх, и Саня увидел на потолке следы босых человеческих ног. Следы были черные и вели в кухню.

— Кто же это ходил? — спросил ошарашенный Саня.

— Как то есть кто?.. Снежный человек.

— А зачем по потолку?

— Да чтобы не пачкать пол.

Саня улыбнулся. Он почувствовал себя легко и свободно и занялся на кухне чаем.

В этой квартире-общежитии было много любопытного. Тонкие стволы берез в одной из комнат образовывали выгородку. За выгородкой Саня обнаружил две здоровенные пузатые гири. Он попытался оторвать гирю от пола — ничего не вышло, только расстроился. Тут же был пульта управления: кнопки и клавиши. Саня вдавил кнопочку, и комната озарилась красной подсветкой, вдавил другую — зеленой. Нажал клавишу — с шипением включился магнитофон и командирский голос сказал: «Отбой, моряки. Всем спать! На сон грядущий — колыбельная песня». И простуженный бас артиста Луспекаева грянул: «Ваше благородие, господа удача...»

Очарованный Саня заглянул в соседнюю комнату, где мускулистый парень в тельняшке делал выписки из какого-то учебника. Перед ним на голом столе скалил зубы человеческий череп.

— Это... чей? — робко спросил Саня.

— Ходят тут всякие... А потом черепа остаются, — ответил парень, прищурившись. — А что ты можешь сказать, браток, о природе электрического тока?

— Ну как... — пробормотал Саня, — по проводам течет...

— Течет!.. — подхватил писавший саркастически. — Строим величайшую в мире ГЭС... Получим шесть с половиной миллионов киловатт энергии в год... А что такое электрический ток, не знаем... Дремучие мы люди с тобой, браток. Я когда это понял — волосы дыбом — сразу засел за книги... Одобряешь?

— Еще как! — воскликнул Саня. — У меня брат — почти ученый.

— Профиль?

— Востоковед.

— А-а-а! — сказал парень в тельняшке. — Мы — люди техники.

— А он разочаровался в науке и сбежал на Саянскую ГЭС.

— В армии служил?

— Кто?

— Который сбежал.

— Нет, он хилый.

— Потому и сбежал. Флотской закалки нет. Свяжись с Женей Лохматкиной, понял? Мы его изловим и пришлем бандеролью.

— Есть связаться с Женей Лохматкиной, — улыбнулся Саня.

Одну стену занимал стеллаж. На полках лежали камни с прожилками и разноцветными вкраплениями. Саня снял один камешек и принялся рассматривать.

— Камчатка, — сказал парень, не оборачиваясь. — Край вулканов. Служат хорошими ориентирами.

Саня взял другой.

— Курильская гряда. Плотные туманы. Видимость нулевая. Спасает радар. Возможен заход наших рыболовецких траулеров и шхун.

Саня воззрился на огромного темно-красного краба. Краб висел, растопырив жуткие клешни.

— Командоры, — прокомментировал моряк. — Тяжелая океанская волна. Скалистые бухточки. Три дня в году солнце. Видимость плохая.

— А вы... — начал Саня.

— Морская граница, — отчеканил моряк. — Круглосуточное патрулирование. Быстроходные катера. Понял?

Саня представил погоню в тумане, предупредительный выстрел скорострельной пушки, размытый силуэт шхуны с потушенными сигналами. И — шпиона с пистолетом на капитанском мостике.

— Шпионов ловили? — спросил он взволнованно.

— Само собой! — ответил парень в тельняшке. — Поймали бы, если б сунулись. Но они, черти, чуяли, кто охраняет границу... — Моряк улыбнулся, ослепительно сверкнув зубами. Улыбка у него была, как у кинозвезды: сплошные зубы.

Однажды, когда шторм загнал сторожевик под прикрытые скалы, пятеро друзей решили обдумать дальнейшую жизнь и под свист непогоды обдумали. Они решили, демобилизовавшись с флота, построить город. Свой город.

Стать основоположниками, чтобы дети и внуки гордились ими, чтобы слагали о них легенды.

Что и говорить, хлопотливое дело. Город построить — это еще ничего, можно. Но войти в легенду... Сами понимаете, надо быть без сучка, без задоринки, чтобы будущие экскурсоводы могли рассказывать о тебе, не пряча глаза.

— Пока на нас ни пылинки, — сказал парень в тельняшке и тяжело вздохнул. — Не знаю, что будет дальше.

Ах, что оставалось Сане, кроме сожалений?! Как он хотел бы быть шестым членом этого матросского братства! Как был похож он на

этих парней! Не Саня ли был самым целеустремленным человеком в 7 «а» классе? Не он ли был враг всякой расхлябанности и лени? Он, именно он!

Но нет ничего ужаснее напрасных сожалений. Поэтому Саня волевым усилием переключил мысли и приступил к изучению второй стены, на ней от пола до потолка была нарисована колоссальная картина. Черные хребты. Лимонная луна. Лимонные блики в воде Енисея. Лунные осколки под копытами бегущего через ручей оленя. Картина рождала смутную тревогу. Вглядываясь в дикую пестроту теней и лунного блеска, Саня обнаружил наблюдающую за ним сову, затаившегося под корягой медведя и чьи-то зеленые глаза, мерцающие из мрака...

— Кто это нарисовал? — спросил Саня после долгого молчания.

Парень в тельняшке потянулся, поиграл мускулатурой.

— Вот здесь стояла наша палатка. — Он ткнул в угольно-красную гору, с которой срывалась ртутная осыпь. — А здесь мы начинали тоннель.

Саня разглядел черный зев тоннеля и сияющие глаза тепловоза, который вылетал из чрева горы.

— Спросонок увидишь — за ружье хватаешься, — сказал моряк. — Большой талант... Или как?..

— Вот бы познакомиться с художником! — воскликнул Саня.

— Можно, — лениво сказал парень в тельняшке. — Познакомлю. Так ты брата ищешь... Или как?..

— Брата Вовку.

— Вступишь в контакт с Женей Лохматкиной?

— Да.

Парень задумался.

— Значит, чаем не обойдешься, — пришел он к выводу. — Вскроем банку тушенки... Или как?.. Говяжья. Первый сорт.

— Что вы!.. Не беспокойтесь, — застенялся Саня.

— Делай, как я! — строго сказал моряк и направился в кухню. — Собираешься иметь дело с Женей, срубай два обеда да еще возьми сухим пайком.

— Зачем?

— Увидишь.

Они запили тушенку густым сладким чаем, и моряк погрузил в Саню портфель бутерброд. Бутерброд представлял собой разрезанную вдоль буханку хлеба. В середину моряк поместил полкруга колбасы.

— Теперь ты готов, — сказал он Сане. — Иди.

— А с художником?..

— Он сам разыщет тебя.

Когда Саня вышел из моряцкой квартиры, он уже тверже ступал по земле и, глядя на людскую сутолоку на автобусной остановке в Означенном, лишь усмехнулся.

БУТЕРБРОД ПРИГОДИЛСЯ

Саня сидел на остановке. Пришел автобус из Абакана. С ним должна была прибыть Женя Лохматкина, комсорг стройки и капитан баскетбольной команды.

Баскетболистки клином, как крестоносцы, вошли в толпу, и толпа поспешно раздалась. Самые высокие девушки Саян шли, глядя перед собой в верхние стекла зданий: они привезли победу. Только одна портила гренадерский строй — до смешного мелкая рядом с подругами, хотя дерзости в ее повадке было на всю команду. Она была увешана сумками и авоськами, и Саня усмехнулся даже: «Хозяйственная особа!»

— Женя! Лохматкина! — закричал Саня. И надо же, именно маленькая остановилась.

— Чего вопишь? — Голосок у нее оказался резкий, хрипловатый.

Саня объяснил, чего он вопит.

— Вопрос ясен. Ладно. Найдем тебе брата, — отрубил Женя и вдруг пристально оглядела Саню голубыми твердыми глазами. — Лодырь, нет? Сегодня занят?

— Я... У меня... Я на каникулах.

— Блеск! Будешь помощником. Держи! — Она в мгновение ока навесила на Саню тяжеленный рюкзак с впившимися в спину железными банками, всучила авоську. И Саня, не успев оглянуться, стал похож на караванного верблюда.

Женя и сама нагрузилась основательно.

— Что делать умеешь? — спросила Женя. В глазах ее был ледок.

— Ну... все... как его... пол мыть...

— Ничего не умеешь. Будешь на подхвате.

По бетонной дороге мимо них, рыча, обдавая черными выхлопами, пронеслись самосвалы.

Бетонная дорога вскоре кончилась. Пошли недостроенные корпуса, песок, гравий, грязь, кучи строительного мусора. Кругом — ямы, канавы с водой, хлипкие доски брошены с берега на берег.

— Не свались: покупки замочишь! — крикнула Женя.

— Сама не свались, — ответил обиженный Саня.

Одно утешало его: такая самостоятельная девушка — комсорг и капитан баскетбольной команды — была с ним почти одного роста. У него — метр сорок семь, у нее — метр пятьдесят, не больше. Плотная, крепкая, с пухлым лицом и нахально вздернутым носиком, в грубых брюках, подпоясанных солдатским ремнем с бляхой, Женя шагала широко, по-солдатски. По воротнику ее ковбойки билась грива огненно-рыжих волос.

Перешли железнодорожные пути. Смеркалось. Длинными колючими гирляндами зажглись лампочки высоко над головой и осветили карниз строящегося цеха, фигуры каменщиков, склоненные над кладкой. Каменщики стучали мастерками, как дятлы.

— К утру должны кончить кладку, — сказала Женя. — Событие! Мы с тобой встретим ребят как следует, верно? Видишь, — сказала Женя, останавливаясь, — третий слева — твой брат Володя Смирнов.

Но все фигуры были одинаковы — согнутые черные силуэты. И, наученный горьким опытом, Саня спросил:

— Смирнов... из Ленинграда?

— Не из Америки.

За стройкой пошли будки и вагончики. Они прятались в сумерках, выцветшие от дождей и снегов, расшатанные переездами.

Женя отомкнула амбарный замок на одной из будок и, щелкнув выключателем, осветила запущенность и безобразие: кучу грязных резиновых сапог на заляпанном полу, сохнувшие портянки, замазанные раствором ведра, сломанные мастерки, голое черное окно...

— Не нравится? — хрипловато спросила Женя и внимательно посмотрела на нашего героя своими холодными глазами. От множества веснушек ее круглое лицо казалось солнечным, ярким. Не то что у Вовки, которого будто ради смеха озорник-маляр обрызгал охрой, стряхивая кисть. — Ну что ж, очень хорошо. Придется засучить рукава, — решительно сказала она, хотя рукава у обоих и так были засучены. — Вот тебе ведро, вот тряпка. Где канава с водой, видел?..

Саня побежал к канаве, зачерпнул два ведра воды и преодолел с ними расстояние до будки. За время преодоления он облил свои замечательные джинсы и замочил ботинки.

— Какой нелепый! — чему-то радуясь, воскликнула Женя. — Смотри, как надо. — Она повернула ведра дужками к себе. — Ни капли не прольешь... Мой пол!

Саня мыл. Он ползал, кряхтел, пыхтел, пачкался, ронял, ушибался...

А Женя? Женя вдруг преобразилась. Помнишь, какая она резкая, суровая вышла из автобуса? А тряпку в руках увидела — будьте любезны! — даже засветилась от удовольствия. Женя работала с упоением, ловко, легко, весело. Это даже не работа была, а какой-то фокус, показанный с таким мастерством, что не только зрители, но и сам фокусник счастлив. Она получала удовольствие. Наслаждалась.

И когда Саня это понял, он задумался. И было над чем задуматься. Саня всегда был тайно уверен, что способен на любое, даже великое дело, стоит ему только очень, очень, очень захотеть. И теперь он решил убедиться, что это так. Саня добыл из кучи самый грязный сапог и напрягся, концентрируя на нем свою волю. Он очень, очень, очень хотел вымыть сапог так же быстро и ловко, как Женя.

Но руки не слушались, по локтям текла грязь. И черная тоска навалилась на Саню. Он очнулся только от радостного крика Жени:

— Ай да мы!

Действительно, будку было не узнать. Бело сверкал пол, на окне клетчатая абаканская штора, стол скрылся под клеенкой, разрисо-

ванной парусниками, голая лампочка утонула в багровом абажуре...

— Мы их научим красиво жить. Правда, Саня? — ликовала Женя Лохматкина. — Мы из них сделаем приличных людей.

Шел уже четвертый час ночи. Несмотря на мрачные мысли, а может быть, под их воздействием, Саня ощутил сильный голод и извлек из портфеля свой гигантский бутерброд.

— Ну, Саня... — пропела Женя. — Ты не просто путешественник. Ты — великий путешественник.

— Меня предупредили, — просто сказал Саня. — Скажи: запасайся, Женя уморит.

Женя засмеялась, отчего ее лицо стало еще более солнечным.

— Не могу видеть человека в бездействии. Сразу настроение портится. Моментажно начинаю придумывать, в какую бы работу его впрячь...

Разделавшись с моряцким бутербродом, Женя извлекла из рюкзака три здоровенные банки с красками. В одной банке была черная краска, в другой — желтая лимонная, в третьей — серебристая, как ртуть. Саня кое-что начинал понимать. Он начинал понимать и волноваться, ибо предчувствовал: судьба готовит ему подарок.

Женя отступила к окну и с этой позиции глянула на глухую стену вагончика.

Осмотрев стену, грубо обитую листами сухой штукатурки, Женя, не отрывая руки, провела углем во всю стену зубчатую черту. Черта то взрывалась пиками, то рушилась вниз, то выписывала кудрявые кренделя.

Женя отошла и мрачно посмотрела на свою работу. Солнечное лицо ее было строго. Женя резко отчеркнула несколько линий, и Саня увидел Енисей, хребты, тайгу, ущелья...

— Фантастика! — прошептал Саня. — Дрожь берет, когда подумаешь, как жили первобытные люди. Страшно...

— При чем тут первобытные люди? — пробормотала Женя, кладя размашистые мазки малярной огромной кистью. — А тебе не бывает, что ли, страшно?

— Ну, мне... Мне все хорошо...

Женя обернулась с кистью в руках. Огненная грива метнулась по ее спине.

— Ты, миленький, как в кино живешь... На экране снег, а тебе не холодно? Там голодают, а ты только что мороженое скушал? Там убивают, а тебе не больно?..

Персиковые щеки Сани затвердели. В Сани вспухала ненависть к Жене Лохматкиной.

Он остро пробежал взглядом по ладной фигурке Жени и тотчас зацепился за нужное. Ковбойка Жени в пройме рукава была разодрана, виднелась белая майка. «Художник!.. А рубашка-то драная!» — подумал Саня с язвительным облегчением. И черная волна ненависти стала опадать.

— Женя, — сказал он деревянным голосом, — я сейчас тебя ненавижу. — Сказал и замер от ужаса.

Женя вздохнула, положила кисть на банку, присела к столу.

— А теперь прошло? — спросила она.

— Прошло.

— Вот и хорошо. По себе знаю... Какой это был кошмар, когда я была одна, сама по себе, когда чувствуешь только то, что относится лично к тебе!..

— А что же делать? — прошептал Саня.

— Дарить. Все и всегда дарить. Дарить свое время, внимание, талант, вещи, деньги... Чем больше даришь, тем богаче становишься.

— Ну уж!..

— Серьезно. Понимаешь, Саня, дарить приятней, чем брать.

— Но ведь так ничего не добьешься, — тихо сказал Саня. — Вся жизнь разойдется по мелочам... Надо, наоборот, отбрасывать лишнее.

— А чего ты хочешь добиться?

— Я еще не знаю, — тихо сказал Саня.

Женя задумалась.

— Мне кажется, то, что ты называешь лишним, это и есть жизнь. Ты жизнь отбрасываешь.

Прогрохотал первый самосвал, и послышался топот многих сапог.

— Бригада! — воскликнула Женя.

Дверь широко распахнулась, и парень с широким лицом остановился, держась за косяк, так и не перешагнув порог. Через его плечи заглядывали в будку другие.

Женя, улыбаясь, на них смотрела.

— С победой, ребята?

— С победой. А ну, раздвиньтесь — сапоги буду снимать, — сказал парень и, сев на порожек, стянул сапоги.

В носках он зашел в будку и внимательно все осматрел.

— Замечательно, Женя. Огромное тебе спасибо. Мы поняли все. Надо не только героически работать, но и жить надо тоже красиво... Так или нет, мальчишки? — рявкнул он в дверь.

— Так! — отозвалась бригада.

Женя сияла.

— Ой! — воскликнула она, заметив Саню. — Санечка, извини, забыла.. — Она схватила за рукав брезентовой куртки парня с широким лицом. — Володя! — радостно сообщила она. — К тебе брат. Из Ленинграда.

Парень недоумевающе посмотрел на Саню. Саня чуть не заплакал. Парень вдруг улыбнулся.

— Ах, из Ленинграда! Здравствуй, братишка. — И он заключил Саню в брезентовые объятия.

СКАЛОЛАЗ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Ах, Кабалкин, Кабалкин!

Ведь это надо придумать: по возвращении из Означенного Саня должен не вдалеке от причала найти заброшенную баню. И в этой бане будет ждать ждуть скалолаз. Не нравилась Сани заброшенная баня, ох, не нравилась...

Заброшенную баню долго искать не при-

шлось, поскольку оказалась она не заброшенной. Напротив: большой шум стоял над баней. А банная крыша висела отдельно на стропях автокрана. Она покачивалась в воздухе, а пожилой крановщик сидел на подножке и задумчиво смотрел, как с крыши сыплется труха.

Внутри бани что-то происходило. Слышались крики, удары топоров, стены бани пошатывались, из раскрытой низенькой двери выпрыгивали испуганно лягушки.

На белом валуне перед баней сидел тот самый молодой геолог с бородкой, что простукивал молотком скалу, он наяривал на гитаре. «Моя Марусенька, тебя люблю! Моей Марусеньке дров нарублю...»

— Виват! Пополнение! — закричал бородастый геолог. И ударил торжественным аккордом. — Саня, приблизься! Поскольку мы с тобой интеллигентия и ремеслами не владеем, наш удел — музыкой и песнями подогреть трудовой порыв масс.

Крановщик задумчиво созерцал висающую крышу.

— Гляди-кось, ребята, — сказал он вроде бы даже с обидой. — Уж сколько висит и не разваливается. Ничего не понимаю.

— Все будет о'кей! — бодро закричал геолог. — Зачем ей разваливаться?! А развалится, еще лучше — новую сделаете.

— Тоже верно, — задумчиво сказал крановщик. — Может, тогда пообедаем?

— Вот это мужской разговор! — одобрил геолог и крикнул в сторону бани: — Кидай топоры, обед!

Грохот в бане смолк, и Саня увидел старых знакомцев: скалолаза Кабалкина, Владимира Александровича Смирнова и всю бригаду, что работала на скале в котловане.

— Ну как? — спросил Кабалкин.

— Плохо. — Нашел еще одного Володю Смирнова. Хороший парень, но все же не брат...

— Будем думать, — сказал Кабалкин.

— Придется идти к Ершову. У него ленинградцев много, — сказал Владимир Александрович.

— Это кто?

— Великий человек. Начальник геологической экспедиции. Он пришел сюда, когда здесь гуляли медведи.

Геолог сбросил с себя и раскинул вместо скатерти зеленую брезентовую куртку. И острым топором стал корезить банки с говяжьей тушенкой. А Саня и Кабалкин забрались на баржу, что стояла у причала. В пустых железных трюмах гулко прозвучали их шаги. Енисей с плеском обтекал баржу. Вода была ярко-желтой, пронизанной до глубины солнцем. По случаю воскресенья, вихляясь против течения, зудели моторами праздничные катера. Хребет за рекой поднимался до самого неба. Он был так огромен, что Енисей по сравнению с ним казался желтым ручейком. Саня задрал голову, чтобы увидеть вершину, и ему показало, что хребет кренится, кренится и сейчас

с грохотом рухнет на Енисей, на Хакасские степи и, конечно, на них с Кабалкиным.

— Даже голова закружилась, — сказал он Кабалкину.

— У меня закружилась с первого дня, — признался скалолаз. — Ты знаешь, Саня, что я решил? Остаться в Саянах. Ты только посмотри вокруг — разве можно отсюда уехать?!

Саня сурово нахмурился.

— Извини, Валерий, но это легкомысленно. Как это так — с бухты-барахты... Природа, видите ли, понравилась!.. — Тут Саня уловил в своем голосе сварливые интонации соседки Ирины Викторовны и угрюмо засопел носом.

— Это, конечно, так, — сконфуженно сказал Кабалкин, — только зачем себе делать плохо? Надо делать себе хорошо.

— Это детали, — строго сказал Саня. — Надо выбрать себе цель и идти к ней непреклонно. Не обращая внимания на природу. — Саня, задрав голову, посмотрел в глаза Кабалкину. — Теперь скажи мне честно, какая у тебя цель? Исходя из этого мы и решим, как тебе поступать.

— Я уже и телеграммы послал, — признался Кабалкин, — чтобы контейнеры с вещами заворачивали сюда. Вот видишь, и баня... Пока квартиры нет, ребята из моей бригады решили соорудить для меня дом. Из бани.

— Стоп! — строго сказал Саня. — Какая такая бригада? Они же бетонщики! А ты — скалолаз, барс снежных вершин...

Кабалкин замялся, его русый чуб беспомощно свисал на бровь.

— Видишь ли, Саня, я не знаю, насколько хороши здешние скалолазы. Вдруг они по скале ходят лучше меня — я же со стыда умру, я не вынесу такого позора... Покажу сперва, на что я способен и на бетоне, а уж потом... Если пригласят на скалы, пойду с удовольствием. Но просить, Саня, не могу, стыдно...

— Эх! — только и сказал Саня. Ну как этой горе мускулов втолковать, что жизнь нужно брать за шиворот?

— А цель... — удивился Кабалкин. — Какая может быть цель?.. Работать я люблю... Природа роскошная. Куплю ружье, катер... Рыбалка тут, скажу я тебе... — Он даже зажмурился от удовольствия. — Цветы... Смотри, Саня: горы, как в пламени, в багульнике. Скоро жарки зацветут — ярко-желтое половодье. А горная лилия?! Четыре узких желтых лепестка... А запах, Саня, запах!..

— Ну, Валера!.. Это несерьезно.

— Почему же, Саня? — простонал Кабалкин, мучаясь оттого, что друг его не понимает. И присел на корточки, чтобы видеть зеленые Санины глаза. — Жить каждый день с удовольствием — разве это не цель? Построить крупнейшую в мире ГЭС — разве это не цель? Что еще, Саня?

И снова встал перед глазами гранитный памятник на берегу великой русской реки. Но могли Саня сказать: вот, мол, Валера, цель?! Конечно же, нет. Не мог.

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Переночевав в развороченной бане, Саня и Кабалкин утром в понедельник направились к начальнику геологической экспедиции Ершову. Ершова знали все. О нем ходили легенды. Ершов поставил здесь первые палатки, нашел створ для плотины, разогнал медведей... Великий человек!

Когда Саня это осознал, он вздрогнул. Это ведь только подумать: вот так, запросто, Саня придет к великому человеку и поговорит с ним! Надо признаться, что Саня даже о Вовке забыл, своем несчастном брате, — такой вихрь гудел в его голове. Он летел как на крыльях и радостно думал о том, что сегодня на берегу Енисея произойдет встреча двух великих людей. Кабалкин гулко топал за ним.

Однако на крыльце конторы экспедиции вышла заминка. Кабалкин затоптался, длительно зашаркал альпинистскими ботинками, словно только что вылез из грязи.

— Валера! — укоризненно воскликнул Саня.

— Удобно ли?.. Может, у других поспрашиваем... — забормотал скалолаз.

— Валера, — мягко сказал Саня. И возложил руку на плечо друга. — Держись меня. Все будет достойно.

Он развернул плечи и вздернул подбородок. А Кабалкин, наоборот, сгорбился и спрятался за его спиной. Так они и проследовали в дверь начальника экспедиции Ершова.

Ершов, грузный, с белыми волосами, с ярким красным мятым лицом, оплыв в кресле, восседал за голым полированным столом и пил чай. Саня вонзил глаза в начальника экспедиции. Даже то, как он пил чай, неторопливо отхлебывая, Саню восхитило. Саня понял, что именно так должны пить чай великие люди.

— Александр Александрович Смирнов, из Ленинграда, — представился он Ершову и, неожиданно для самого себя, шаркнул ножкой.

Ершов неторопливо его рассмотрел, отхлебнул янтарного чая и гулко спросил:

— Ну как там, в Питере... все льет?

Саня чуть не подпрыгнул: дался тут всем этот дождь! Но виду, конечно, не показал.

— Что вы, Петр Васильевич, уже две недели страшная сушь, — отрапортовал он, держа руки по швам.

— Гм!.. А весной, когда я уезжал, лило безостановочно, как... гм... в потоп.

Кабалкин от стеснительности навалился на шкаф. Шкаф затрещал и пошатнулся.

Начальник экспедиции неодобрительно хмыкнул.

— Итак... э-э-э... Александр Александрович, чем могу...

— Итак, Петр Васильевич, — подхватил Саня, — нас к вам привела беда. Сбежал мой брат, востоковед.

— Гм... Востоковед?.. Возможно... Хотя сомнительно... В этом сезоне бегут философы и педагоги... Если только у Хабибуллина на уча-

стке?.. Ладно, поищем... Дам команду... А впрочем... Самому с вами съездить, что ли?.. Тайга, запахи — умереть! — Он вздохнул печально. — Понюхать и умереть!

Покряхтев, Ершов выбрался из кресла, и они с Саней солидно двинулись к Енисею. А Кабалкин замыкал шествие.

— Петр Васильевич, не могли бы вы рассказать о плотине? — вежливо спросил Саня.

Хмыкнув, Ершов покосился на мальчика, для чего ему потребовалось остановиться и повернуться всем грузным телом.

— Ладно, — сказал он, — напрягите воображение. Когда-то, в доисторический период, здесь было море. Багровое, мохнатое от протуберанцев солнце кроваво отражалось на горбах мертвой зыби. Иногда море вздувалось бугром, раздавалось с плеском, и среди волн, блестя панцирем, всплывали чудовища со змеиными головами. Так было миллионы лет — багровые волны и черные костяные спины морских чудовищ... Представили?

— Ага.

— И вдруг произошла катастрофа. Страшный гул возник в недрах земли. Огромные волны покатались от материка до материка. Из воды ударили в небо столбы пара и серого пепла. Солнце заволкло. В адском грохоте из моря стали лезть хребты. Тектоника плавилась и сдвигала породы. В раскаленном сухом пару текли огненные реки. Все живое погибло. Когда наутро взошло солнце, то на месте водной глади оказались дымиющиеся горные цепи и пенный поток в скальном каньоне — наш Енисей...

— Значит, вот как было! — взволнованно сказал Кабалкин.

— Я, конечно, не видел, но... гм... вообразить можно... Самый крупный водопад в мире? — спросил он внезапно Саню. И остановился, тяжело отдуваясь.

— Виктория. В южной Африке. Низвергается с высоты 120 метров, — молниеносно ответил Саня. И сам восхитился своей памятью.

— Молодец!.. Так вот, Енисей будет падать с высоты 200 метров. И воды каждую секунду будет пропускать плотина столько, сколько в устье Волги... Ничего мы нашли себе работу, а?

Уже стал виден Енисей, стоянка катеров, и Саня собрался с духом:

— Извините, Петр Васильевич, — начал он с запинкой. — Правда, что вы великий человек?

— Великий? — с интересом переспросил Ершов. — Ха-ха-ха!.. — Он остановился, снял шляпу и потер свою крепкую красную шею. — Отчего это я великий? — спросил он смущенно.

— Вас все знают... «Ершов, Ершов...» — всюду!

— Гм... Чего же хорошего?! Куда ни пойдешь — все смотрят... Нет... Великим я был в твоём возрасте... Или, скорее, в его. — Он ткнул в бок Кабалкина. — Когда начал разведку сибирских рек...

— А сейчас?

— Сейчас великие — молодые люди в резиновых сапогах, которых еще никто не знает... Это они делают великое дело.

Вышли на берег Енисея. Внизу лежали выщепленные на плитки бело-голубые катера. Дохнуло студеным ветром. Ершов потоптался, посмотрел направо, налево, потянул носом.

— Гхм! — произнес он задумчиво. — Погодка-то свежая. Так и насморк долго ли схватить... Как считаете?.. Пожалуй, братцы, увольте... Я уж... это... рисковать не стану — езжайте одни!

«Вот так покоритель Сибири! — подумал Саня. — Насморка боится». И глянул на Ершова снисходительно.

ВОВКИН ДРУГ

Желтые свивающиеся струи летели мимо катера, закручиваясь воронками. Катер кидало и било. Вода пахла снегом. Ветер высекал слезы.

Саня вытер глаза и засмеялся.

Кабалкин участливо склонил румяное лицо.

Саня хлопнул его по колену:

— Все о'кей, старик. Живи дальше! — Кабалкин представлялся ему вторым, после Вовки, братом, о котором нужно заботиться и которого надо учить.

Они тесно сидели на передней лавке катера. Впереди, в провале хребтов, снежно сияли пики Боруса. И, глядя на эти пики, на склоны хребтов со следами обвалов, Саня был счастлив тем, что решил махнуть в такую даль от дома, что, наконец, увидел, как люди делают великие дела.

«Вот грохнет!» — с веселым испугом подумал Саня, глядя на следы оползней. И ухмыльнулся. Он чувствовал, что ничего с ним случиться не может. Ощущение удачливости вздымало грудь и щекоотало ноздри.

— Створ! — крикнул с кормы моторист. И, подняв лицо, Саня увидел высоко на склоне хребта красный столбик, означающий гребень плотины. И подумал, что не то что построить плотину, взобраться по скале до красного столбика — и то геройство.

Они прошли мимо дамбы, ограждающей котлован. Над дамбой двигались решетчатые краны.

Вскоре на узкой полосе галечника, под нависшим хребтом Саня увидел большую брезентовую палатку, а рядом — выложенную из валунов печь.

Их встретили громоздкий бурильщик Васюков и мастер буровых работ Хабибуллин.

Хабибуллин был строен и гибок. У него было узкое лицо, черные блестящие волосы. Восточные, вразлет, глаза мастера прикрывали очки в тонкой золотой оправе. Движения его были порывисты, и Сане даже показалось, что в мигу бешеной вспышке он выхватит из-за спины кривую сверкающую саблю. Но Саня, конечно, как всегда, преувеличивал.

Саня первым покинул лодку и, приготовившись к рукопожатию, бодро пошел на сближение.

— А это мой друг Кабалкин. — Он пальцем указал через плечо. — Скалолаз.

Хабибуллин, сверкнув очками, посмотрел на Саню испепеляющим взглядом. Он стоял, заложив руки за спину.

— А ты чей друг? — спросил он резким, надтреснутым голосом.

Саня растерялся.

— Простите, что вы имеете в виду?

Хабибуллин спросил быстро и резко.

— Ты чей друг? Кому помогаешь?

— Ну как... всем... кому надо... — забормотал Саня, запоздало соображая, что мог бы ответить легко и небрежно: «Хотя бы брату. Вот приехал к нему за пять тысяч верст...»

— Так!.. А что тебе, собственно, надо?

— Мы ищем Володю Смирнова, — пролепетал Саня. — Из Ленинграда. — И посмотрел на Кабалкина.

— У меня работает Владимир Смирнов из Ленинграда, — отчеканил Хабибуллин.

И к Сане вернулось ощущение удачи. Он расправил понурые плечи и зелеными мерцающими глазами посмотрел в очки Хабибуллина. Он обрадовался даже не тому, что он нашел наконец Вовку. Он был уверен, что найдет. А тому, что нашел его красиво, на быстроходном катере, с провожающими и встречающими.

— Володя Смирнов — мой брат.

Хабибуллин осмотрел внимательно Саню.

— Не похоже, — сказал он твердо.

Сане стало совестно, что у него такой нелепый брат. Он мягко улыбнулся, развел руками, как бы говоря: «Сами понимаете, таким уж он уродился. Что я могу поделать?»

— И тем не менее, — сказал Саня.

Хабибуллин, метнув черный взгляд, разглядел в Сане еще что-то пропущенное при первом осмотре и решил окончательно:

— Нет!

— То есть как?!

— Он скромный парень, — пояснил Хабибуллин. — Он мне нравится.

Саня почувствовал, что у него дернулись и поползли губы. Он понял, что сейчас заревет от унижения и обиды.

— Саня тоже мужик подходящий, — вступился за него Кабалкин. — В основе пока, конечно.

— Все мы замечательные люди, пока нам ничего не грозит, — задумчиво сказал Хабибуллин.

— А где Вовка сейчас? — спросил Саня сдавленным голосом.

— На том берегу Енисея. На скале. — Мастер выдал слова, как монеты, — звонко и отчетливо. — У красной отметки.

И Саня вспомнил красный столбик на хребте. Он представил себя на этой крутизне, глубокою пустоту под ногами и поежился: ощущение было противным. «Неужели Вовка герой, а я трус?» — подумал он.

Хабибуллин улыбнулся стремительной восточной улыбкой и снял очки.

Бурильщик Васюков словно только и ждал этого знака. До этого он почтительно громоздился за спиной Хабибуллина. Васюков был похож на располневшего гладиатора. Его розовое горячее тело распирало линялую футболку. Ржаные волосы бурильщика торчали клочьями и шевелились от ветра.

— Саня! — рявкнул он сырым басом, сгреб Саню толстыми руками и притиснул к свисающему через ремень мягкому животу. — Ты дома!.. Вовка — мой друг-закадыка, понял?

— Понял! — задушенно крикнул Саня, упираясь в колышущийся живот руками.

— Вовка — друг... А ты, значит, кто?.. Тот! — Васюков отстранил Саню и посмотрел на него, любуясь.

— Ах, вот что! Вы товарищ брата нашего Сани, — успокоился Кабалкин, уже было изготовившийся схватить гладиатора за шиворот.

— Друг по гроб жизни! — лесным басом взревел Васюков. — Саня! — гаркнул он. — Что хочешь? Здесь Сибирь, понял?.. Рубашку надо?.. У меня две... Сам-то откуда?

— Из Ленинграда, — ответил ошеломленный и слегка помятый Саня.

— С Ленинграда! — захохотал Васюков, весь колыхаясь от радости. — А я с Белоруссии. Минск, слышал?.. Так я с Бобруйска... Друг! Саня! — Он даже присел и шлепнул себя по коленям мясистыми лапами от пришедшей ему счастливой мысли. — Отдыхать собираешься?.. Давай в Бобруйск! Воздух гарантирую... Борщ — язык проглотишь... Ну? Стоворились?.. Дай лапку!

Вдруг он гулко ударил себя кулаком в грудь. И побагровел.

— И-эх!.. Я-то!.. Я-то! И ты тоже, друг сердечный, таракан запечный! Молчишь... Чего молчишь?! Ты же голодный, рубать хочешь...

Васюков по-медвежьи полез в палатку и ожесточенно загремел кастрюлями.

Взъерошенный Саня вопросительно посмотрел на скалолаза.

Кабалкин сидел на камне и растроганно смотрел на заросли багульника, которые языками пламени взлетали по склону хребта.

ОБВАЛ

Накормив гостей, Васюков залез в дюралевый легкий катер, завел мотор и пошел на тот берег Енисея. Там у самой воды под хребтом стоял насос. Васюков подавал воду на склон, к буровому станку, которым управлял Вовка.

...Черная ночь навалилась на мир. Исчезли камни, исчезли горы. Лишь Енисей жил как прежде. Он журчал, переливался и гремел камнями за палаткой, под самым ухом Сани.

Саня, упакованный в спальный мешок, лежал в темном углу. И в других углах палатки тоже таились тени. Тусклый свет керосиновой лампы лишь усиливал ощущение затерянности в этом затопленном тьмою мире.

Разделенные лампой, склонив друг к другу желтые лица, беседовали шепотом, как заговорщики, Валерий Кабалкин и буровой мастер Хабибуллин. Они боялись разбудить Саню.

Ах, напрасно они боялись. Не спал Саня в своем мешке и не мог уснуть. Хоть бодрился он целый день и восхищался своей удачливостью, на душе его было скверно.

Иногда глаза Сани заволакивала дремота, и тогда он видел Васюкова, влезавшего в катер. Оттолкнувшись от берега, Васюков вдруг выпрямился во весь рост, крикнул страшно и дико: «Ты чей друг? Кому помогаешь?» И захохотал так, что каньон наполнился гулом.

Саня заплакал и стал видеть во сне милую Ирину Викторовну, солнце, которое утренним ярким пятном подкрадывается к дивану.

Проснулся Саня от мощного толчка. Тотчас за толчком возник гул и длился, нарастая. Звякнуло стекло лампы. Метнулись тревожные тени. С грохотом вскочили скалолаз и Хабибуллин.

Саню охватил озноб. Ему захотелось вжаться в шелку, чтобы грозы этого страшного мира, не заметив его, пронеслись над головою.

— Обвал! — прошептал мастер.

— Где? — тоже шепотом спросил Кабалкин.

— На той стороне.

Гул сменился близким грохотом, ударила вверх земля, хлопнуло полотно палатки. И все стихло. Хабибуллин и скалолаз переглянулись.

И тут возник новый звук, тонкий, как пение комара. Он рос, становясь все более надсадным и близким.

Хабибуллин схватил фонарь и, откинув брезентовую дверь, стал светить во мрак ночи. Саня, повернувшись на бок, выглянул из палатки. Луч фонаря выхватил белые камни и ободраный куст багульника.

Воющий звук приблизился, ударился в склон за палаткой, и горы уронили в воду: «Бу-бу-бу!» На полной скорости моторка врезалась в камни, заскрежетала металлическим днищем, затрещал гравий под торопливыми сапогами, и, сметя своей массой Хабибуллина, в палатку ворвался растерзанный Васюков. Выкаченные глаза его блуждали, правая щека дергалась, руки загребали пустоту, пока не ухватились за стойку палатки.

— Спасся! — прохрипел он, озираясь. — Спасся-а-а! — И грузно упал на нары, придавив Санины ноги.

Из тьмы доносился вой мотора.

Хабибуллин рванул Васюкова за плечо, ударил в лицо светом.

— Живо-о-ой! — безумно тянул Васюков.

— Харашо, харашо! — звенящим голосом крикнул Хабибуллин. — Спасся — харашо... Гавари, что было. — От волнения он заговорил с акцентом.

— Что было... — Васюков сел на нарах, свесив толстые руки. Полное лицо его обвисло, шарящий взгляд не мог ни за что зацепиться.

Саня выполз из мешка, вжался в угол, вспучив спиной брезент.

— Что было...— еще раз повторил Васюков. — А-а-а! — обрадовался он, вспомнив.— Руки... — Он с интересом посмотрел на свои ладони. — Сижу вот так... — Васюков снялся с нар, присел на корточки и вытянул перед собой руки. — Вот так руки, а под руками насос — клапан регулирую... А потом... Потом вдруг — гром... дунуло... Я сижу, под руками — пусто. Нет насоса. — Он напрягся, вспоминая. Кожа лба его сложилась волнообразно. — Еще дунуло... Смотрю, надо мной дерево летит, ветки растопырены... Потом... Да! Потом буровой станок мелькнул и — в воду. Без звука...

Хабибуллин навис над ним, как клинок.

— Смирнов там был,— процедил он.

— Да! — воскликнул Васюков, лихорадочно оживляясь. — Водопровод еще... Свился пружиной и... Что же дальше?.. Ага! — воскликнул он торжествуя. — Я в лодке оказался. Лавина пошла вниз, а меня уж течением отбросило. Я за мотор и — обороты!

— Где Смирнов? — зло спросил Хабибуллин.

— Так и спасся.

— Шайтан! — закричал Хабибуллин, бледнея. — Ты спасся, а где Смирнов?

— Смирнов?.. — механически повторил Васюков.

Хабибуллин бешено сверкнул очками.

— Я тебя спрашиваю, что с Вовкой? Ты был старший... Товарища бросил?

Васюков посмотрел на него.

Кабалкин стоял в отдалении, каменный, решительный.

— Поехали! — приказал Хабибуллин.

Расхватав фонари, все четверо бросились к лодке. Мотор все бился, буравя воду.

— Куда?! — крикнул Хабибуллин Сане.

И у Сани невольно вырвалось:

— Боюсь я один, боюсь!

— Ладно. В лодку!

Толкая друг друга, залезли в лодку. Кабалкин рывком оттолкнул ее, прыгнул на нос, и Саня от толчка упал. Его сотрясал озноб. Он сжался в комок и вцепился в лавку.

Катер било течением. Черная тьма была вокруг. И непонятно было, куда же они плывут. Присмотревшись, Саня увидел над головой звездную реку. Хребты были ее берегами.

Что-то заскрежетало о лодку, развернуло ее, звездный поток качнулся и пошел в сторону. Белая рука протянулась через борт, больно задела Саню, рванула с Васюкова куртку. Это была коряга. Скалолаз молча ее оттолкнул.

А Васюков от толчка словно проснулся.

— Вовка, друг! — завопил он, громоздко поднимаясь в лодке и накрывая ее.

Кабалкин и мастер зорко следили за ним.

Покачавшись, Васюков крикнул: «А-а-а!» и бросился в черную воду. В то же мгновение Хабибуллин и скалолаз в четыре руки подхватили его, и Васюков тушей навис над бортом. Лодка ходила по кругу и черпала воду.

Васюкова толкнули на дно лодки, рядом с Саней.

— Сиди, дурак! — крикнул Хабибуллин.

— Нельзя мне жить, — пробормотал Васюков и заплакал.

И вдруг до сознания Сани дошло: Вовка!..

Вовка!.. Что же теперь делать? Саня с ужасом подумал о встрече с отцом и вспомнил, как, бывало, хлопала входная дверь и гремел по коридору его зычный веселый голос: «К торжественному маршу!.. Повзводно!..» И даже стекла радостно звякали. А они с Вовкой вылетали с воплем из комнаты...

После смерти мамы отец сгорбился, как бы обвис. Движения у него стали мелкие, суетливые, неуверенные. Посуетившись, он садился в кресло и забывал о том, что на кухне кипит вода, а на стульях лежит белье. Все начатое им бесшумно и ловко доделывала соседка Ирина Викторовна.

Ах, не так надо было, не так! Не смотреть с опаской и состраданием на отца, а попытаться его отвлечь, заинтересовать своими отметками, что ли... Получить двойку, чтоб удивился.

А теперь? Вовка погиб. И принести эту весть должен Саня? Нет, нет, нет! Лучше умереть. Саня даже почувствовал облегчение, когда набрел на этот выход.

...Звук мотора ударился о скалы.

— Свети! — крикнул с кормы Хабибуллин.

Скалолаз ударил с носа лучом. Вода с громким урчанием обтекала камни сошедшей лавины. Хабибуллин повернул лодку, и они пошли вдоль берега, ища, куда бы приткнуться. Наконец, заклинились в валунах, и Кабалкин полез с фонарем наверх, по нагромождению камней. За ним двинулись все остальные.

— Будем искать, пока не найдем, — сказал мастер.

— Само собой, — ответил Кабалкин.

— А я-то куда теперь денусь? — спросил себя Васюков. — Куда?..

Часа четыре они лазали по завалу, ободрались и обессилели, но результатов это лазание не дало, если не считать обнаруженной трубы водопровода, которая, вынырнув из камней, тут же прыгала в Енисей. Молча сели, привалясь к скале. Васюков лег, уткнувшись лицом в руки.

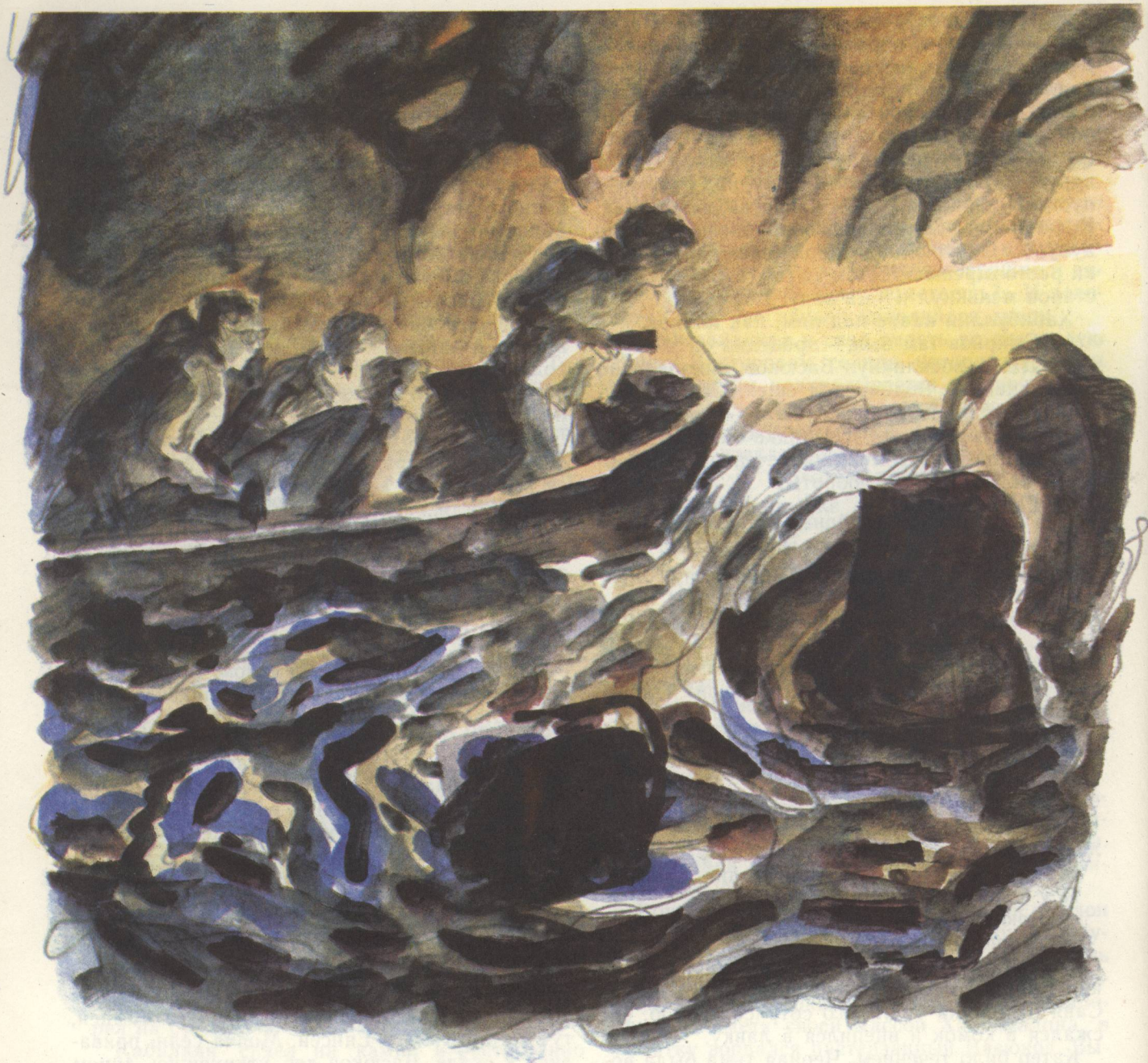
И тут Саня заметил, что серые камни выступали из тьмы, небо выцвело и погасло, обозначив вершины хребтов. Назревало утро.

— Пойдем на хребет, — хрипло сказал Хабибуллин. Лицо его словно обуглилось, в провалах щек залегли тени.

— Само собой, — ответил Кабалкин. Он один был по-прежнему свеж. И присел — словно так, за компанию. — Плохо — роса, склон сырой... Да ладно...

Отдохнув, они начали подъем. Головным шел Кабалкин. За ним — Саня. Страхую его, ниже поднимались Хабибуллин и Васюков. Первые полчаса подъема Саня еще различал окружающее. Он заметил, что хребты выступили окончательно. Внизу кофейно сверкнул Енисей. За кусты цеплялись клочья тумана.

Еще заметил Саня, что лицо Васюкова ста-

ло старушечьим, выжатым. И больше уже ничего не замечал, кроме мокрой осыпи камней близко перед глазами, сухих былинки и редких кустов, за которые он судорожно хватался.

От первоначальной легкости не осталось и следа. Саня скользил, взрывая пыль и мелкие камни. Глаза застилала пелена.

Время от времени пелена редела, и тогда Саня видел Кабалкина, внимательно за ним наблюдавшего. Скалолаз шел легко, неторопливо, лишь чуть-чуть касаясь ладонью склона, и, что самое удивительное, болтал не умолкая.

— Разве ж это гора?! — ясным и свежим голосом говорил он. — На нее можно въехать на велосипеде... Так. Замечательно! Молодец! — подбадривал он, останавливаясь и фиксируя каждое движение прилипшего к скале

Сани. — Три шага — вдох, два шага — выдох... Идем направо... Теперь — налево... Зигзагом, зигзагом — мы никуда не торопимся... Мы просто гуляем... Пробуем ногой опору — надежно? Переносим на нее всю тяжесть... Ступаем неторопливо, тяжело, уверенно, как ответственные работники...

Временами голос Кабалкина глушили гулкие удары в висках.

В какой-то момент Саня ощутил под ногами пустоту. Сквозь пульсирующую фиолетовую пелену он увидел близко перед глазами камень с прожилками. На камне, зарывшись в лакированный панцирь, спал жук. Жук постоял перед глазами и пошел вместе с камнем вверх. Саня понял, что его силы иссякли и что куст, за который он ухватился, выскальзывает из рук.

— Прекрасно! — раздался голос Кабалкина. — Теперь можно оставить куст и отдохнуть.

Саня ослабил руки и уперся в горные ботинки оказавшегося под ним скалолаза.

Подождав, пока глаза Сани осмыслятся, скалолаз повел его вверх. И дальше Саня вообще перестал что-либо различать. Лишь иногда выдирались из тумана камни, трещины, ветки...

В себя он пришел, лежа ничком на гранитной площадке. Рядом раздавались длинные, свистящие хрипы. Саня прислушался и понял, что эти звуки издает он сам. Он приподнял голову и увидел: Кабалкин с интересом рассматривает что-то. Саня сел. Гранитная площадка врезалась в гору, образуя грот. В гроте, подернутые сизым пеплом, дотлевали угли костра. А рядом с костром лежал человек с нелепо вывернутыми ногами. Человек лежал лицом вниз, худой и длинный. В его вывернутых ногах, подломленных под живот, руках было что-то страшно знакомое. И мысли Сани шархнулись...

А Васюков остолбенел.

— Вовка! — заревел он.

Человек сел, озираясь.

Да, это был Вовка, нелепый Санин брат.

Хабибуллин сел на корточки, прикрыл ладонью лицо и так замер. Золотые очки покачивались у него на пальце.

— Ты как, живой? — все спрашивал и спрашивал Васюков, то принимаясь смеяться, то вытирая слезы.

— Как загремело, я отошел в сторону. Костер развел...

— Не было видно костра, Вова, — с горечью сказал Васюков. — Не видно было, родной... Ах, Вова, Вова, если бы видно было!..

Вовка сладко зевнул и на середине зевка, увидев Саню, лязгнул зубами.

— А ты откуда здесь?

— За тобой приехал. Отец возвращается.

Надо тебе домой.

— Хорошо, — сказал Вовка.

— Вернешься?! — поразился Саня.

— Вернусь.

Саня подсел поближе и сказал Вовке шепотом:

— Мастер тебя страшно хвалил... Удивляюсь, чем ты ему понравился?

Вовка ухмыльнулся, сложился, как метр, обхватил колени длинными худыми руками. Рабочая одежда висела на нем, как на школьном скелете. Взгляд, обычно обращенный в себя, теперь был зорок и светел.

— Все очень просто, — сказал он. — Мне понравилась работа. Поэтому я понравился мастеру. — Он помолчал, спокойный, светлый и уравновешенный, и тихо засмеялся: — Я заблудился в трех соснах, Саня. Я здесь это быстро понял... Нельзя жить, рассчитывая на великий результат. Если он к тебе придет, тем лучше. Надо любить сам процесс поиска. Надо утром вскакивать от радостного нетерпения — скорей за работу! Надо, чтобы каждый день был полон маленьких открытий.

— Чем же ты сейчас займешься? — не понял Саня.

— Тем же самым, — улыбнулся Вовка. — Только я не собираюсь больше поражать мир. Не удастся расшифровать таблички, что ж... Расшифруют другие.

...Сложная штука жизнь, дорогие друзья. И серьезная. Думаешь о себе одно, и хорошо думаешь, а она возьмет и развеет пылью твои замечательные представления. И заставит посмотреть на себя беспощадным взглядом. Посмотришь и ахнешь. Оказывается, все надо начинать сызнова, с чистой страницы...

Вот какие жуткие открытия подкарауливают нас в пути. Саню они настигли на Саянском хребте, у костра, который вздул скалолаз Кабалкин. Саня сидел, сторбившись, зачеркнув свою прошлую жизнь. Его мутило от стыда. Мечты о дурацком памятнике, о великих открытиях, наглость, высокомерное отношение к людям — сколько ужасного может вместиться в одном человеке?!

— Валера, — сказал он тихо, — вот ты все время со мной...

Кабалкин удивился:

— Как же я мог тебя бросить, Саня?! Этого никак я сделать не мог.

— Но ты же теперь в бригаде...

— Я взял пятидневный отпуск. Для устройства личных дел.

Саня поник головой.

— Плохи мои дела, Валера.

— Что ты, Саня, наоборот! У тебя все блестяще.

Саня недоверчиво на него посмотрел.

— Ошибки человек так и так иногда делает. Никуда от этого не деться. Беда, если они растягиваются на всю жизнь. У тебя же все отлично — ты их делаешь одну за другой. Скоро все переделаешь и освободишься.

— А дальше?

Скалолаз улыбнулся детской улыбкой, не отрывая глаз от вершин Боруса. Их снеговые грани уже прихватило солнце, и над угрюмым, затененным хребтом вершины сияли алыми коронами.

ОТ АВТОРА. Дорогой читатель! Вот еще что я хочу добавить. В поселке Майна в очереди за комплексным обедом я разговорился с молодым человеком. При одном взгляде на него мне захотелось воскликнуть: «Вот он, будущий форвард!» Такой он был сбитый, крепкий, четкий. Корпус нес прямо, слегка откинув назад, и лицо имел круглое, румяное, с крепкими щеками и кошачьими быстрыми глазами. Это был самый молодой рабочий на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, плотник-бетонщик Саня Смирнов.

И не только Саню, но и всех тех, о ком я здесь написал, я встретил на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. Эти люди мне очень понравились. Такие они были живые, веселые, умелые, ну, в общем, как раз такие, какими я и представляю хороших людей.

„ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ПРОДОЛЖАЛ ВЫХОДИТЬ...“

Недавно я познакомилась с «Антологией русской детской литературы», опубликованной в Лос-Анджелесе. Калифорнийский университет выпустил в свет сборник лучших произведений ста русских и советских писателей. Вошли в эту книгу и современные детские поэты и прозаики нашей страны — Сергей Михалков, Агния Барто, Николай Носов, Лазарь Лагин. Можно порадоваться за юных американских читателей — теперь и они смогут так же, как наши школьники, наслаждаться поэзией лучших советских детских книг.

На страницах этой антологии меня ждала удивительная и радостная встреча — с «Костром» 1942 года, там, где был опубликован рассказ «Мальчик и офицер». Герой рассказа — ленинградский мальчик Толя Нилов — предпочел смерть предательству. Он погиб, не выдав фашистам партизан.

Хорошо, что сегодня американским детям напомнили о зажатом в блокадное кольцо Ленинграде, поместили в антологию этот рассказ.

Составитель и переводчик «Антологии» Мириам Мортон пишет: «Школы, библиотеки, театры, концертные залы были закрыты, а детский журнал продолжал выходить».

Простим Мортон ее незнание — мы-то с вами знаем,

что школы в блокированном Ленинграде были закрыты только один год, многие библиотеки были открыты, в том числе и детская библиотека им. И. А. Крылова, куда ходила я чуть ли не ежедневно за книгами, как за хлебом. А в помещении Пушкинского театра всю блокаду работал Театр музыкальной комедии, и 18 января 1943 года я со своей подружкой-одноклассницей была на спектакле «Продавец птиц», который мы так и не досмотрели. Действие прервало радостное сообщение о прорыве кольца блокады. Все зрители и актеры, плача и смеясь от радости, выбежали на площадь перед театром и слушали канонаду наших гаубиц — она обещала нам жизнь и победу.

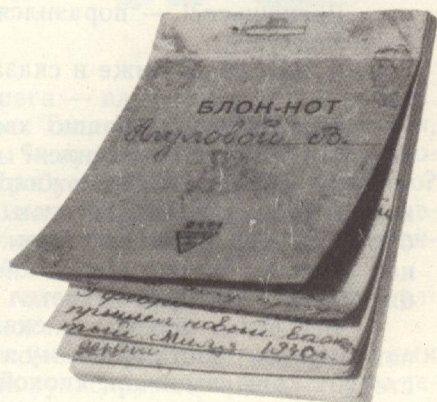
По счастливой случайности сохранились мои дневниковые записи тех лет. Писала я карандашом в маленьком блокноте при свете коптилки (нехитрое сооружение из бутылочки с керосином, фитиля и железного кружочка, который не давал падать фитилю). Блокнот подарил мне перед войной отец и посоветовал вести дневник. «Записывай все что захочется!» А что, собственно, записывать, когда тебе девять или десять лет?

Подобрали на улице во время прогулки раненого голубя, пропала кошка Мурка, прочла

первую толстую книгу — «Гаргантюа и Пантагрюэль»...

Как непохоже это на первые военные записи:

«16 сентября. Учиться не будем. Сегодня бомбардировали наш район. Бомбы попали совсем близко. На площади Нахимсона большая воронка, рельсы разворочены, трамвай весь раздроблен, все выбиты стекла у ближайших домов, везде осколки, рельсы, ямы. На Васильевском острове пожар. Боюсь за маму».

Странички из блокнота-дневника ленинградской школьницы Ванды Агуловой (Разовой)

Мама работала на Балтийском заводе и дважды в день пешком пересекала город. Читаю дневник дальше. Как будто это писала не я, окончившая перед войной всего третий класс...

«1 октября. Сегодня три тревоги и сильно обстреливают из артиллерии. Я во дворе нашла осколок. Мы с девочками уже не боимся стрельбы и играем в лапту».

«4 октября. Сегодня восемь тревог. У нас на улице строят баррикаду. На многих улицах уже выстроены. Они строятся не как в революцию (из бочек, досок, стекол, дверей и чего попало), а из кирпича и обливаются цементом или железобетоном».

С ленинградского неба тогда сыпались не только зажигалки и фугасы, но и фашистские листовки. Горожан пугали, что будут применены газы.

Помню, я сразу пошла в библиотеку и попросила почитать что-нибудь о борьбе с газами. Как сейчас вижу комнату, наполненную книгами, слева постоянно горящая „буржуйка“ — железная печурка, на которой в кастрюле кипятил, каждому юношу читателю тут же выдавалась кружка горячего кипятка, после чего

уже начиналась беседа. И в этот раз было, как всегда — и кипятил, и беседа: Любовь Захаровна, директор детской библиотеки им. И. А. Крылова, тогда успокоила меня, сказав, что вряд ли будет газовая атака, запугивает фашист, да и противогазы всем выдали — не страшно.

Уже осенью 1942 года дали мне номер «Костра», где был опубликован рассказ Михаила Зощенко «Коварный враг», рассказ о том, как в первую мировую войну немцы применили газы, а русские солдаты по совету одного офицера зажгли костры: оказывается, газ боится огня, вздымается вверх и плывет поверх людей.

«Уж если тогда, двадцать шесть лет назад, немцы не могли нас победить, то сейчас и подавно, — прочла я в конце рассказа. — Враг будет разбит. Это так же верно, как то, что на небе восходит солнце». Вовремя попал в мои руки этот номер «Костра» — № 7—8 за 1942 год. Очень помог мне.

«Костер» выходил редко, не каждый месяц, и мы ждали его с нетерпением. На его страницах мы находили стихи Николая Тихонова, Александра Гитовича и других поэтов,

стихи заучивали наизусть, читали раненым бойцам в госпитале, в бывшей школе на Бородинской улице. Голодные, усталые, брели мы после уроков, казалось, на край света, а всего-то-навсего — за несколько кварталов, на свой пионерский пост у постели раненого бойца: писали под диктовку письма, помогали нянечкам. Помню, читала я раненым рассказ Льва Успенского «Тяжелая береговая», а после чтения красноармейцы уже сами начали рассказывать о разных случаях на войне.

...Листаю сегодня старые номера журнала «Костер», рассматриваю фотографии, рисунки, обложки, оформленные художниками — Владимиром Конашевичем, Алексеем Пахомовым, Николаем Муратовым, Валентином Курдовым, Юрием Мезерницким... Прошло более 30 лет с той блокадной поры, и сейчас обращаю внимание на то, на что в детстве обычно не смотрят, — на фамилии авторов, иллюстраторов, редакторов.

Слава этим людям — писателям, художникам, редакторам, корреспондентам, печатникам, всем, кто зажег «Костер» для детей блокадного Ленинграда.

В. РАЗОВА

Снозкя бодибондировали
наш район. Бомбы
попали совсем близко
На площади Нахим-
сона Большая воронка
рельсы разворожены
трамвай весь разурод
лен, все выбиты стекла
у ближних домов, везде
сколки, рельсы и ямы
Ужасная картина.
На Васильевском острове
был виден пожар.
Боясь за маму!

4 октября
Снозкя 8 тревог. У нас на
улице строят баррикаду.
На многих улицах уже
выстроены. Они строятся
не как в революцию (из
бочек, досок, стекол, дверей
и чего попало), а из кир-
пича и обливаются цемён-
том или железобетоном.
Если бы была сейчас Анни-
ка то она-бы ужасно
удивилась всему этому.

ВАЖАТЬ

Пионерский парад во Владивостоке

ЖУРНАЛ ЮНКОРЫ

Оформление Л. Каминского

Дорогие пионеры!

От имени всех коммунистов, от имени ветеранов труда поздравляю вас с замечательным праздником — днем рождения вашей организации, носящей имя великого Ленина. Успехов вам во всех делах, отличной учебы, здоровья!

Мы, взрослые, внимательно следим за ходом марша „Берем с коммунистов пример!“ и всегда готовы поделиться с вами и своими знаниями, и своим опытом. Скорее вырастайте! Становитесь сильными, умными, образованными!

Идите на смену комсомольцам и коммунистам!
Б. М. ВОРОБЬЕВ,
Герой Социалистического Труда,
токарь Кировского завода,
заместитель председателя
Верховного Совета РСФСР

Б. М. Воробьев руководит кружком юных техников во дворце культуры имени Газа в Ленинграде

Со всех концов страны собрались в Москву на слет старшие и отрядные пионерские вожатые. Много вопросов предстоит обсудить им.

Партия ставит перед ними большие задачи по воспитанию юной смены коммунистов!

Юнкоры пишут нам и о лучших октябрятских вожатых. Печатаем два письма:

Наши вожатые — Сережа Гусинский и Вова Жабин. Они часто приходят к нам.

У Сережи есть младшая сестренка, ему приходится за ней смотреть. Еще он учится играть на рояле и на скрипке! А Вова в разных кружках занимается. Он умеет кино показывать. Сережа и Вова знают много интересных для нас, октябрят, игр, ходят с нами в театр, помогают в учебе.

Андрей Скрипников,
2-й класс, 303-я школа,
Ленинград

Салют

Меня назначили вожатой во второй „в“ класс в самом начале учебного года. Я с волнением пошла к октябряткам. Первый день знакомства был неудачным. Я просто не знала, с чего начать...

Дома я чуть не разревелась, вспоминая, как все было.

Что делать? Решила перелистать „Костер“, пошла к октябряткам снова. Я старалась не читать, а рассказывать своими словами, чтобы интереснее было слушать. И им стало интересно!

Теперь „Костер“ — мой постоянный спутник. Самый свежий выпуск журнала я несу ребятам. Мы не только читаем, но обсуждаем повести, рассказы. Я даже тетрадь завела, куда записываю все, что понравится в журнале.

Оля Полунина,
8-й класс,
Московская обл., город Коломна

Первому

Всесоюзному

слету

вожатых

Сообщают ЮНКОРЫ

Сдали в фонд мира 2000 рублей, заработанных на сборе макулатуры.

Ваховский, Ершова, Катаргина,
Ростов-на-Дону

Провели пионерские Олимпийские игры. Все ребята сдали нормы ГТО.

Казахская ССР,
Приртышская средняя школа,
совет дружины

Собрали библиотечку для Татищевской сельской школы.

Галия Гречушникова,
5-й класс, 41-я школа,
Москва

МОЯ РОДИНА — СССР

ПЕРВЫЙ ПОХОД

У нас в Саяке есть древнейшие интересные места и пещеры. В одно из воскресений мы отправились туда. Нас повел наш шеф Георгий Петрович Бурдуков. Он кандидат технических наук, преподаватель института, времени у него мало, а вот все-таки нашел для нас. Мы ему за это очень благодарны.

Когда мы ранним утром собрались у автобуса, только одного Вовы не было. Он прибежал запыхавшийся.

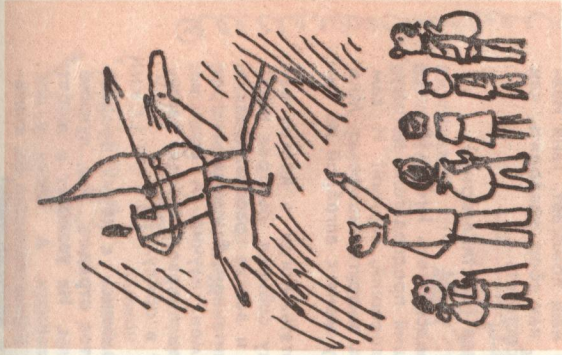
— Меня мама не пускала, нечего тебе там делать, говорит. Еле объяс-

нил ей, что мы едем коллективно, что это поход-экскурсия.
— А ну, ребята, запевай! — крикнул шофер. Мы запели, и автобус поехал.

Прибыли на место и повесили носы — ничего интересного, на первый взгляд, тут нет. Георгий Петрович только хитро улыбался. Он повел нас по тропе, и вскоре мы увидели сказочную картину! Наскальные рисунки горных козлов и верблюдов! Забыл про отдых, мы карабкались каменными тропами, и Георгий Петрович показывал нам все новые и новые картины.

Вот скачущий архар, а вот человек натянул лук и готовится пустить стрелу. Мы нашли древние вырабки. Древние люди выплавляли бронзу. Нашли камни — орудия первобытного человека. Много всего мы увидели в своем первом походе.

*Береке Ермагамбетова,
поселок Саяк*

ЕГО ЗОВУТ МИГЕЛЬ

Мне про него рассказал папа. Мой папа моряк. Раз они стояли в порту, в Колумбии. В порту всегда вертится много мальчишек-носильщиков, разносчиков мелких товаров. Они продают газеты, открытки, фрукты, сласти. Мигель тоже продавал какую-то еду. Когда он увидел советских моряков, он подошел к ним и показал знаками, что хочет есть. Наши моряки сразу повели его на камбуз и накормили. Но все-таки удивились: он еду продает, а сам голодный.

— Это — товар для продажи, — объяснил Мигель, — я должен это

продать. Ведь у меня есть еще ма-ленькие сестры.
На следующий день, когда наши моряки увидели Мигеля, они сами позвали его на корабль.

— Заходи, поешь...
— Спасибо, сеньоры, сегодня я сыт, — отказался Мигель.
— Он не был попрошайкой, — сказал папа. — У него было и достоинство, и гордость. Он обратился за помощью в крайнем случае.

*Аня Гессель,
6-й класс,
192-я школа,
Ленинград*

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

УДОСТОВЕРЕНИЯ ЮНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ОСТРА» ЗА 1975 ГОД ВРУЧЕНЫ: Марине Чулуеновой (Читинская область), Земфире Абдуллиной (Башкирия), Береке Ермагамбетовой (Джезказганская область), Олегу Артеменкову (город Макеевка), Альфии Ибрагимовой (город Казань), Саше Богдану (Приморский край), Люде Данильченко (Воронежская область), Рае Комлевой и Алле Лысюк (Брестская область), Сергее Меньшикову (Курская область), Айгуль Валиевой (Алматынская область), Марине Кузнецовой (город Ломоносов), Гуле Садиковой (Казхастан), Вале Грибовой (Тульская область), Гене Выдре (Житомирская область), Жене Смициной (Калужская область), Юре Трофимову (город Красноярск), Андрею Колпнышеву (Чебоксары), Валере Капралову (город Пикалево), Диме Зиганшину (Казань).

С каждым годом наша дружба с ребятами зарубежных стран становится крепче. Клуб находится в кабинете немецкого языка, руководит им учительница немецкого языка Нина Петровна. Мы с удовольствием читаем иностранные газеты и журналы.

*Света Круци,
Архангельская обл.,
п/о Дитвино*

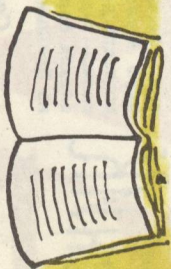
...В нашей школе тоже есть КИД, но летом он не работает. Мы с моим другом Колей организовали клуб в своем доме. Ребята со всего двора охотно записались туда. Сейчас мы завязали переписку с КИДами из больших городов.

*Саша Кривошеин,
6-й класс,
Волгоградская обл.,
город Балаково*

ТВОЙ ЗАРЬБЕЖНЫЙ РОВЕСНИК

ЖИВИ, КНИГА!

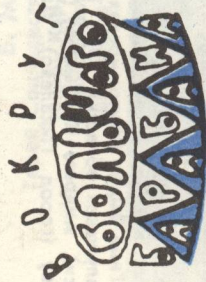
Марш «Берем с коммунистов пример!» подружил нас с ребятами из села Ропоти. Мы вместе стали изучать жизнь Маресьева. Вместе работали на виноградниках. Соревнуемся в сдаче норм ГТО и по операции «Живи, книга!».

Хотели написать Алексею Маресьеву, но посоветовались с деревенскими ребятами и решили, что напишем, когда всех неуспевающих подтянем.

Таймураз Гогия,
Кулаиси

В нашей школе весь год идет операция «Живи, книга!». Еще первого сентября мы решили все учебники пронумеровать, а в конце года тот, у кого учебники в полном порядке, получает право написать свою фамилию на титульном листе и передать учебник следующему классу. В этом году у нас нет ни одного испорченного учебника.

Мануэль Манукян,
Армянская ССР,
село Арапат

ДОРОГОЙ БАРАБАНИ

В пятом классе у нас был очень хороший председатель совета отряда. И в классе была дружба, и учились лучше, чем сейчас. Но наш старый председатель переехал в другой район, и теперь у нас все разладилось. Никогда мы не можем хорошего председателя найти. Уже три человека сменилось. И все дела прекратились.

Главное, мы никак не можем решить, как председателя выбрать, каким он должен быть. Хороших ребят много, а председателя никак не найдем.

Саша Джитрдиев,
6-й класс, 215-я школа,
Ленинград

В день рождения пионерии интересно перелистать журналы той поры, когда организация юных ленинцев делала первые шаги. Мало кто знал тогда, кто такие ребята в красных галстуках.

Множились пионерские отряды, героические дела пионеров. И скоро люди, совсем далекие от ребячьей жизни, знали, что нет ничего сильнее пионерской соли и ничего крепче пионерского честного слова.

Раз я слышал на улице, как две женщины разговаривали: «Мой сын в пионеры записался, для чего это?» А вторая ей отвечает: «Для баловства, не иначе».

Пионер, крепи дисциплину! Становись примером для всей детворы! Поднимай авторитет своей организации! Будь достоин звания юного большевика.

ВАСИЛЬЕВ,
пионерский корреспондент,
город Шуя,
«Барабан» № 12, 1924 год

В селе Витязевка, на Украине, пионерка Логвиненко поместила в стеногазете заметку, разоблачающую сделку с кулаками одного члена сельсовета.

Узнав об этой заметке, кулаки избили ее на улице и разорвали на ней одежду.

«Барабан» № 18,
декабрь, 1924 год

С первых дней пионеры становятся помощниками коммунистов во всех делах. Часто юным большевикам, рискуя жизнью, пришлось бороться за правду.

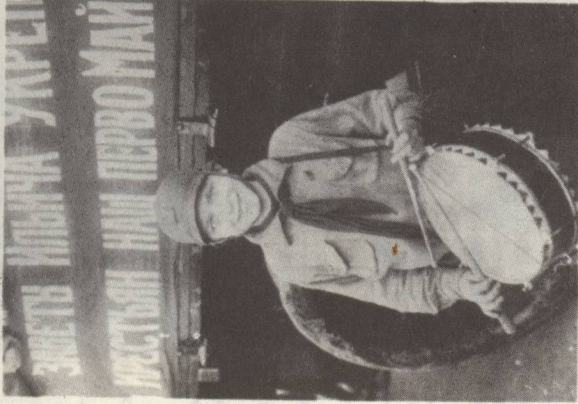
делом товарищей. У меня в классе председатель Таня Иванова. Таня и сама увлекается, и других за собой ведет.

Татьяна Ивановна Милленко (старшая пионервожатая):

— В 4 «б» был председателем Сережа Гурий. Парень хороший, учится хорошо, а вот председателя из него не получился. Ни одного дела организовать и провести не мог. Переизбрали его. Теперь председатель — Коля Иванов. У него большое чувство ответственности. И работу наладил, и класс подтянул.

Коля Иванов (председатель совета отряда 4 «б» класса):

— Я очень хотел быть председателем. Люблю придумывать, что бы такое затеять с ребятами. Я и раньше, когда председателем не был, придумывал... У меня старшая сестра была председателем, когда в школе училась. Она мне

о многом рассказывает, опыт передает. Еще нам шеф наш помогает, Таня Иванова. Научила, как сбор проводить, как план работы составить...

Миша Яковлев (шестиклассник):

— У нас председатель Игорь Исангулов. Он хороший председатель потому, что товарищ хороший, верный! И сам хорошо учится, и другим помогает. Мне помогал, когда у меня с алгеброй не ладилось.

Любит работать. Когда в колхоз ездили, картошку собирал быстрее всех! Читает много и всегда рассказывает в классе о прочитанном. В шахматы играет хорошо и меня научил. А если кто мне кто-нибудь полезет, всегда заступится, не даст в обиду.

Мы познакомимся с двумя председателями советов отрядов. Это лучшие пионеры школы. Их уважают и любят учителя и товарищи. А какие у вас председатели! Какие качества вы считаете главными в председателе!

всёгда

- Почему у лука прозрачная кожица?
- Чтобы ее удобнее было рассматривать под микроскопом!

Оля Бабичева,
5 «б» класс, 20-я школа,
Ленинград

- Раньше на карте было много белых пятен...
- А на моей карте — черные!

Из стенгазеты 250-й школы,
Ленинград

- Что такое саванна?
- Это там, где водятся совы!

Володя Жуткий,
38-я школа-интернат,
7 «б» класс,
Ленинград

- Федоров, у тебя нет ни одной оценки! Иди к доске!
- Как «нет»? А единица?

Валя Рукина,
город Сланцы
Ленинградской обл.

- За обедом мама говорит:
- Таня, не проглоти ложку!
- Танюша обижается:
- Неужели тебе жалко ее?

Записала
Женя Инжаева
из города Назарово

- Отчего происходит слово «пчелиный»?
- От слова мед!

Прислала
Л. Гришавва
из Красноярска

- Аленка, сколько тебе лет?
- Как же я скажу, если у меня на руках ва-режки!

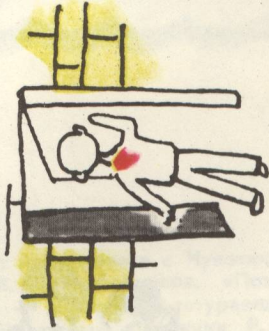
Записала
Люда Жукова,
город Красноярск

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕТИ, ГАЛОЧКИ И ЖОРЫ

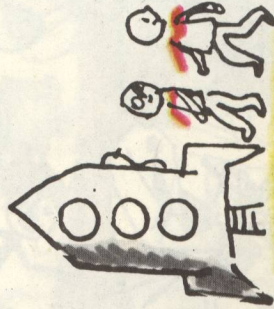
РЕБЯТА В УЖАСЕ
ОТПРЯЖУЛИ.

ДЕВОЧКА ОСТАВИЛА
СКОРОДУ С ЕДОЙ
И СКРЫЛАСЬ

— УРА! АВЕРЬ
ОСТАЛАСЬ ОТКРЫТОЙ!

НЕЗАМЕТНО
РЕБЯТА ПРОБРАЛИСЬ
К СВОЕЙ РАКЕТЕ

Этот рассказ в картинках сочинили и послали в редакцию Валя Логинова и Марина Минянова из г. Н-Ляля Свердловской области.

В дороге случилось непредвиденное: потерялись целых два рисунка — окончание рассказа.
Ребята! Как вы думаете, чем кончились приключения Пети, Галочки и Жоры? Где они побывали? Да и могло ли это быть на самом деле? Постарайтесь придумать окончание истории. Если сможете, — сделайте сами рисунки.
Ждем!

Окончание рассказа в картинках

У ВЕСЕЛОГО КОСТРА

Сверкнул веселым огоньком первый летний костер — словно скомандовал: «Ко мне! Скорее! Сюда!» Откликнулись на его призыв писатели, художники, поэты — авторы журнала «Костер».

Первым спустился на парашюте однопольчанин рядового Башмакова писатель **Б. Никольский**. Прямо возле дерева приземлился, под которым художник **А. Слепков** зарисовки делал. Смотрит — рядом другой художник, словно из сказки: **П. Шве́ц** со своим другом «Угольком». А за ними — художник **К. Овчинников** в индейском костюме. Это ему для веселого кост-

ра индейский писатель **Сат-Ок** свой костюм одолжил: «Раз уж ты для моих повестей картинку рисуешь, — носи!»

А на дереве птицы раскричались: «Меня фотографируй! Про меня напиши!» Это они писателя **Н. Сладкова** просят. Хотят на «Зеленые страницы» попасть. Из цирка целая делегация прибыла: писатель **А. Минчковский** с художниками **Ю. Шабановым** и **С. Островым**. А рядом еще четыре художника: **Б. Семенов**, **В. Курдов**, **Н. Кустов** и первый помощник **Арчебека Г. Ясинский**.

Возле самого костра собрались пи-

сатели. У **В. Голявкина** в руках и перо, и кисть — сам пишет, сам рисует. **Ю. Коринец** Главному Муравью читает главы из повести «Володины братья». **Ю. Томин**, **Н. Ходза**, **А. Пантелеев**, **Ю. Коваль** со своим недопеском Наполеоном Третьим, **Б. Раевский**. **Р. Погодин** прямо на траву лег: в костер смотрит — сказку видит. А вверху на лужайке поэты собрались, читают друг другу стихи. **В. Суслов**, **В. Торопыгин**, **А. Крестинский**, **А. Кушнер**, **М. Борисова**. Художник «Барабана» **Л. Каминский** на барабане и рисует. Поглядывает из-под очков. **Н. Муратов**: берегитесь лентяи, неряхи и гру-

бияны! Не то попадетесь на его «Боевой карандаш». Рядом с ним сразу еще два художника: **Л. Московский** и **К. Севастьянов**. Только, когда они рисуют, подпись у них одна на двоих: «Рисунки А. Януса». Художник **И. Харкевич** делает новую обложку для журнала. А писатель **В. Аксенов** вместе с художником **М. Беломлинским** принесли «Сундучок, в котором что-то стучит».

Писатель **В. Арро** прямо из похода пришел — цветочек дальних стран друзьям привез. А художник **Г. Ковенчук** — прямо с БАМа, у него целый рюкзак зарисовок.

Спешит на самолете с Чукотки писатель **В. Воскобойников**. «Полный вперед!» — командует штурвальный «Морской газеты» художник **Р. Попов**. А писатель **С. Сахарнов** — так тот прямо из-под воды прибыл. Вместе со своим другом-осьминогом.

А где же остальные авторы «Костра»? Ясно где: путешествуют! По всей стране разъехались.

Пишут рассказы, сказки, ходят с читателями в походы, сочиняют стихи, рисуют.

Веселого лета всем собравшимся у костра и всем-всем-всем нашим читателям!

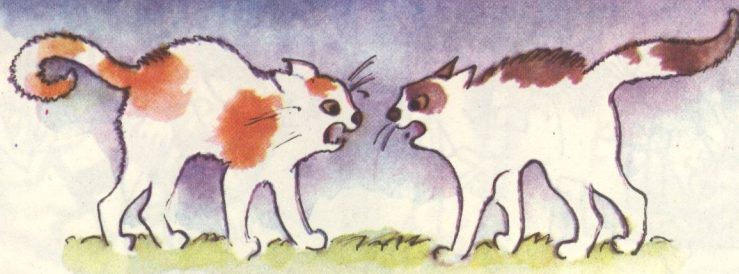
БОРЬБА

Кто сказал, что мы подрались?
Мы не дрались, а боролись.
Правда, мы чуть-чуть кусались,
И щипались, и кололись.

Правда, мы друг друга мяли,
И бодали, и лягались,
Нас, конечно, разнимали,
Мы, конечно, упирались.

Кто сказал, что это драка?
Правда, он мне руку стиснул,
Правда, я чуть-чуть заплакал,
Правда, он немножко взвизгнул.

И расстались мы, поссорясь.
И так сердце громко билось.
Но сначала мы боролись.
Драка после получилась.

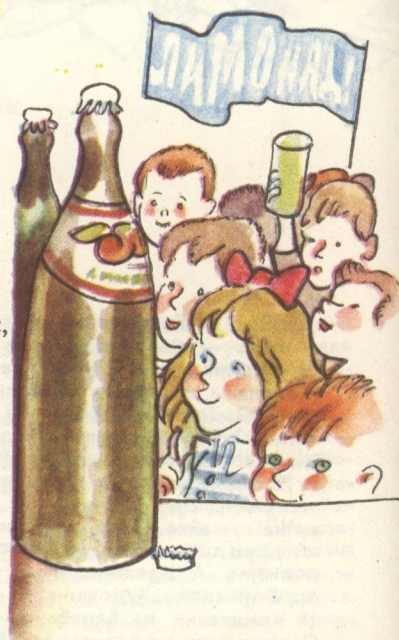
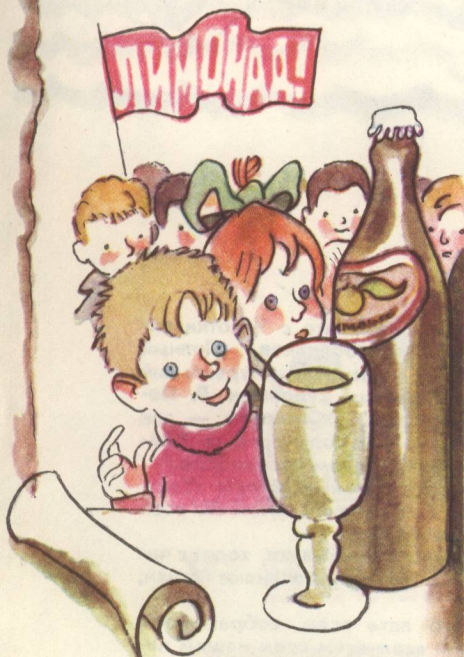

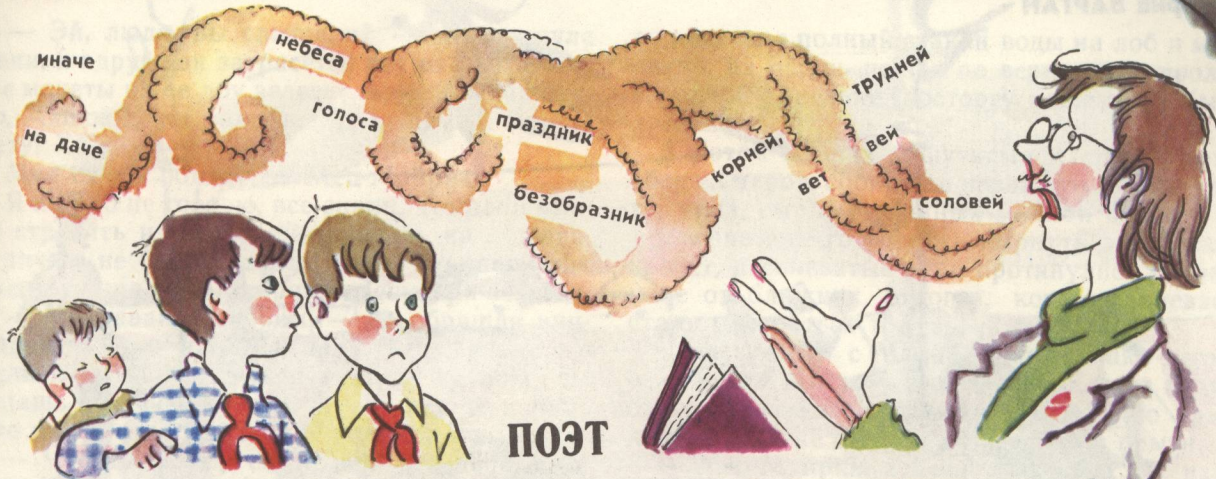
ЛИМОНАД

До чего ж я люблю лимонад, лимонад!
В нем иголочек сотни сидят,
И гортань холодят, и щекоцут язык.
Лимонад я представил на миг.

Я бы пил лимонад каждый день, каждый час,
Но не слушают взрослые нас.
Чай горячий нальют и — пожалуйста — пей!
Не понять им несчастных детей.

Вот я вырасту — детям куплю лимонад.
Сто бутылок! Поставлю их в ряд.
Я и сам лимонад больше чая любил,
Вот я вырос, а вас — не забыл!

ПОЭТ

Выступал перед нами поэт.
Я представил его кабинет,
Где сидит он с утра за столом,
Над бумажным склонившись листом.

Как приходит к поэту строка?
Ах, наверное, издалека.
Пишет он о лесном валуне,
Пишет он о байкальской волне,

Пишет он про небесную высь.
Я соседу сказал: «Не вертись!»
Много рифм у него про запас,
Может быть, он заметит и нас?

ФОТОГРАФИЯ

Фотограф велел улыбаться.
Но я не хотел притворяться.
Ведь мне не смешно: «Ни к чему
Смеяться», — сказал я ему.

Держался я строго и прямо.
Смеялись фотограф и мама.
А я рассмеялся за ней.
И вышел я — рот до ушей.

НЕ ШУМИТЕ!

Не шумите! А разве шумели
Мы? Андрюша стучал еле-еле
Молотком по железной трубе.
Я тихонько играл на губе,
Пальцем книзу ее отгибая.
Таня хлопала дверью сарая.
Вася камнем водил по стеклу,
Коля бил по кастрюле в углу

Кирпичом, но негромко и редко.
— Не шумите! — сказала соседка.
А никто и не думал шуметь.
Вася пел, ведь нельзя же не петь!
А что голос у Васи скрипучий,
Так зато мы и сгрудились кучей,
Кто стучал, кто гремел, кто скрипел,
Чтобы он не смущался и пел!

Виктория ВАРТАН

ПАХЛЕВАНЫ

— Пахлеваны! Пахлеваны приехали! — разнеслось в один прекрасный летний день, когда в село, поскрипывая, въехала арба с бродячими циркачами-канатоходцами.

— Мец-Майрик, пахлеваны приехали! — заорал и я, пулей влетев во двор. — Пошли скорей, они сейчас там, за виноградниками, на пустыре! Скорей, Мец-Майрик!

Бабушка чесала шерсть для тюфяка.

— Да что ты говоришь, Геворг-джан! — оторвавшись от работы, спросила она. — Когда? Давно?

— Не знаю. Идем скорей — все уже побежали туда.

Что тут было! Сбежалось, ну кажется, все село, чтобы поглазеть на пахлеванов.

На утопанном, ровном пустыре пахлеваны врыли в землю два толстых суковатых бревна, а между ними на высоте трех метров туго натянули веревку. Чуть поодаль двое зурначей пронзительно дудели в зурну. Молодой пахлеван с усиками, в широченных атласных шароварах черного цвета, подпоясанных красным кушаком, с длинным шестом в руках, приплясывая, скользил по натянутой веревке. Под ним по кругу бегал бритоголовый яланчи — клоун, тоже в шароварах. Он бил в бубен, выкрикивая шуточные куплеты. Громкий смех и хлопки сельчан, стоявших вокруг плотным кольцом, сопровождали каждый куплет яланчи.

Мы с Мец-Майрик пробрались в первые ряды. Я заметил в толпе Лопухого Тутуша и Вагана, моих приятелей. Задрав головы и разинув рты, они не спускали глаз с пахлевана.

Через некоторое время прибежала и нани, бабушка по отцу, с моим братом Грантиком. Они встали рядом со мной и Мец-Майрик.

— Ух ты! — только и сказал Грантик, увидев кувыркавшегося в воздухе пахлевана.

Вы бы посмотрели, что он выделявал! Едва касаясь ногами, обутыми в мягкие, из сыромятной кожи трехи, скользил по веревке, кувыркался, переворачиваясь в воздухе. И все время с шестом в руках. И ни капельки не боялся упасть с высоты, честное слово! Даже когда ему закрывали глаза черной косынкой. Это было видно сразу. Потом пахлеван насадил большое яблоко на острый конец шеста, а второй конец взял в зубы и, задрав голову и раскинув широко руки, заскользил по веревке. А яланчи из настоящего ружья пальнул в это яблоко, и оно разлетелось вдребезги.

— Вай, ты посмотри, какой меткий глаз у этого собачьего сына! — громко заметил седебородый старик рядом с нами.

— Подумаешь, — сказала нани, — удивил! Да я с закрытыми глазами попаду в яблоко!

Нани в молодости охотилась вместе с мужчинами. И она не упускала случая напомнить об этом. Услышав ее слова, все оглянулись.

Грантик тоже посмотрел на нее, потом взял нани за худую, жилистую руку и с победным видом взглянул на меня. Я пожал плечами.

— Не знаю, Сона, попадешь ли ты с закрытыми глазами в яблоко или нет, — сказала Мец-Майрик, хитро взглянув на нани, — а то, что ты не попадешь в птицу на лету, за это я голову даю на отсечение.

— Может быть, — ядовито заметила нани, — хочешь сказать, что ты попадешь в летящую птицу, а? Ха-ха-ха! Да ведь ты сроду ружья не держала. — И смеясь, она как-то свысока посмотрела на Мец-Майрик.

— Это я-то не держала в руках ружья? — с обидой в голосе спросила Мец-Майрик. Видно было, что насмешка нани задела ее за живое. — Давай поспорим на чувал зерна, что я подстрелю на лету птицу, а ты — нет!

Все теперь внимательно слушали наших бабушек, даже пахлеваны и зурначи, прервавшие свое выступление.

— Эй, люди, вы слышали? — воскликнула нани, и вдруг как затрясется вся от смеха. Даже монеты на ее лбу зазвенели. — Это Машокто, Машок хочет подстрелить птицу, да еще на лету! Ха-ха-ха!

Мне стало обидно за Мец-Майрик.

Я ничего не говорю, все знали, что нани умеет стрелять из винтовки, и ездить на лошади, и ничего не боится, и все такое. Но зачем так смеяться над Мец-Майрик, да еще при всех?

— Ну давай поспорим, — не обращая внимания на смех нани, сказала Мец-Майрик. — Если я попаду из ружья в птицу на лету, ты отдашь мне чувал зерна, а если нет, то я тебе. Что вы на это скажете, эй, люди, а?

— Что мы можем сказать? Правильно говоришь! Правильно! — раздалось со всех сторон.

— Эй, братец, дай-ка сюда твою винтовку! — крикнула Мец-Майрик бритоголовому яланчи, с винтовкой в руках наблюдавшему за спором наших бабушек. — На, возьми, Сона. Сначала ты, а потом — я, — сказала Мец-Майрик, протягивая ружье нани.

Я прямо-таки обалдел от всего этого. Вот так петрушка! Оказывается, Мец-Майрик умеет стрелять из винтовки, да еще как! Теперь я на нее смотрел совсем другими глазами, и не только я, но и все присутствующие.

Но тут... тут нани вдруг ткнула себе в глаз сухим кулачком и стала отчаянно тереть его.

— Вай, что-то попало мне в глаз! Тьфу, будь оно неладно, наверное, какая-нибудь проклятая мошка. Вай, как больно! — бормотала она. — Как же я теперь буду из ружья целиться?..

И нани, не отнимая рук от глаз, терла их до тех пор, покуда они не покраснели и не начали слезиться по-настоящему.

— Нет, не мошка попала, а та самая птица, которую ты должна была подстрелить! — крикнул яланчи, громко ударив в бубен.

Последние его слова потонули в оглушительном хохоте сельчан. А лицо нани стало красное-красное, ну прямо как ее красная длинная сатиновая рубашка, которую она носила под зеленым трехполым архалуком.

Лишь один Грантик не участвовал в общем веселье. Он стоял, исподлобья сердито уставившись на нани...

Тут Мец-Майрик повернулась к пахлевану, сидевшему на веревке, свесив ноги в одну сторону, и крикнула:

— Ну, сынок, покажи-ка еще что-нибудь, и мы разойдемся по домам.

— Да, да, покажи еще, на что ты способен, — поддержали ее голоса с задних рядов.

И все стали смотреть на приезжих циркачей. Сразу было видно, что Мец-Майрик и всем остальным стало немножечко жаль нани, и потому они сделали вид, что не замечают, как она смутилась.

Снова заиграли зурначи, и снова взвился в воздухе пахлеван, раздувая свои широченные атласные шаровары, то вскакивая на ноги, то с размаху боком опускаясь на канат. Когда же

он поставил полный стакан воды на лоб и медленно, на ощупь пошел по веревке, не пролив ни одной капельки, восторгу нашему не было предела.

А потом яланчи с шутками и прибаутками обошел народ, собирая в переметную суму плату: яйца, сыр и связанных за ноги цыплят.

Солнце уже готовилось нырнуть за высокий хребет, и синеватые тени протянулись по равнине от ближних отрогов, когда пахлеваны стали собираться в путь.

Я шел рядом с Мец-Майрик, крепко держа ее за руку. Меня все еще распирало от гордости за недавний бабушкин триумф. По правде говоря, я не ожидал от нее такой прыти.

— Мец-Майрик, а жалко все-таки, что нани отказалась от спора. Вот было бы здорово, если бы ты подстрелила птицу на лету, а? Мы бы им всем показали.

— И хорошо, что она отказалась.

— Почему? — я даже придержал шаг от удивления.

— А потому, что нани права: в жизни я не держала в руках винтовки и не умею стрелять из нее.

Я резко остановился, бросив ее руку. Злость и досада вдруг переполнили меня:

— Зачем... Зачем, зачем ты сказала?

— А затем, чтобы нани не задирала передо мной нос. А то все время похваляется: она и стрелять умеет, и на медведя охотилась, и никого и ничего не боится... Э-э, да что тут говорить. Знаю я ее — никогда не рискнула бы чувалом пшеницы...

— Нет, — прервал я ее, топнув ногой. — Зачем ты рассказала об этом мне, мне... Зачем? Лучше бы я не знал!..

И в страшном горе я бросился прочь от Мец-Майрик, оставив ее растерянную на дороге.

— Геворг! Геворг! — услышал я вдогонку. — Вернись, вернись, тебе говорю!

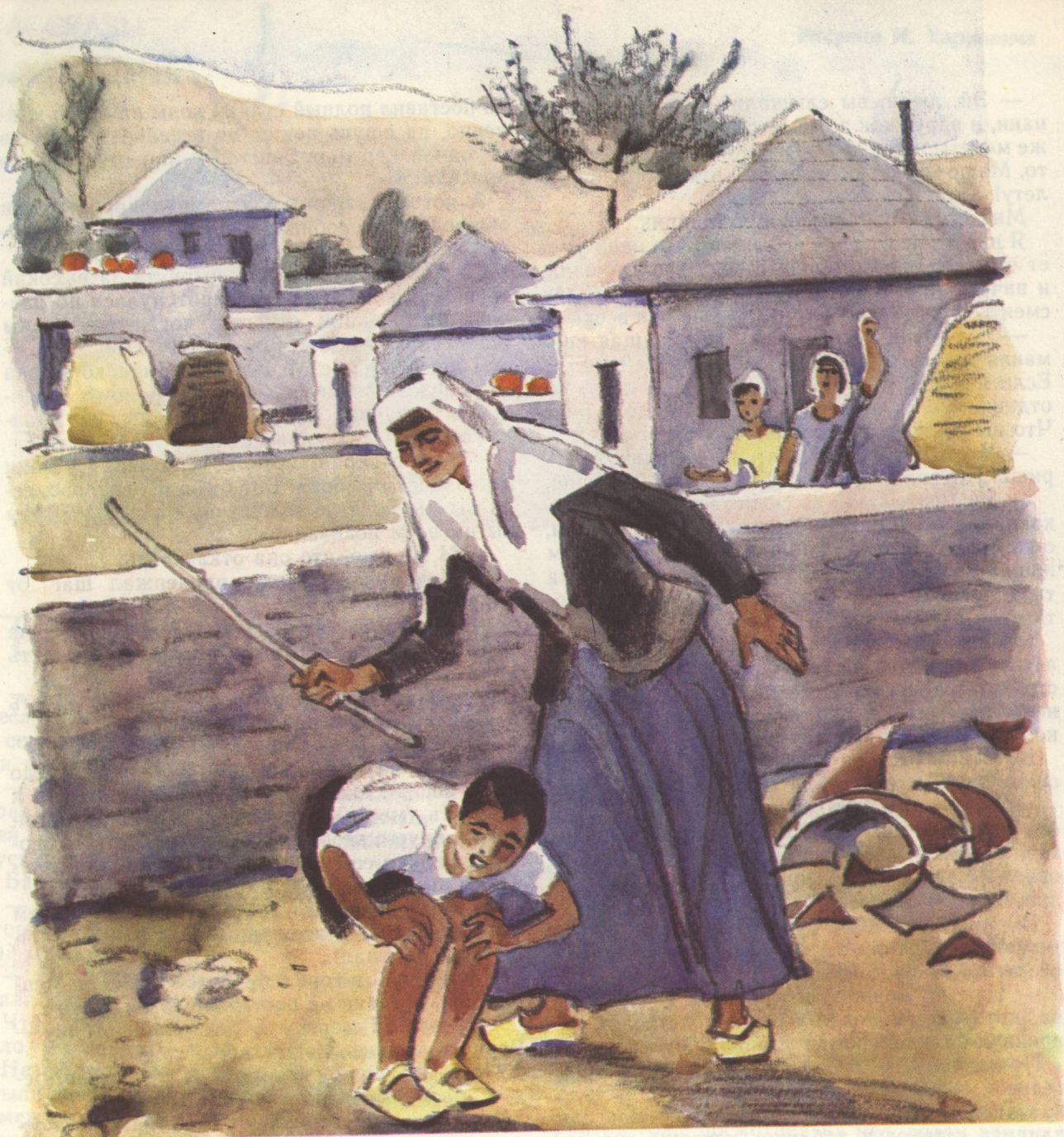
Но я, не обращая внимания на ее зов, бежал, размазывая по лицу слезы...

В ту ночь я не вернулся к Мец-Майрик, а остался ночевать с Грантиком, у нани.

КАРАС

Все началось с этого треклятого глиняного кувшина, который нани, вычистив, выставила во двор просушиться, чтобы к вечеру засолить в нем перец, огурцы и все такое. Знаете, огромный такой — их у нас в Армении называют карасами — высотой с меня и с широким горлом, в которое, если захотеть, можно просунуть голову.

— Перец и огурцы, — сказала нани, легонько стукнув палкой по пузатому боку. — На зиму, — прибавила она, наклонив голову и с удовлетворением послушав мелодичный звон пустого караса, свидетельствующий, что он без

единой трещинки. Потом, погрозив мне и моему брату Грантику палкой — на всякий случай — ушла.

Я пожал плечами. Жарища — ни дуновения ветерка. Ни у меня, ни у Грантика не было ни малейшего желания не то чтобы проказничать, но и двигаться.

— Привет! — сказал курчавый, как негр, Петрос, соседский мальчишка, возникнув рядом с нами как из-под земли. Его дом стоял за невысокой каменной оградой, отделяющей наши владения от их двора. Он всегда тут как тут, едва только бабушка уйдет со двора, — ух и боялся же он ее! — как, впрочем, и все окрестные мальчишки.

— Что это? — спросил он, кивнув на карас, прислоненный к каменной оградке.

Я промолчал, потому что терпеть не могу, когда задают праздные вопросы.

— Карас, — ответил Грантик.

— И у нас такой есть, — сказал Петрос. — Только в сто раз больше вашего.

Это у него такая привычка была: хвастаться. Если верить ему, все у них в сто раз лучше, больше и красивее.

— А у нас он звенит, — сказал Грантик.

— Как звенит?

— Вот, послушай, — сказал Грантик и слегка ударил по глиняному боку.

Послышался тихий звон.

— Дай я, — сказала я, отбирая палку у Грантика, и ударил по карасу сильнее. Звон раздался громче.

— А ты из всех сил, — предложил Петрос.

Я с сомнением взглянул на него, потом на брата.

— Давай, сильнее. Будет слышно на все село!

Я размахнулся и что было мочи ударил по карасу. Раздался оглушительный треск... и глиняный кувшин раскололся на несколько кусков. Минуту мы стояли, с испугом уставившись на осколки караса.

— Вай! Что мы наделали! — ужаснулся Грантик, обеими руками закрыв рот.

— Ну, теперь попадет вам от вашей бабушки, — сказал Петрос, качая головой и закусив нижнюю губу.

Тут Петроса позвала из-за ограды тетя Ануш, его мамаша, и он ушел.

Я тоже не на шутку струсил. Но не показывать же этим мальчикам, что и у меня от страха поджилки трясутся!

— Да ладно. Будет тебе хныкать, — сказал я, сунув руки в карманы.

— Больше тебя не пустят сюда играть со мной, — ныл братишка.

В то лето я жил у бабушки Мец-Майрик, а брат — у другой, нани, но мы и дня не могли прожить друг без друга.

— Геворг, — вдруг оживился Грантик, — давай скажем нани, что карас сломал Петрос, а? Не побьет же она его. Нажалется его матери, покричит-покричит и успокоится. И потом разве не он все время подначивал: сильнее да сильнее...

— Да, если бы не он...— задумчиво начал я.

Тут скрипнула калитка и во двор вошла нани.

— Вы что это притихли? — она подозрительно посмотрела на нас с братом. — Небось напроказили? — и, оглядев двор, заметила осколки караса.

— Мой карас! — завопила нани, схватив себя за голову. — Мой карас! Который я получила в приданое от отца! Вай, чтобы вас змеи покусали! Где моя большая палка?! Сейчас я вас обоих так поколочу, что не забудете до конца дней своих!

— Вай, нани, не бей нас! Не бей, — и Грантик поднял обе руки, прикрывая ими голову.

Увидев занесенную палку, я вдруг крикнул:

— Нани! Это не мы — Петрос разбил карас! Сам не знаю, как это вырвалось у меня, честное слово. Как будто не я, а кто-то другой крикнул.

— Говоришь, этот негодник Петрос разбил?..

Нани на секунду застыла на месте и ринулась с поднятой палкой в соседний двор.

Нам было видно все, что делалось во дворе у Петроса. Я и Грантик стояли, не двигаясь, словно приросли к земле.

— Ахчи, Ануш, выйди-ка во двор! — закричала нани.

— Что такое, тетушка Сона? — вышла мамаша Петроса, руки у нее были в тесте.

— Твой негодный сын разбил мой карас! Мое приданое!

— Я?! — вытаращил глаза изумленный Петрос.

— Вы посмотрите на него: у него еще хватает нахальства отказываться! — кричала нани. — В чем теперь солить мне овощи, а? Вай,

господи, в чем я провинилась перед тобой, за что послал мне таких соседей!

— Я не разбивал! Не разбивал я! — трясущимися губами проговорил Петрос, прячась за спину своей мамаши.

Мне вдруг стало ужасно не по себе. Скверно, противно... Я посмотрел на Грантика. Он отвел взгляд.

— Что же ты стоишь, Ануш? Почему не разбиваешь палку о спину своего негодника? — не унималась нани.

Видно было, что тете Ануш не хотелось наказывать сына. Он у нее был единственный.

— Я поговорю с ним, тетушка Сона, — виновато сказала она.

— Не говорить с ним надо, а бить! Как в старое доброе время.

Тетя Ануш, нехотя повернувшись к Петросу, замахнулась на сына:

— Ты почему это...

Я рванулся в соседний двор:

— Не бейте его, тетя Ануш! Я разбил карас.

В первую секунду нани и тетя Ануш удивленно уставились на меня. Но в следующую... в глазах нани я прочел нечто такое, отчего бросился бежать. За мной с палкой в руке — бабушка:

— Вай, чтобы тебя лягнул ишак! Я тебе сейчас покажу, как обманывать! Я тебе!..

Слов нет, нани самая боевая, самая резвая бабушка на селе, но все равно — куда ей до меня. Понимаете, я — за дом, а она еще только перед верандой. Я уже перед верандой, а ее крики раздаются еще только за домом. Раз сто обежав дом, она, тяжело дыша, наконец остановилась. Мелкие капельки пота стекали у нее из-под серебряных монет, украшавших лоб. Мне даже жалко ее стало. Я остановился, но на безопасном расстоянии.

— Геворг... — с трудом переводя дух, сказала нани. — Геворг...

Теперь можно было начать мирные переговоры.

— Ты разбил мой карас?

— Я.

— Ты обманул меня, сказав, что карас разбил Петрос?

— Да...

— Тогда почему не даешь пару раз стукнуть тебя так, чтобы сердце успокоилось, а?

И тут, после этих слов, сказанных чуть-чуть просительным тоном, хотите верьте, хотите нет — я подошел к ней, наклонился, упершись руками в колени, и подставил спину.

— Это за разбитый карас... — сказала она, с размаху опустив палку чуть пониже моей спины. — А это... за то, что переложил свою вину на Петроса...

Я орал как резаный, хотя боль была терпимой.

Во-первых, я хотел показать нани, что не зря все-таки она сто раз обежала дом, пытаюсь поймать меня, а главное — чтобы на соседнем дворе слышали мои крики Петрос и его мамаша.

В. Н. Леонов

ИСТОРИЯ

ДВУХ

НАГРАЖДЕНИЙ

Когда Советская Армия в апреле 1945 года с боями вошла в Берлин, наши солдаты в самом логове Гитлера, в его ставке, захватили штабные бумаги — приказы, донесения генералов, секретные письма, сообщения с фронта...

Среди всего этого была и телеграмма, помеченная декабрем 1942 года:

...Противник, имея задачей стратегические цели, пытался высадить на территории Северной Норвегии крупный десант. Подошедшими воинскими соединениями победоносных солдат Рейха десант

полностью уничтожен. Его жалкие остатки сброшены в море. В боях особенно отличились солдаты: Крюгер, Вельнсштатт, Вернер, Краузе, Хольц...

Телеграмма эта хранилась подшитой к другим бумагам в архивной папке, а так как в телеграмме указывались особо отличившиеся солдаты, то они были награждены... Обыкновенный эпизод войны? Если бы не большой вопрос, который можно было бы поставить на этой самой телеграмме. Потому что наши в декабре 1942 года никакого десанта в Северной Норвегии не высаживали...

Загадочная, можно сказать, история...

Разгадать ее помог Александр Осипович Шабалин, дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал, мастер торпедных атак...

— Любопытно, — сказал Александр Осипович. — Очень даже любопытно... Только дело-то было совсем не так.

Наши летчики заметили: фашисты перебрасывают войска по дорогам Северной Норвегии. Советскому командованию надо было узнать точно: какие войска? куда направляются? с какими целями? Нужен был «язык»... «Языка»

А. О. Шабалин

должны были захватить наши разведчики. Доставить разведчиков к берегам Северной Норвегии поручили мне.

Был я тогда старшим лейтенантом и командовал торпедным катером № 13. Все считают «13» несчастливым числом, но я в приметы никогда не верил, и меня число «13» никогда не подводило.

Вышли мы на двух катерах. Мой катер — головным. За нами — ТКА-14. Декабрьский штормовой ветер нес снежные заряды, а когда чуть стихало, с теплого Гольфстрима напоздали туманы. Мы мчались, прижимаясь к берегу, чтобы с моря нас не заметили фашистские сторожевые корабли. Наконец вышли к тому месту, где

по нашим расчетам, близ берега проходила дорога. Разведчики высадились и пропали во тьме полярной ночи, а мы отошли от берега и стали ждать, когда взлетит условная ракета... Это бы значило, что разведчики на берегу и нам нужно быстро их подобрать.

Разведчики тем временем вышли к дороге и залегли вдоль нее, но взять «языка» оказалось не так-то легко. Фашисты двигались по дороге на машинах. Пройдет одна колонна машин в двадцать, — перерыв... Другая колонна ползет, притушив фары... В машинах полно солдат... Наконец разведчики решились. Когда одна колонна почти прошла, они забросали гранатами две последние машины. Колонна остановилась. В панике фашисты бросились в стороны, в темноту. Раздались команды офицеров, застрочили автоматы и пулеметы. Куда и в кого стрелять — фашисты не знали, били наугад, били по своим. А тут новая колонна подходит! Эти долго разбираться не стали, пошли в наступление на первую колонну. Заметались лучи прожекторов. Бой разгорелся не на шутку...

Нам с катеров наблюдать и слышать все это было очень тревожно. Шум боя был такой, словно целый полк вступил в сражение. Возможно, так оно и было. Но мы-то успокоились за наших разведчиков!

Вдруг от берега — условная ракета! Значит, живы, успели

отойти... Мигом катера подлетели к гранитным скалам. Запрыгали на черных волнах надувные лодочки, и вот уже на борт наших ТКА карабкаются разведчики. Да еще и тяжелые свертки тащат — двух захваченных «языков»...

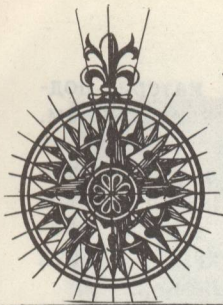
Позади, в горах, все еще шел бой фашистов с фашистами, а мы уже на полной скорости уходили к своим берегам, выполнив задание и не потеряв ни одного человека...

Ну а что же фашисты? Порядком потрепан друг друга, решили доложить своему фюреру: так, мол, и так, нападение крупного десанта русских... Как там было у них в телеграмме с фронта? «Остатки сброшены в море»? Ну, а сколько фашисты потеряли солдат, они в телеграмме, конечно, не указали... Представили все случившееся как крупную военную операцию и свою победу. Вот и получилась загадка... Так-то...

«Но ведь это история двух награждений?» — скажет читатель... Конечно, конечно... Так вот, Александра Осиповича Шабалина за успешную высадку разведчиков наше Правительство наградило орденом Отечественной войны второй степени, а командира разведчиков, впоследствии дважды Героя Советского Союза, Виктора Николаевича Леонова — орденом Нахимова II степени.

Олег ОРЛОВ
Рисунок А. Орлова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 20-й

ЮНГА СЕВЕРНОГО ФЛОТА

«Дорогая редакция! Из старого журнала «Костер» за 1970 год я узнала о подвиге юнги Ковалева. Хотелось бы прочитать, что стало известно еще об этом подвиге? Как сохраняется память о Саше?»

Наташа Завьялова, Ленинград»

Шел третий год тяжелой войны с фашистами. На Северный флот в отряд торпедных катеров пришло пополнение.

К одному новобранцу командир пригляделся и сказал:

— Э, да это же совсем мальчишка! Как попал на катера? Откуда?

— Воспитанник школы юнг Соловецких островов Ковалева! — отпартовал маленький моряк. — Прибыл бить фашистского зверя!

Юнгу зачислили мотористом на торпедный катер № 209.

...Однажды ТК-209 в паре с другим катером вышел на боевую операцию. Катерам удалось прорваться мимо кораблей охраны фашистов. Атака! Загрохотали взрывы торпед... В клубах черного дыма уже тонут два фашистских корабля. Катера развернулись, на полном ходу выходят из-под обстрела.

Еще немного — и будут недосыгаемы для вражеских пушек.

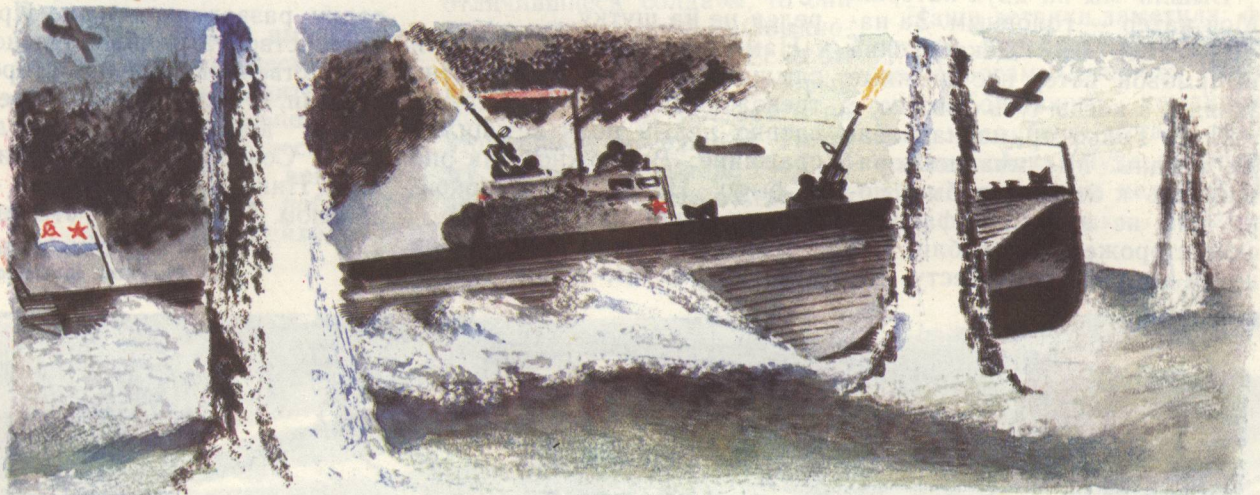
Но тут из-за низких туч незаметно подкрались самолеты врага. Как ни быстр торпедный катер, а с самолетами ему тягаться трудно... Пули и снаряды уже оставили первые пробоины в легких корпусах катеров. Со всех сторон заходят самолеты...

А юнга? Он возле моторов. Не видно ему, что там сверху?

Только по тому, как катер бросает то влево, то вправо, понимает Саша, что идет жестокий бой... Вдруг сильный взрыв отбросил юнгу к переборке. Когда Саша пришел в себя, моторный отсек был наполнен паром. Но катер не сбавил ход. Откуда пар? Саша ощупью добрался до коллекторов — толстых труб, по которым уходит за борт горячая вода. Из пробитого осколком коллектора хлестал кипяток. А это значило, что, перегревшись, взорвутся моторы. Катер остановится. Фашисты расстреляют его, как мишень...

И тогда юнга своим телом закрыл пробитый коллектор. Катер мчался не сбавляя ход, и ушел от фашистов.

Юнга Северного флота Саша Ковалев погиб на боевом посту.

Помнят Сашу

...Сашу Ковалева я знал хорошо. В годы Великой Отечественной войны я был комиссаром Соловецкой школы юнг, где учился Саша. Он был смелым, честным, любознательным пареньком.

Сашу помнят и моряки, и пионеры. Его именем названо много пионерских дружин и отрядов, в том числе и в Ленинграде: пионерская дружина школы № 103, пионерские отряды в школе № 444 и в школе № 13 поселка Кабралово Гатчинского района... Всего, по моим данным, которыми я располагаю, более чем в пятидесяти школах разных городов нашей страны пионерские дружины и отряды носят имя юнги Саши Ковалева...

**Капитан I ранга в отставке,
бывший комиссар Соловецкой школы юнг
Военно-Морского Флота СССР
С. ШАХОВ**

Работали за Сашу

На далеком Севере, в городе Мурманске есть теплоход. Он назван именем юнги — «Саша Ковалев». Недавно моряки теплохода получили письмо. Писали пионеры села Запрудиха Новосибирской области:

«Дорогие друзья моряки!

Во время работы в совхозе мы рапортовали, что в классе нас — 25 человек, хотя по списку — 24. Двадцать пятым стал юнга Саша Ковалев. Мы работали за него...»

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Наш Морской флот пополнился новым самоходным плавучим краном-гигантом. 800 тонн — вот какой груз может поднять кран: целый рыболовный сейнер вместе с командой и полными трюмами рыбы... Назвали кран — «Судоподъем».

КОМАНДИР РАССКАЗАЛ

На берегу Ладожского озера — музей «Дороги жизни». Там на вечную стоянку поставлен катер — морской охотник № 215.

Юнкор «Морской газеты» Витя Григорьев (5«а» класс, ленинградская школа № 157) побывал у капитана I ранга в отставке Николая Петровича Епихина, который в годы войны командовал этим катером.

Николай Петрович рассказал:

— Катер «МО-215» нашли два года назад. Отремонтировали и поставили в музей «Дороги жизни». Это ведь заслуженный катер. Он потопил три фашистских катера и два взял в плен...

Иногда я приезжаю на берег Ладоги и иду к своему катеру, словно к старому боевому другу...

Николай Петрович Епихин

ХОДИЛИ В ПЛАВАНИЕ

Я занимаюсь в клубе юных речников. Прошлым летом мы ходили в плавание до Салехарда. Дизель-электроход «Композитор Алябьев» — судно, на котором мы проходили практику. Во время похода мы видели много интересного. В Тобольске видели памятник Ермаку. Памятник стоит на том месте, где Ермак хотел переплыть Иртыш.

В Салехарде мы посетили памятник салехардцам, погибшим в Великую Отечественную войну...

Я посылаю вам фотографии, которые сделал на

практике. На первой — весь наш отряд. Слева направо: командир отряда Старков, боцман Дик, я — Букатов, Сак, Тарасов, Деренский. На второй фотографии Юра Сак на камбузе помогает нашему корабельному коку Коле.

Курсант К. Ю. Р. Вячеслав БУКАТОВ, Омск

ОТ РЕДАКЦИИ. Отрывки из «Вахтенного журнала» плавания этих ребят «Морская газета» напечатает в июльском и августовском выпусках.

ОДНАЖДЫ НА ОДНОМ КОРАБЛЕ

(Отгадка. Смотри апрельский выпуск «Морской газеты» за 1976 год)

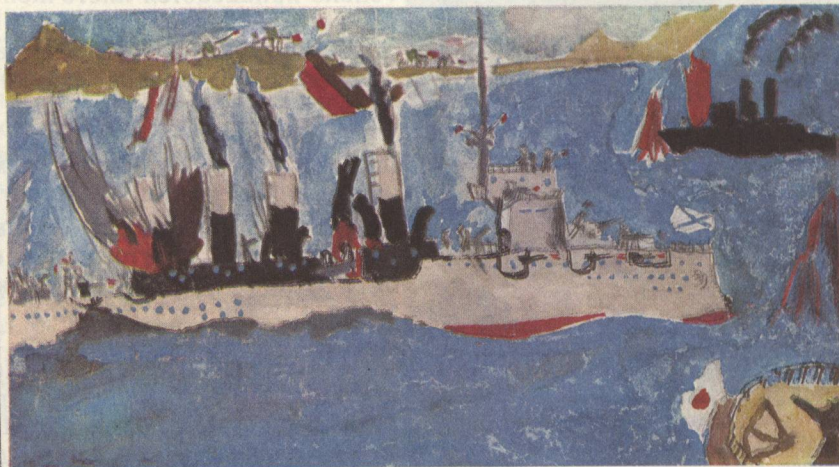
Именно такой случай произошел с английским пароходом «Уоррен».

Пароход пересек демаркационную линию времени и экватор 31 декабря 1899 года. И что же случилось? Нос парохода был в Южном полушарии и в середине лета, а корма — в Северном полушарии и в середине зимы...

И ведь что забавно! Пассажиры и экипаж носовой части «Уоррена» уже встречали новый век — январь 1900 года, а пассажиры и экипаж на корме парохода некоторое время еще находились в веке прошлом, в декабре 1899 года...

Капитан Быстроходов

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

БОЙ „ВАРЯГА“ Аркадий Киселев, 11 лет, Ленинград

В редакции закончена работа над очередным номером «Костра». Повести, рассказы, очерки и письма ребят — все это переписано на пишущей машинке и сложено в большую папку.

В эту же папку сложены рисунки, фотографии и цветные кадрики — слайды.

Полтора ста страниц машинописного текста и сотня иллюстраций — вот что в папке. Технический редактор журнала завязывает тесемки папки и везет ее на фабрику офсетной печати.

В НАБОРНОМ ЦЕХЕ

Все, что переписано на пишущей машинке, идет в наборный цех. И попадает к наборщику. Тот сидит перед клавиатурой, такой же, как на пишущей машинке, и работает, как машинистка. Но литье не печатает по бумаге, а отливает из металла строчки. Если смазать такую строчку краской и прижать к бумаге, получится то, что набрал наборщик.

Чаще всего «Костер» набирает Тамара Николаевна Серебриер. Работает она без ошибок, быстро и очень любит «Костер».

— Как же не любить, — говорит Тамара Николаевна, — если в журнале всегда есть что-нибудь интересное. Набирала я, например, повесть Балановского «Я — инспектор манежа» и с нетерпением ожидала продолжения. И написано хорошо, и, можно сказать, вся история цирка. Набираешь, а сама радуешься: подарок делаешь ребятам...

У РЕТУШЕРА

Тем временем иллюстрации попадают на машину, устроенную так, что она как бы читает рисунок. Управляет этой машиной Владимир Иванович Князев. Цветные рисунки машина читает через светофильтры. Смотря по тому, какой светофильтр поставлен, читается один из четырех цветов: синий, красный, желтый, черный. Тем временем острый резец тончайшими движениями переносит изображение на специальную пленку. Затем с пленки делают диапозитив.

Диапозитив передают ретушеру.

По очереди ложатся диапозитивы на матовое стекло, подсвеченное снизу электрическими лампами. Нина Маслова легонько прикасается кисточкой к пленке диапозитива, все время поглядывая на лежащий перед ней цветной рисунок художника. Нужно, чтобы в печати рисунок не потерял и не изменил своих красок. Машине должна помочь человеческая рука.

— Начинала я с букваря, — рассказывает Нина. — Пришла на фабрику ученицей, семнадцати лет, с дипломом художественного училища. Встретила меня Зинаида Михайловна Тихонова. Усадила ретушировать обложку нового букваря. Помогала мне, советовала — она ведь сорок лет на этой работе. Потом я видела свой букварь на полках книжных магазинов и очень им гордилась.

— А потом сразу взялись за «Костер»?

— Что вы! «Костер» — очень сложный журнал. Четырехцветный. До него меня допустили не скоро. Сначала я работала над двухцветными рисунками.

— Скажите, Нина, каким должен быть ретушер?

Т. Н. Серебриер

В. И. Князев

— Самое главное — он должен любить искусство. Любить и чувствовать цвет, рисунок. Тогда понимаешь, чего хочет добиться художник, и помогаешь технически выразить его замысел. Над каждым номером «Костра» я работаю пятнадцать — двадцать дней, смотря по тому, сколько рисунков.

ПЕЧАТНИК

От ретушера диапозитивы поступают в копировальное отделение, где с них изготавливают печатную форму. А затем — в печатный цех.

Здесь командует Николай Алексеевич Корчагин. Он бывший офицер флота, и его рабочее место тоже чем-то напоминает корабль. Большая машина, — ее полное название четырехкрасочная печатная машина «Планета», — похожа на корабельный двигатель, лесенка на ней — совсем корабельный трап.

— Видите, в машине четыре вала, — объясняет Николай Алексеевич. — На каждом своя краска: синяя, красная, желтая, черная. На чистый лист бумаги сперва наносится синий цвет. Потом желтый. Там, где желтый наложится на синий, будет зеленый. У нас есть такая таблица, которая показывает, что получится при совпадении нескольких цветов. Но таблица таблицей, а печатник должен иметь чувство цвета, сразу видеть, если цвет не соответствует рисунку художника.

Смотрите, вот добавился еще один цвет. Рисунок сразу ожил, заиграл, правда? А вот здесь лицо девочки получилось плохо, с каким-то кирпичным оттенком. Нужно исправить цвет.

Есть у нас, к примеру, печатник Геннадий Александрович Охорзин. Очень хорошо работает. Не мешало бы его сфотографировать. Пусть читатели узнают, кто печатает их журнал.

Сколько ребятшек читает «Костер»! И моя дочка Аленька тоже читает. Для них для всех я и стараюсь.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Нет, этим словом обозначаются не только путешествия в дальние края. Экспедиция — это рассылка журнала.

Готовые журналы пачками по пятьдесят штук отправляются с фабрики на ленинградский почтамт.

Там уже известно, сколько экземпляров журнала нужно отправлять в какой пункт. В Иркутск, например, 1710. В Тулу — 1184. «Костер» расходится по всей стране, отправляется и за границу. Два десятка работников почтамта за две недели рассылают очередной номер в шесть тысяч городов, поселков и деревень.

Начальник цеха экспедирования Геннадий Васильевич Гардеев рассказывает о том, какое это трудоемкое дело — разослать «Костер». Если собрать вместе все экземпляры журнала за один месяц, они займут половину пятиэтажного дома. Каждый месяц нужно разослать двадцать—тридцать тысяч пачек.

Семнадцать лет назад пришла в цех Александра Николаевна Сальникова. Тогда она была еще совсем девочкой. Зимой работала и училась, летом становилась пионервожатой. Когда она заочно окончила техникум, ее назначили начальником участка. Вот уже девятый год работает Александра Николаевна в своей трудной должности, и не было случая, чтобы рассылка журнала задержалась.

Теперь у самой Александры Николаевны дети — читатели

Н. Маслова

Г. А. Охорзин

В. М. Закржевская

журнала. Марина — восьмиклассница, она читает журнал Димке, который скоро пойдет в школу.

ПОЧТАЛЬОН

Десятки тысяч почтальонов доставляют «Костер» на дом подписчикам.

В 103-м почтовом отделении Ленинграда работает Вера Михайловна Закржевская. Ее фотография — на предыдущей странице. Рабочий день почтальона начинается рано. В половине шестого утра Вера Михайловна уже едет через весь город, чтобы с тяжелой сумкой начать свой утренний обход. Кому письмо, кому газету, а ребятам — «Костер».

— У меня у самой было двое читателей «Костра», — говорит Вера Михайловна. — Теперь-то уж они выросли. Таня работает инженером в типографии, Алексей служит на флоте. Помню, как они ждали журнал.

Начальник почтового отделения Тамара Ермолаевна Сурикова рассказывает:

— Вот сейчас пять часов дня. Рабочий день Веры Михайловны окончился два с половиной часа назад. Она могла бы уже быть дома, но — видите — помогает своим товарищам, сортирует карточки подписчиков: кто что выписал, кому что носить. Ее наградили орденом «Знак Почета», дипломом «Лучший почтальон Министерства связи СССР». Подписчики «Костра» могут не сомневаться: Вера Михайловна всегда доставит им журнал вовремя.

Ты зашел на почту, внес деньги, получил квитанцию. Каждый месяц тебе будет приходить свежий номер журнала — с новыми рассказами, с красивыми яркими рисунками. Чтобы журнал приходил без задержки, работают писатели, художники, наборщики, печатники, экспедиторы, шоферы автомашин, почтальоны.

Много лет подряд...

В. ТОГО

Фото И. Колтуна

„НАМ С ВОЖАТЫМ СВОИМ НЕ РАССТАТЬСЯ...“

«У восьмиклассников вожатый?! Там же пионерского отряда нет!» — кричала я в телефонную трубку, думая, что просто ослышалась. «Они и расставаться со своим вожатым не захотели! Не отпустили, понимаете?» — старались растолковать мне... Что ж, с таким человеком интересно познакомиться. Если ребята не захотели расстаться с вожатым, это что-нибудь да значит.

...Анна Ивановна с соседкой разговаривает, а сама то и дело в окошко выглядывает, не идет ли ее Коля. Другие, поди, давно с завода вернулись, отдыхают, а ее младший сын «на людей не похож». Как свободная минута — он в школу. Кажется, и профессия приличная: слесарь-инструментальщик. Заработок хороший. Анна Ивановна сама на Ижорском не один десяток отработала, орден имеет, знает, что такое рабочая профессия. И что такое общественная работа, тоже знает.

Нравится сыну с ребятней возиться — и хорошо, и пусть. Но не до такой же степени! Домой его не дождешься, а придет — покоя нет. То и дело звонят. Одному клюшку надо склеить, нет ли смолы какой-то. Другому увеличитель дай, фотокарточки печатать. Третий пришел за бумагой.

А то моду взяли тут же и заголовки рисовать, заметки писать — школы им мало! Анна Ивановна мальчишкам слова худого не скажет, домой их не выпроводит. Сама двоих выра-

стила. А сын-то должен понимать, что матери покой нужен? Думает так Анна Ивановна и вздыхает, и ворчит немножко.

В доме тише станет, так на улице ребячий гвалт, шум, треск мотоцикла. Анне Ивановне и в окошко выглядывать не надо. И без того ясно: Коля свой отряд на мотоцикле катает. А они и рады-радешеньки! Нет, несерьезно, не солидно это! Иногда кажется, что Коля так и не вырос. Как бегал атаманом, играл в войну, штабы устраивал, так и бегает до сих пор.

Но только со стороны может показаться, что теперешний Коля с прежним легкомыслием затевает снежные сражения, водит свой отряд в походы, носится по поселку на мотоцикле. Как раз на мотоцикл, например, Николай возлагает очень серьезные надежды. Валеру Рыбальченко за его выходки уже в милицию приводили. В школе говорят, что парню восьми классов не кончить — учиться из рук вон плохо. А Коля знает: Рыбальченко хочет стать шофером. Собирается дальше учиться в ПТУ. Ему хорошо бы для начала познакомиться с устройством мотоцикла, с мотором. Ведь парень-то неплохой, толковый...

Саша Харламов, Сережа Федоров, Витя Крылов в шоферы не собираются. Ни мотоциклов, ни мопедов у них нет. Только велосипеды. Но ведь сидят, не шелохнутся на заня-

тиях. Изучают мотоцикл и правила дорожного движения. Шутники говорят, что эти трое и в балет пошли бы, если б Коля стал там хореографом.

Насчет балета не знаю, но был случай, когда они увелили так вожатого с собой «в разведку». Отряд собирался в поход по местам сражений. В субботу в 15.00 назначили сбор добровольцев, которые пойдут разведать маршрут. Трое явились заранее. И только стрелки подползли к заветной черте, заторопились: «Нечего ждать, нечего опаздывать!» Ушли ровно в пятнадцать. И до сих пор этой разведкой гордятся.

Правда, «любимчикам», как водится, и достается от вожатого больше всех.

Пошли как-то в поход. Папа Лены Гавриленко одинаковые пилотки для всех принес. Ребята придумали знаки отличия — для замполита, костровых, поваров. Поначалу отлично все складывалось! На место ночевки пришли засветло. Лагерь разбили быстро. Наелись. Напелись. Часовых выставили. Спать не хотелось. И едва рассвело, слышит вожатый, затюкали в лесу топо-

ры. Вылезает из палатки — баяшки! Его верная троица в поте лица рубит молодые березки. «Кто разрешил!» — «А костер, — говорят, — разводить надо?» — «Соображать надо! — рассердился вожатый. — Кто ж на костер такие деревца губит!» И получили приятели первый и единственный в этом походе «наряд вне очереди».

Много разных случаев за три года было. И смешных, и грустных. Вот ехали однажды на хоккейный матч. До Дворца спорта «Юбилейный» и обратно ребят прокатили шефы. В дороге Коля, как обычно: «Давайте петь!» А они не хотят. Коля стал уговаривать. «Будете хорошо петь, — говорит, — в Москву повезу!» Шутя сказал, а ребята запомнили. Пели на совесть. Но и поездку в Москву всерьез потребовали.

Как тут быть? Разузнал вожатый насчет путевок, и предложил деньги самим заработать. Началась трудовая эпопея. Анна Ивановна в те дни совсем заскучала: нету сына дома, не бывает! Носится по стройкам после работы, ищет «трудовой объект». Потом ребят туда ведет, помогает им,

с прорабом ругается. Аж похудел. Кончилось, правда, благополучно, в Москву съездили хорошо.

...Этой зимой Николаю пришлось подучивать Устав ВЛКСМ. В восьмом «а» готовились к вступлению в комсомол. Самые активные ребята — Саша Харламов, Сережа Федоров и Витя Крылов — просили дать им рекомендацию. Расспрашивали об орденах комсомола, о героях. Николай старался ответить точно и обстоятельно. Однажды после такой беседы он обнаружил за своей спиной готовый стенд с материалами для вступающих в комсомол. Там и про ордена есть, и про героев. Вожатый сначала обиделся, потом понял: ребятам хотелось именно с ним поговорить. Как бы напутствие от него получить.

...А на весеннем школьном дворе шум и гомон, звенит мяч — это 4 «а» разминается. Некоторых мальчишек из своего будущего отряда Коля уже знает по именам, хочет взять в поход вместе с восьмиклассниками. Пусть привыкают.

Н. АЛЕКСЕЕВА

В далекой африканской стране Танзании дети — как, впрочем, и все дети на свете — очень любят сказки. Но у них до сих пор не было сказок, напечатанных на их родном языке — суахили. И вот радость — в Танзании вышла первая детская книжка на суахили. Про бегемота Хуго. Ее написал мой хороший знакомый, африканский писатель Джон Панталеон Мбонде. А я привез книгу из Африки в Ленинград и пересказал ее для читателей «Костра».

С. САХАРНОВ

Джон МБОНДЕ

КИБОКО ХУГО= БЕГЕМОТ

Рисунки М. Беломлинского

КТО ТАКОЙ БЕГЕМОТ ХУГО

В Африке, на берегу океана, в мелкой и теплой лагуне Куросани, живет бегемот по имени Хуго. Он живет один, но это не значит, дети, что так было всегда.

Когда-то, в давние-давние времена, в лагуне жили рыбы-акулы. Это были добрые и гостеприимные животные, и поэтому, когда из леса в лагуну пришли бегемоты, акулы уступили им Куросани. Они уплыли в океан и живут теперь там. Вот почему, дети, я не верю историям про коварство и жестокость акул. Не все, что рассказывают, происходит на самом деле.

Но оставим акул в покое и поговорим о бегемоте Хуго.

После того как все родственники его умерли, он остался в лагуне один.

Он жил там год за годом, и каждый, кто приезжал в Куросани или в расположенные поблизости деревню Мзимуни и большой город Дар-эс-Салам, спрашивал:

— А где этот кибoko бегемот, который живет один?

На что люди, знающие лагуну, обыкновенно отвечали:

— Хуко, хуко! Там, там!

А поскольку люди племени насига вместо «хуко» говорят «хуго», это и стало кличкой бегемота.

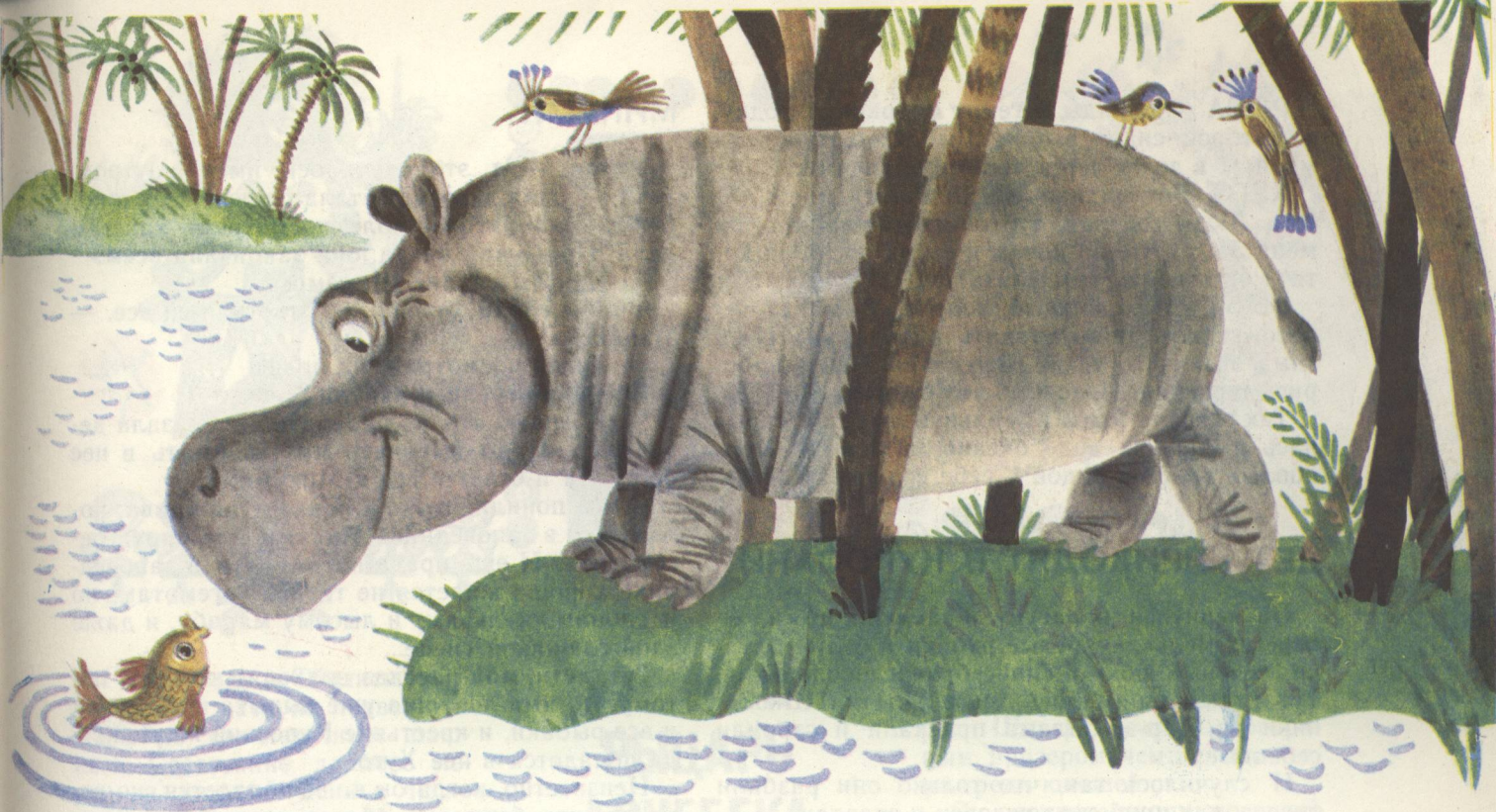
КАК ЛЮДИ ОБИДЕЛИСЬ НА БЕГЕМОТА ХУГО

Все бы шло хорошо, мои дети, если бы бегемот Хуго питался, подобно акулам, рыбой, или жуками и бабочками, подобно тем черным соколам, которые имеют обыкновение развезжать верхом на слонах.

Но, увы! Хуго не питался ни рыбой, ни жуками, ни бабочками, а выходил каждую ночь из лагуны и поедал молодые побеги риса и вытапывал своими короткими толстыми ногами грядки. Он не знал, что люди Куросани тратят много труда на то, чтобы посадить и поднять рисовые стебли. Однако незнание не оправдание, как говорит мудрый марабу, тот самый марабу, у которого лысая голова и у которого на каждый случай в жизни есть пословица или поговорка. И случилось так, что жители Куросани возненавидели Хуго, и когда люди из Мзимуни или из большого города Дар-эс-Салама убеждали их смириться с потерей урожая, жители Куросани отвечали:

— Хуго вытапывает не ваш рис. Мы убьем Хуго!

Дело шло к тому, что жестокость вот-вот должна была восторжествовать. Тогда обеспокоенный Хуго, который кое-что заметил и кое-что услышал, решил посоветоваться с Рыбой.

КАК БЕГЕМОТ ХУГО ГОВОРИЛ С РЫБОЙ

Одинокая жизнь Хуго очень удивляла морских животных, которые всегда держатся стаями. Поэтому Рыба охотно пришла на зов бегемота. Она и сама давно хотела кое-что узнать о Хуго и его предках.

Они встретились в том месте, где соленые воды океана сливаются с пресными водами реки, впадающей в лагуну. Никто не мешал их беседе, дети, и вот какой разговор произошел между ними.

РЫБА. Мне непонятно, почему у всех животных, живущих на суше, есть шерсть, а у вас, бегемотов, ее нет?

ХУГО. Для того чтобы ответить на твой вопрос, надо рассказать историю, которая случилась, как утверждают, давным-давно. Это случилось еще до того, как появился человек, его лодки и дома.

Ты можешь верить, можешь — нет, но когда-то у бегемотов была густая красивая шерсть. И жили они не в воде, как теперь, а на суше.

Господин Слон, у которого шерсть очень редка и, можно сказать, даже совсем незаметна, завидовал бегемотам.

Он договорился с Кроликом...

РЫБА. Это такой зверь с длинными ушами?

ХУГО. И с длинным лживым языком.

Так вот, Обманщик Кролик и Господин Слон решили погубить бегемотов. Кролик пригласил их прогуляться по берегу кипящего озера. А когда они стали важно разгуливать по песку, любуясь своей густой шерстью, появился Господин Слон и столкнул их всех в воду.

РЫБА. Но ведь они не погибли?

ХУГО. Да, они выбрались на берег, но шерсть у них вся вылезла, и они от стыда решили жить в воде. И тогда же у них появилась привычка выходить пастись только по ночам.

РЫБА. Однажды бегемот опрокинул лодку, в которой сидел рыбак. Рыбак охотился за мной. Я в долгу перед твоими родичами.

ХУГО. Вот видишь, тогда помоги мне советом. Люди говорят, что они хотят напасть на меня за то, что по ночам я ем их рис. Они хотят убить меня. Что делать?

РЫБА. Это сложный вопрос. Я могла бы посоветовать тебе оставить в покое рис. Но я сама знаю, что такое голод. Мой совет: наберись терпения. Подожди, что будет.

Так сказала Рыба и, вильнув хвостом, скрылась в соленой воде океана, а бегемот Хуго поплыл пресной водой к себе в лагуну.

ДЕТИ ПРИХОДЯТ В КУРОСАНИ

Он вернулся в лагуну и заметил, что на ее берегах мелькают белые рубахи и белые блузки, зеленые юбки и синие брюки школьников. Тут и там поднимались серые палатки. Школьники из Дар-эс-Салама приехали и строили себе лагерь.

И случилось так, что только они разбили лагерь, как прибежал человек и сказал:

— Бегемоту Хуго грозит опасность!

Он рассказал про рис, и тогда один мальчик предложил:

— Построим между водой и рисовым полем забор! Бегемот Хуго не сможет тогда топтать рис.

И все школьники сказали:

— Построим забор!

Они принялись за дело и работали весь день. Они построили забор, а вечером пошли к себе в лагерь, а по пути пели песню:

Звери саванны в стране Танзании

Это большое богатство для всего мира.

Мы должны сохранить зверей в Танзании.

Друзья животных — пример для всех.

Они пели, а бегемот Хуго сидел в воде, выставив уши и ноздри, тихонько дышал и слушал. Он не знал, что весь этот шум поднят из-за него.

Вот почему, когда настала ночь, он, как всегда, вылез на берег, обошел забор и наелся сладкого-сладкого риса и от удовольствия — рис был действительно так сладок! — даже потанцевал на грядках.

МИКУМИ

Утром, — а это случилось именно утром, дети, — одна девочка встала раньше всех и побежала на рисовое поле, посмотреть, как там дела. Прибжав назад, она закричала всем:

— Как вы спали? Шикамо.

— Мы спали хорошо, — ответили ей все. — Марахаба!

— Тогда посмотрите на поле!

Все посмотрели и ахнули.

— Я знаю, что надо делать, — сказала девочка. — Надо выкопать яму, поймать в нее бегемота и отвезти его в Микуми!

И все поняли, что она права. Она права, потому что в заповеднике Микуми есть «пруд бегемотов». И еще права потому, что в заповеднике хорошо живется не только бегемотам, но и слонам, и львам, и лысому марабу, и даже злой слюнявой гиене...

Тут, дети, мой рассказ подходит к концу, потому что яма-ловушка уже вырыта и все дети, и все рыбаки, и крестьяне Куросани ждут, когда попадется в нее Хуго.

Неизвестно, когда он в нее попадется, но говорят, что бегемоты обязательно попадаются в ловушку в один из первых пятидесяти дней после того, как ее вырыли и закрыли сверху травой и ветками.

И тогда наступит час переезда. И все жители Куросани соберутся, чтобы проститься с Хуго, потому что, хотя он и топтал рисовые поля, во всем остальном он был добродушным животным и никому не делал вреда. А жители Мзимун и большого города Дар-эс-Салама выйдут на дорогу, чтобы тоже проститься с бегемотом. Они будут стоять вдоль дороги и, когда машина с животным подъедет, затынут песню.

Это будет песня со старыми словами:

Где этот бегемот?

Хуго! Хуго! Хуго!

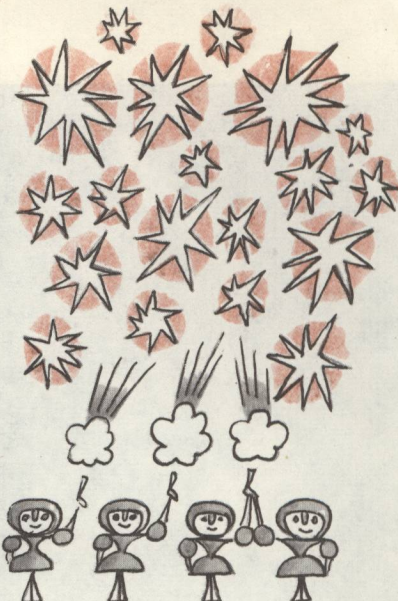
Но и старые слова хороши, если они к месту.

Это будет праздник, потому что тогда можно будет сказать: «Люди спасли старину Хуго. Еще одно животное в Танзании в безопасности!»

И все будут гордиться, потому что гордиться можно не только победами своего народа в войнах, но и его добрыми делами.

Гонорар за эту публикацию передается в фонд строительства Дворца пионеров в Ханое.

ВЕРНЫЙ РЫЦАРЬ АРЧЕБЕКА

В 1967 году в Тбилиси проходил матч на первенство мира по шашкам. Состязание длилось месяц, и каждый день в числе зрителей был невысокий мальчуган, розовощекий, с живыми внимательными глазами. Тбилисские болельщики — народ шумливый, но этот мальчик сидел тихо, не сводя глаз с большой доски, на которой повторялись ходы участников матча. Только когда арбитр объявлял: «Сейчас сеанс одновременной игры проведет мастер спорта...» — мальчуган срывался с места и мчался в фойе, чтобы захватить место.

Звали его Боря Шавердян, учился он в пятом классе. За какое бы дело он ни брался, делал его хорошо, а потому и учился отлично, и шашками занимался серьезно.

Во время тбилисского матча Боря впервые услышал о том, что в журнале «Костер» есть АРЧЕБЕК — Армия Рыцарей Черно-Белых Клеток. Спустя месяц он стал арчебековцем. Да каким заядлым! Он не только выполнял задания, он просил дополнительных заданий. И получал десятки, а то и сотни упражнений. А через две-три недели почтальон доставлял на Таврическую улицу, в редакцию «Костра» старательно написанные подробные решения, да к тому же еще и собственные Борины примеры. Боря писал, что основательно прорабатывает журнал «Шашки» и газету «64», играет в соревнова-

ниях тбилисских школьников. Но увлекается не только шашками — выступает на республиканских олимпиадах по физике, математике, химии.

«Как ты все это успеваешь, о доблестный рыцарь Боря?» — спросил его в письме шахмат-адмирал Ферзьбери. А в ответном письме оказался график — дни недели, расписанные по часам и минутам.

В АРЧЕБЕКЕ Боря завоевал второй спортивный разряд, а значит, получил право присылать для печати собственные задачи и этюды. На арчебековской странице появилось новое имя. Он остался ее активным автором и тогда, когда стал публиковать свои композиции в специальной шашечной прессе и занял первое место на всесоюзном конкурсе.

Быстро нарастали и успехи в игре за доской. Вот Боря сообщает, что выполнил норму первого разряда. Вот пишет, что стал кандидатом в мастера. В 1970 году восьмиклассник Боря Шавердян — чемпион Тбилиси среди взрослых, а затем и чемпион Грузии. Следующий год принес два больших успеха. С первенства СССР в Ереване в АРЧЕБЕК пришла телеграмма: «Выполнил норму мас-

тера спорта», — а через два месяца радио сообщило, что Борис Шавердян стал серебряным призером чемпионата мира среди юношей.

Он окончил школу, поступил в Тбилисский университет, но шашки не оставил и продолжал переписываться с АРЧЕБЕКОМ. Перед каждым соревнованием подробно писал о своей подготовке, а потом присылал отчет о выступлении.

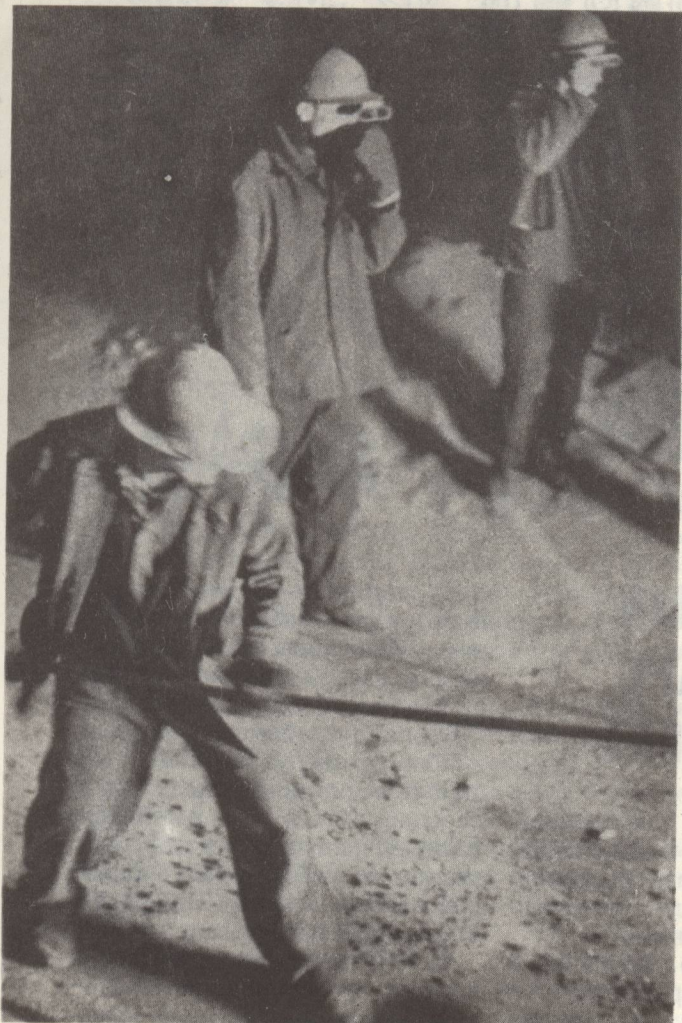
В 1974 году Борис вошел в десятку лучших шашкистов-шашечников — сборную страны. Вот тогда и пришло в «Костер», в АРЧЕБЕК, его письмо.

«Дорогой Ферзьбери! Я равно люблю теперь шашки и физику, я хочу достигнуть большего и там, и там. Но сейчас вижу: чтобы подняться в шашках выше, дотянуться до гроссмейстерских высот, мне придется поступиться физикой. Что мне делать? Я решил временно отойти от соревнований. Правильно я поступаю?»

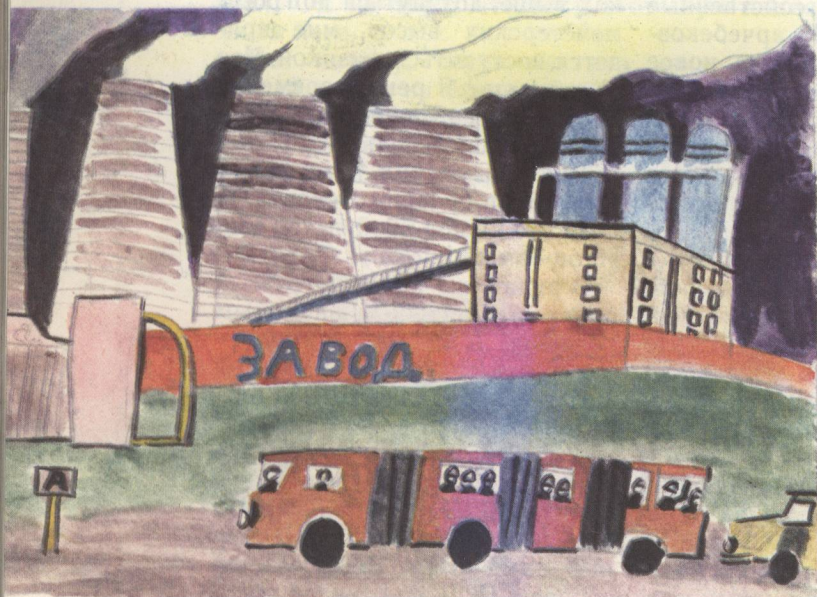
Так он и сделал — на время отошел от большого спорта. А пока что нашел иной выход своей любви к шашкам.

В редакцию пришел толстый пакет, надписанный знакомым почерком.

«Трижды салют, дорогой шахмат-адмирал! Это мой очередной рапорт». Так начиналось письмо. А к письму была приложена пачка вырезок из газеты «Вечерний Тбилиси». На каждой — заголовок: «Шашечный клуб «ВТ». Ведет мастер спорта СССР Б. Шавердян».

МЫ ЕДЕМ НА ЗАВОД
Рисунок Димы Петрова, 9 лет, город Череповец

Еще шаг — и я попадаю в другой мир. В чернильной темноте вспыхивают и гаснут букеты искр. Водопад светящегося металла льется из ковша. Оглушающий бесконечный грохот. Мы в сталеплавильном цехе Череповецкого металлургического завода. Люди в касках и защитных костюмах перед ослепительными жерлами печей. Здесь груды металлического хлама превращаются в чистую ослепительную сталь. Огромные искры пролетают как бабочки в тропическом сумраке цеха. Я в каске и тяжелой суконной куртке чувствую себя неповоротливым, неловким. Так, наверно, чувствует себя впервые космонавт в скафандре. Или водолаз. А моему проводнику, инструк-

ИДЕТ

ПИОНЕРСКАЯ

ПЛАВКА

тору комитета комсомола завода Володе Мигунову, — хоть бы что. Привык.

На каске очки с синими стеклами. Но я не опускаю их на глаза. Без очков все красивее! Спускаемся вниз.

«А эта часть цеха называется «газорезка в колодце», — объясняет Володя. — Или точнее, газорезка башенного типа. Это тридцатиметровый колодец-башня. Колодец потому, что уходит в глубину на 18 метров, а башня потому, что на 12 метров возвышается над землей, как бы продолжая колодец...»

Заходим на один из пультов управления.

Окно. Чуть побольше обычного. Сразу за окном движется раскаленная лента металла. Двигается отвесно вниз. Оператор в каске, в защитном костюме. «Порядок, сляб идет нормально!» — говорит он в динамик. Сляб — это брусок металла, который он сейчас отрежет от ленты.

Оператор нажимает кнопку, два кислородных резака впиваются в металл сиреневыми струями огня и начинают сближаться. Ровный срез. Багровый сляб покачнулся и... охлаждаемый каскадами воды, ровно уходит вниз. Оператор облегченно вытирает лоб. А сверху

опять тянется лента. Оператор, улыбнувшись нам, пьет воду небольшими глотками — жарко. Потом оборачивается на синий телеэкран. На экране исчезнувший из окна брусок все еще движется отвесно. Когда брусок ляжет, оператор снова включит резаки. Работа напряженная, требующая не меньшего внимания, чем работа автогонщика в разгар автогонок.

Карабкаемся по крутым металлическим лесенкам, замираем на тоненьких мостах над бездной цеха. Замечательный, сложный, необычный мир вокруг! Далеко внизу — блеск рельсов, вереницы вагонеток. Основной вид транспорта на заводе — железнодорожный.

Пионеры — участники плавки — сфотографировались на память

От цеха к цеху тянутся рельсы. А сколько их, цехов? Целый город! И работают здесь тысячи рабочих. Каждый из них считает теперь пионеров своими соратниками.

Иду за Володей в глубь огромного цеха. Когда Володя объясняет мне что-нибудь, ему приходится кричать. Вот какой тут грохот!

— Это цех будущего. Электроды постепенно заменяют мартены. Мартены теперь почти не строят, — объясняет мне Володя.

Именно здесь, в электросталеплавильном цехе, проходят все пионерские плавки.

Я побывал в школе № 7 города Череповца, поговорил с ребятами, участниками пионерской плавки, и вот что они рассказали:

Ира Заведеева:

— Сначала у нас была общешкольная линейка. Лучшим сборщикам металлолома вручили значки с изображением Ленина. Потом мы сели в заводской автобус и поехали на митинг. Нам подарили памятные каски. Во время плавки мы были в них совсем как настоящие сталевары.

Еще нам подарили ленты с автографами сталеваров.

Сергея Баранов:

— В открытые ворота двинулись грузовики с нашим металлоломом. Целая вереница! Играл оркестр. Да, чуть не забыл! Сталевары из бригады Владимира Чупилова приезжали к нам в апреле, незадолго до плавки. Мы их приняли в почетные пионеры дружины.

Миша Хабаров:

— На заводе нам больше всего понравилось, как лилась сталь из ковша.

И сталевары перед плавкой всем нам пожали руки!

Таня Морозова:

— А на прощание нам подарили слитки стали, выплавленные из нашего металлолома.

На стенде в пионерской комнате — реликвии пионерской плавки. Слитки величиной со спичечный коробок, каски, ленты с автографами, фотоснимки. Целый маленький музей!

Пионерская плавка — праздник весенний. Поэтому после плавки участники ее сажают деревца. Это тоже традиция. Молодые деревца рядом с уже окрепшими — целая аллея!

Нет памятника лучше дерева.

К 50-ЛЕТИЮ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПИОНЕРАМИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ БЫЛО СОБРАНО 22 200 ТОНН МЕТАЛЛОЛОМА. ЭТОГО ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НА ДВОЕ СУТОК ОБЕСПЕЧИТЬ РАБОТУ ВСЕХ СТАЛЕПЛАВИЛЬНЫХ АГРЕГАТОВ СЕВЕРНОЙ МАГНИТКИ. ТОЛЬКО ОДНА ШЕСТИКЛАССНИЦА ЛЕНА БАХОРИНА СОБРАЛА ДВЕ ТОННЫ ЛОМА! СОСТОЯЛАСЬ ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПИОНЕРСКАЯ ПЛАВКА. В ТОТ ПАМЯТНЫЙ ГОД О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ НАЧИНАНИИ ПИОНЕРОВ УЗНАЛ ВСЕГДА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. ЛУЧШИЕ УЧАСТНИКИ СБОРА БЫЛИ НАГРАЖДЕНЫ ПУТЕВКАМИ В АРТЕК И «ОРЛЕНОК». ОПЕРАЦИЯ «ЗОРИ ПИОНЕРСКИЕ» СТАЛА ПРЕКРАСНОЙ ТРАДИЦИЕЙ ПИОНЕРОВ ВОЛОГОДСКИНЫ. ДРУЖИНЫ СОРЕВНОВАЛИСЬ, КТО СОБЕРЕТ БОЛЬШЕ МЕТАЛЛОЛОМА ДЛЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ЗАВОДА, КТО ПОЛУЧИТ ПРАВО ПРИСУТСТВОВАТЬ НА ПИОНЕРСКОЙ ПЛАВКЕ. КАК РАДОСТНО УВИДЕТЬ ПРЕВРАЩЕНИЕ СОБРАННОГО ТОБОЙ ЛОМА В МЕТАЛЛ, КОТОРЫЙ ПОЙДЕТ ПОТОМ НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ РЕЛЬСОВ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ!

А. ЛИСНЯК

Страна выпускает продукцию, на которой стоит надпись «Пионерская». Это высокая оценка труда пионеров. Задолго до пионерских плавков во всех школах страны проводились соревнования за право участвовать в плавках пионерской стали.

В Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина идут телеграммы. За каждой цифрой собранного металлолома — дружный труд, общая радость, желание видеть Родину краше!

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

Раздел ведет писатель **Н. СЛАДКОВ**
 Оформление **Т. Соловьевой**

Природа — не только природные богатства. Не только «солнце, воздух и вода». Не только «белое, черное и мягкое золото». Природа нас кормит, поит и одевает. Но она еще нас радует и удивляет. Каждый из нас восхищается красотой природы родного края. Москвич расскажет вам о золотых сентябрьских лесах. Ленинградец — об июньских белых ночах, житель Якутска — о седых январских морозах! А вот жителю Алтая, **ЩЕРБАКОВУ** Борису Васильевичу, больше всего нравится разноцветный алтайский май.

СИНИЙ МАЙ

Куда ни посмотришь — везде голубое и синее! И безоблачное голубое небо. А по склонам позеленевших гор словно кто-то разбросал синие куртинки сон-травы. Мохнатые цветы походят на больших желтобрюхих шмелей с синими крыльями-лепестками. Кажется, только тронь — и загудит синий рой! А на щебнистых голых склонах словно расстелили синее-синее покрывало, чтобы прикрыть обнаженную землю. Синее покрывало выткано из мириадом цветов-огуречников. На Алтае огуречниками их называют за огуречный запах. Цветы изогнули стебельки-шейки и склонили головки, похожие на синие колокольчики. И даже кажется, что на ветру они тихо-тихо позванивают, рождая мелодию синего мая.

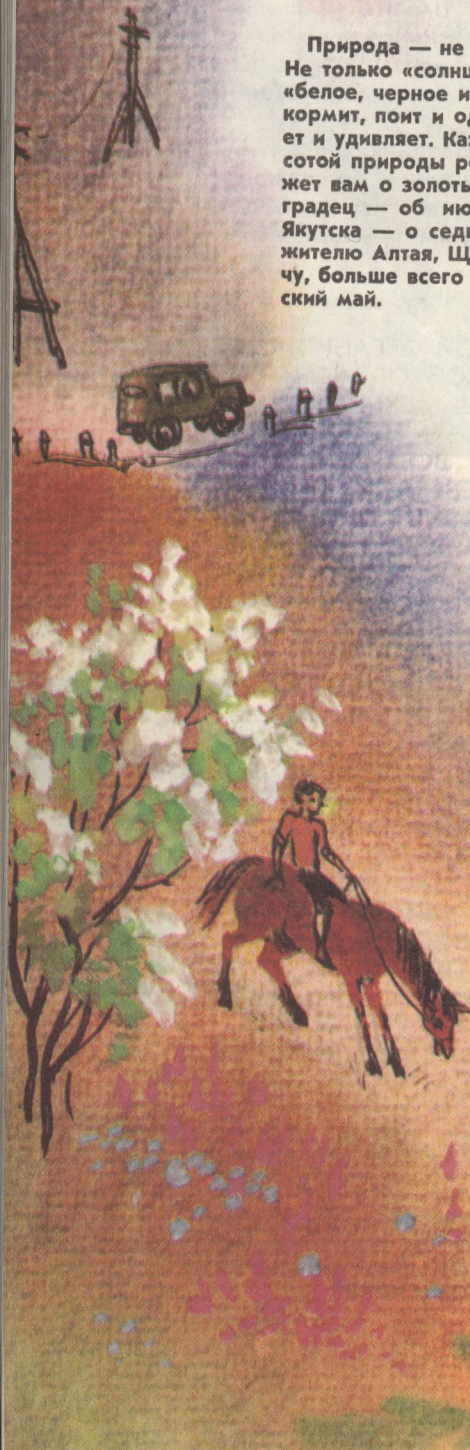

КРАСНЫЙ МАЙ

В середине мая на солнцепеках начинают цвести пионы, у нас их марьиным корнем зовут. А до того, как зацвести, среди ажурных и разлапистых листьев наливаются их зеленые кулачки—бутоны.

Как драгоценный камень, зажатый в кулачке, подняла его тоненькая рука стебелька от земли к солнцу. И сегодня зеленые ладошки дружно раскрылись. И вспыхнуло красное пламя цветка!

Один за другим раскрываются бутоны, и на горных склонах разгораются красные искры. Вспыхивают и тлеют, пока не подожгут красным пламенем все склоны гор. Пришел красный май!

БЕЛЫЙ МАЙ

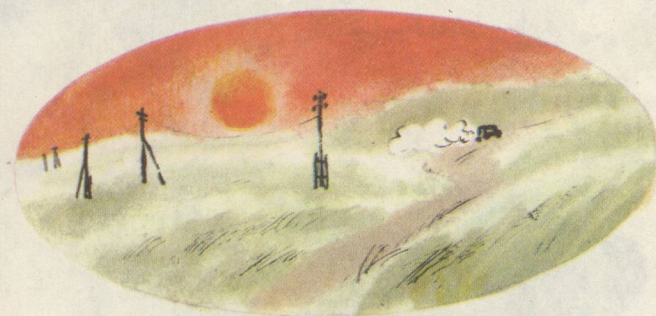
Травы поднялись до колена. И только теперь зацвела таволга и черемуха. За один-два дня их темные ветви надевают белый наряд и кусты становятся похожими на невест. А издали черемуховые перелески напоминают пену прибора неспокойного зеленого моря.

Погожим днем, когда нагретый воздух насыщен ароматом цветущих трав, приятно отдохнуть под черемухами, гудящими от насекомых. На белых гроздьях копошатся шмели, цветочные мушки, бабочки и жуки. Нагрузившись пылью и напившись нектара, они ввинчиваются в воздух и разлетаются.

С белых черемух сыплются лепестки. Падают на широкие листья чемериц, белят траву и землю.

Однажды утром, на исходе мая, глянул я из окна и ахнул: деревья побелели, дорога белая, в воздухе снежок мельтешит! Неужели зима вернулась? На улицу вышел — все понял. С побелевших тополей летели белые воздушные «снежинки» тополиного пуха. Кружатся на ветру белая метелица! Не меньше удивился я, проходя мимо россыпи одуванчиков. Вчера на их стебельках желтыми канарейками сидели цветы, а сегодня на их месте наохлились белые пушистые «цыплята».

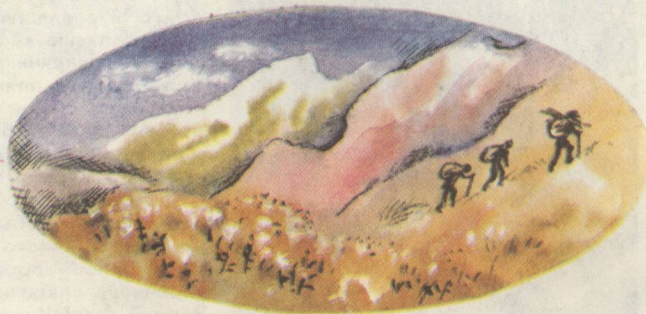
Бело под ногами, по сторонам, над головой... Белый май!

СЕРЕБРИСТЫЙ МАЙ

До горизонта раскинулась приалтайская ковыльная степь. Играют под солнцем шелковистые ковыли, и степь в мае походит на серебристое облако, опустившееся на землю. Искрится степь, будто с солнцем пе-

ремигируется. Дохнул ветерок, заколыхалась, поплыла она, расплескивая солнечный свет. Текут серебристые волны ковылей. Один за другим из них взлетают жаворонки и звенят, словно серебряные колокольчики. Так и кажется, что каждый жаворонок славит серебристый май.

ПЕСТРЫЙ МАЙ

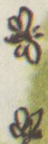
На вершины алтайских гор весна приходит в конце мая. С каждым днем снег отступает все выше и выше в горы, — становятся они темно-белыми — пестрыми. Посмотришь — глаза разбегаются: темное—белое, белое—темное! Как шахматная доска! А тут еще у подножия зацвели дружно рябчики. Их пестрые головки поднялись на тонких стебельках, всюду выглядывают из травы. Бубенчики у них коричневатые, словно лепестки потемнели от загара. На лепестках светлые клеточки и пятнышки. Глянешь на цветы — и тоже в глазах рябит, все равно что от шахматной доски. Недаром эти хрупкие цветы ботаники «рябчиками шахматными» называют. Пестрые горы и пестрые цветы пестрого алтайского мая!

А что за пора на Алтае, когда зацветут купальницы! Куда ни глянешь — повсюду купальницы. Тьма-тьмущая их на лугах, на полянах, на болотах. В оранжевых кольцах горные снежинки. Посмотришь на цветы — и кажется, что один ярче другого. Недаром их у нас огоньками еще называют. Огоньками горят они среди сочной зелени майского луга.

Однажды на оранжевой от цветущих купальниц поляне я заметил чисто-белый цветок. Все необычное привлекает внимание. Потому и этот цветок я заметил издали. Жемчужина на золотом лугу! Со всеми предосторожностями выкопали белую купальницу и посадили на селекционном участке в Алтайском ботаническом саду.

Много раз бывал я в лесу и, каждый раз любуясь пестротой цветущего луга, пытался я снова найти белую купальницу — и не нашел. Уж очень это большая редкость. Но будем надеяться, что цветок приживется в саду и их станет много.

Вот такой у нас на Алтае май: разноцветный, как радуга! А у вас?

ЧЕЛОВЕК С ФОТОАППАРАТОМ

Ю. Муравин за работой

Из года в год на страницах нашего журнала ты встречаешь снимки с подписью «Фото Ю. Муравина». Двое пограничников в луче прожектора идут по пляжу... Строительные краны над Владивостоком... Мост через Амур... Китобой буксируют загарпуненного кита... Вертолет сел прямо посреди стада оленей... И всегда — Приморье, Сахалин, Камчатка — необъятные наши земли на берегах Тихого океана.

Что такое хороший снимок? Безупречное владение камерой? Да. Зоркий глаз? Конечно. И главное — труд, который только на первый взгляд кажется везением.

Вот знаменитый снимок Юрия Яковлевича — он обошел все страны: Камчатка, медвежонок и верто-

лет. Какой забавный момент подвернулся фотографу: и косолапый, и воздушная машина в одном кадре! Подвернулся? А вот и нет. Знал Муравин, что на речку ходит за рыбой медведь, и знал, что тут часто летает вертолет с геологами. Знал и стал ходить на речку, по несколько раз на день. Придет, залажет в кустах и ждет. Вот пришел медведь — нет вертолета. Вертолет летит, медведь неизвестно где. А вот они оба — да дождь такой, что все как в молоке. И, наконец, удача! Пойман этот замечательный миг. Десятки снимков успел сделать за считанные секунды фотоохотник, один — попал в цель.

А в какие только истории не попадал фотограф! Однажды (дело

Анастасия Хабарова — старейшая звенская охотница и известная сказительница

Этот медвежонок с острова Птичий уверен, что камчатский краб лучший в мире

Хабаровский край. К оленеводам села Арка прилетела агитбригада

было в Японии) сидел Юрий Яковлевич на трибуне в дельфинариуме среди зрителей. Сидел и прицеливался аппаратом. Нет, не получается хорошего снимка! Точка зрения плохая: высоко, и дельфины кажутся маленькими. Как бы подобраться к ним поближе? И тут он заметил в бассейне на воде плот. Секунда — и служащие дельфинариума с ужасом увидели, что в бассейн через борт падает человек с фотоаппаратом в руке. Они кинулись его спасать, сняли с плота и очень удивились, почему он сперва отбивался от них руками и ногами, а потом стал повторять по-японски «аригата!» — спасибо. Несколько снимков дельфинов в упор были сделаны.

Или еще случай, тоже с вертоле-

том. Вместе с товарищем художником Юрий Яковлевич шел тайгой, над Амуром, чтобы взобраться на вершину сопки и оттуда снять панораму реки. Идут, продираются через колючий кустарник, через густой молодой лес. Вдруг видят — над ними появился вертолет. Неизвестно откуда взялся и все время то повиснет, то начнет пикировать на них. Что это с летчиком? Лезли, лезли, выбрались на верхушку сопки. Там — ровная чистая площадка. Смотрят — и вертолет садится. Летчик высунул из кабины и говорит: «Вы бы поосторожнее тут ходили, в трех шагах от вас в кустах десяток медведей. Ружей-то у вас нет! Звери здоровенные, это я их пугал... Ну и вид у вас, однако!»

Посмотрели на себя Муравин и художник: брюки у них в лохмотьях, куртки на локтях продраны, а кожа — в синяках и царапинах. Вот чего стоит одна хорошая фотография.

Юрий Яковлевич Муравин — фотокорреспондент ТАСС по Дальнему Востоку. Двадцать пять лет, придерживая на груди фотоаппарат, бродит он по тайге, плавает на рыбацких сейнерах, поднимается в воздух в кабинах боевых самолетов. Нет страны на земле, где бы вместе с выставками ТАСС не побывали его фотографии. И, значит, люди в этих странах смогли увидеть нашу Родину через объектив его аппарата.

Ю. СТУДЕНЦОВ

УЧЕНИК СТАНИСЛАВСКОГО

РАССКАЗ

Владимир МЕЕРЗОН

Рисунок А. Аземши

В школе на первом этаже происходило что-то интересное.

Гоша протиснулся вперед.

На большом листе чертежной бумаги яркими буквами было выведено:

**«ВНИМАНИЕ! СТОИ!
ПИОНЕРСКИЙ ТЕАТР
ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ
АКТЕРОВ,
ХУДОЖНИКОВ,
МУЗЫКАНТОВ,
КОСТЮМЕРОВ,
ОСВЕТИТЕЛЕЙ,
МАСТЕРОВ НА ВСЕ РУКИ.**

ЗАПИСЬ У СТАРШЕЙ ВОЖАТОЙ».

Гоша не поверил своим глазам. Вот это приглашение! Прибегать днем после школы домой и торопливо просить: «Бабушка, дай мне, пожалуйста, поскорее обед, а то я спешу на репетицию». Или вечером предупредить маму: «У меня сегодня спектакль. Вернусь поздно».

Да, театр — это дело!

В пионерской комнате было тесно от ребят, золотисто и красно. На длинном столе растянулась будущая стенгазета. Красочный заголовок еще досыхал, и на буквах поблескивали маленькие лужицы. Отпечатанные на машинке заметки лежали на белой дорожке газеты, как осенние листья.

— Ты ко мне? — спросила вожатая, едва Гоша появился в комнате. — Проходи, не стесняйся!

— Я записаться в театр, — чуть слышно проговорил Гоша.

— Очень хорошо. Как твоя фамилия?

Она достала из ящика небольшого письменного столика, стоящего в стороне, толстую тетрадку и развернула ее.

Все оказалось гораздо проще, чем Гоша предполагал.

Он с трудом дождался вечера, когда родители возвратились с работы, и вся семья оказалась за столом.

Едва мама пододвинула ему чашку чая, он сообщил:

— А меня приняли в пионерский театр!

Старший брат удивленно замер. Отец звякнул в стакане чайной ложкой, бабушка улыбнулась, а мама спросила:

— А кто у вас будет режиссером?

— Михаил Сергеевич, — гордо ответил Гоша. — Знаете, такой с бородой?

Домашние не знали Михаила Сергеевича.

— Кто-нибудь из начинающих, — предположила бабушка.

— Нет, он опытный! — с жаром вступился Гоша за своего будущего руководителя. — Вожатая сказала, он — ученик Станиславского. Я афишу видел: «Ведет спектакль М. С. Иванов».

Станиславского дома знали. Бабушка тотчас отыскала у себя в альбоме его фотографию. Папа заявил, что Станиславский был великим режиссером.

Только брат, воспользовавшись общей суматохой, запихнул в рот печенье и сказал:

— Ерунда! Настоящей роли тебе все равно не дадут!

— Поживем — увидим, — сказала мама.

Первый раз Гоша пришел на репетицию в четверг. Пионерский театр занимался в актовом зале. Ребята сидели небольшими группками. Вдоль центрального прохода на стульях неровной цепочкой стояли портфели. Всегда закрытый коричневый занавес был на этот раз распахнут. В глубине сцены красовался одинокий ободранный стул.

В центре зала возвышалась фигура режиссера. Михаил Сергеевич — в очках, с бородой, в сером толстом свитере. Перед ним на низенькой и длинной гимнастической скамейке сидело человек шесть.

Парни из девятого класса тянули через зал длинный шнур с электрической лампочкой.

— Можно? — спросил Гоша.

— Конечно! — вскричал режиссер. — Мы тебя давно поджидаем! Он широко улыбнулся и посмотрел на ребят, словно призывая их в свидетели.

«Может быть, он принимает меня за кого-то другого?» — подумал Гоша.

Но Михаил Сергеевич быстро развеял эти сомнения.

— Мы ждем, — повторил он. — Ведь ты записался к нам в артисты?

— Да.

— Очень хорошо. Мы репетируем спектакль по сказке Януша Корчака «Король Матиуш Первый». Читал?

— Знаю, — уклончиво ответил Гоша.

— Я так и думал, — продолжал руководитель. — Кого бы ты хотел сыграть?

— Короля.

— Великолепно! — обрадовался режиссер! — Молодец!!! Короля и ничуть не меньше. Поднимись на сцену и сядь на длинную скамью. Как только появится Витя Кутышев, ты должен быстро встать и низко ему поклониться.

— Я?!

— Ты.

— А кто этот Витя?

— Король.

— Кого же я буду играть? — в недоумении спросил Гоша.

— Короля.

И видя, что Гоша недоверчиво смотрит на него, Михаил Сергеевич сказал:

— Представь себе, что Витя попытался сыграть короля один. Или, нет — еще лучше: покажи, как бы ты стал играть его. Тот стул — твой трон!

— Какой же это трон? — Гоша с недоверием посмотрел на стул. — Разве королевские троны такие бывают?

— Наши декораторы сделают потом настоящий. А пока репетируем с этим. Представь себе, что это золотое кресло с драгоценными камнями и парчовыми подушками. Ты — король. Входи!

Гоша выпрямился и, переставляя ноги, как аист, двинулся к «трону». В зале засмеялись.

— На кого он похож? — спросил режиссер у ребят.

— На оловянного солдатика!

Гоша обиженно остановился.

— Я король, а они не смотрят на меня, — пожаловался он.

— Умница!!! — воскликнул режиссер. — Молодец и умница! Именно так! Что бы ни делал артист, играющий короля, ему никто не поверит, если придворные не станут оказывать ему королевские знаки внимания. И наоборот, если скромно выйти на сцену, а все вокруг склонятся в низком поклоне, если все станут ловить взгляд и улыбку вошедшего, зрители сразу поймут, что перед ними настоящий король. Запомните, мой молодой друг, — тут Михаил Сергеевич заговорил вдруг так, будто ему было лет шестьдесят или семьдесят, — Константин Сергеевич Станиславский учил нас: «Короля играют придворные»...

Прошло полтора месяца, и Гошин брат однажды заявил:

— Мама, а наш Гошка врун. Он говорил неправду. И мне, и тебе, и папе, и бабушке.

У папы брови медленно поползли на лоб. За столом стало тихо-тихо.

— Что такое? — беспокойно спросила мама. — О чем ты говоришь?

Брат смотрел на Гошу, готовясь нанести решительный удар.

— Он говорил, что будет выступать в театре?

— Говорил.

— Говорил, что будет играть короля?

— Да.

— Так вот, я видел афишу. И там сказано: король играет Витя Кутышев.

— У тебя отобрали роль? — спросила бабушка.

— Это правда, Гоша? — мама побледнела от огорчения.

— Ничего у меня не отобрали, — сказал Гоша. — Что вы волнуетесь? В субботу мы выступаем. Увидите сами.

Гоша выбрался из-за стола, расстегнул свой портфель и вытряс из папки для тетрадей четыре пригласительных билета.

Задолго до вечера бабушка надела праздничное платье, папа — новый костюм, мама надушилась польскими духами. Брату дали чистый носовой платок и заставили вычистить ботинки.

Ах, какой это был вечер! Недаром Михаил Сергеевич говорил, что театр — великое чудо.

Когда действие началось, в зале наступила прекрасная тишина. Не жуткая и напряженная тишина городской контрольной, а радостная доброжелательная тишина праздника.

После окончания спектакля все долго хлопало. Гошина бабушка громко сказала: «Браво!» А папа сказал: «Бис!»

Особенно понравился зрителям король Матиуш. Витю Кутышева много раз вызывали на сцену, и всякий раз Гоша тоже выходил из-за кулис. Он-то знал: если зрители вызывают короля, значит, хорошо сыграли придворные.

«Морская газета» — маленькая, всего две странички в «Костре». Но у «Морской газеты», если хотите, свои традиции, свои читатели и свои истории...

Глядишь, юнкор Коля или юнкор Ваня, которые с десяти лет мечтали о море да кораблях, уже и не мальчишки. Давно уж стали судостроителями или военными моряками...

Много старых юнкоровских писем хранится в «Морской газете». Вот письма Толи Никифорова из далекого-далекого дальневосточного порта Ванино. Где он теперь, Толя? А Толя уже заканчивает высшее военно-морское училище. Скоро будет морским офицером...

А это чьи письма? И фотография в придачу. Ах это Никита Караваев! Худенький мальчишка из Свердловска! Участник всех наших морских затей. Где же ты, Никита? Да вот только что пришло письмо — из Мурманска: «Поздравьте меня. Я поступил в мореходку...»

Поздравляем тебя, дорогой Никита!

А вот письма Володи Заблоцкого. Это — целая история... История, как начиналась жизнь мальчика, как складывался его упорный, настоящий мужской характер.

...Задумал Володя сдавать экзамены в Нахимовское, а его не приняли: в школе Володя учил немецкий, а в Нахимовское сдают английский. В отчаянии был Володя, но взял себя в руки, послал документы в мореходное училище. Однако и тут не повезло: занимался по

Володе 12 лет

Володя — судостроитель

ночам, чтобы лучше подготовиться, и испортил зрение. В очках — какой капитан?

На целый год исчез Володя с горизонтов «Морской газе-

ты». Через год пришло письмо. На конверте адрес: общежитие Судостроительного техникума. Значит, не пал Володя духом. Судостроение — это ведь тоже корабли.

А в письмах, которые он писал в те годы, очень часто встречались слова: «некогда» или «нет времени». «Простите, что задержался с ответом — некогда, занимаюсь много...»

«Некогда. У нас была практика на судостроительном заводе. Видел спуск океанского теплохода...». «Нет времени, начал учить испанский. Хочу знать язык Колумба...»

Год за годом, курс за курсом, и всегда Володе было некогда, потому что полюбил Володя свою будущую профессию.

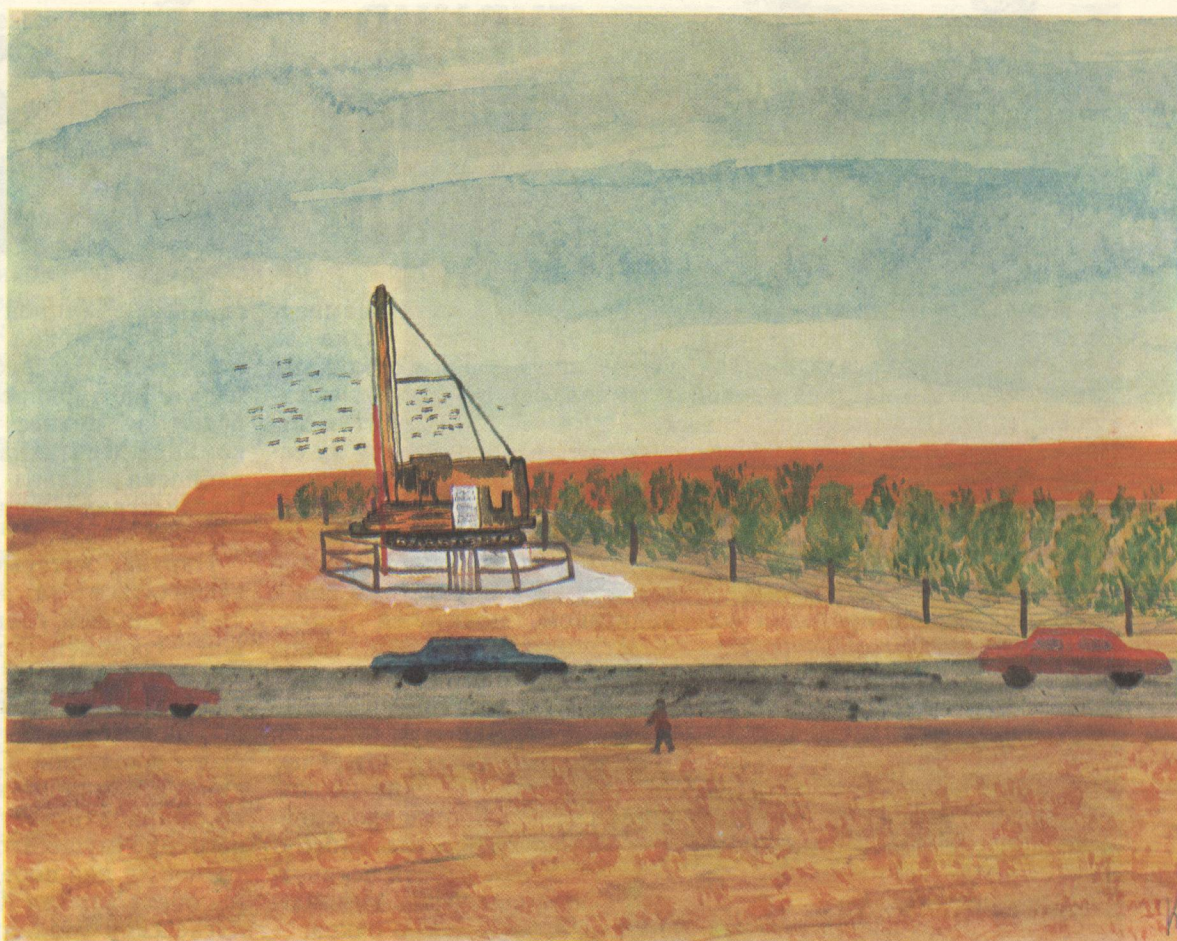
Наконец он написал: «Все экзамены, даже строительную механику корабля, сдал на «5». Как всегда, нет времени — ухожу на практику на корабль. Когда-то, помните, я очень горевал, что не смогу стать капитаном... А теперь я и не знаю, может ли быть что-нибудь лучше, чем корабли строить, а потом их испытывать...»

Получил Володя диплом судостроителя и теперь строит большие и быстроходные корабли для нашей страны.

И таких вот, и разных других, похожих и непохожих на эту, историй, в «Морской газете» много... И когда припоминаешь их, перебирая старые письма, то думается, что все эти ребята читали когда-то маленькую «Морскую газету» не зря...

О. ПЕТРОВИЧ

БУРОВАЯ
ВЫШКА

КУЛАН ИСКАКОВ ИЗ ГОРОДА БАЛХАШ

Точно сказать, будет ли Кулан художником, когда он станет взрослым, нельзя! Не потому, что он недостаточно хорошо рисует, а просто часто так бывает, что у одаренного человека имеется сразу несколько талантов...

Нередко можно встретить хорошо рисующего инженера, у художника бывают прекрасные музыкальные способности, врач может быть хорошим писателем.

Я не знаком с Куланом, я только видел его рисунки и по этим рисункам твердо могу сказать, что их делал одаренный человек.

...Выгоревшая степь, через степь тянется дорога, за проволочной оградой с пыльной листвою деревца, рядом — гусеничный буровой стан. По дороге бегут машины, перед глазами водителей проносится однообразная картина...

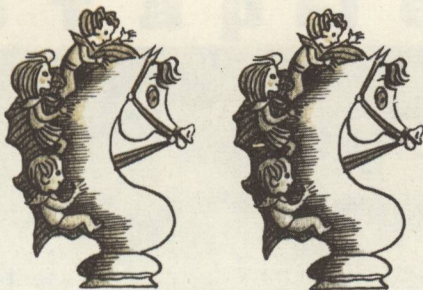
А Кулан по-другому увидел этот кусочек степи, что-то отозвалось у него в душе, когда он смотрел на эту вроде бы ничем не примечательную картину, и вот появился на свет рисунок, акварель. Бумага какая-то оберточная, дешевые школьные краски, и кисть по всей вероятности неказистая, но, оказывается, не

так все это важно, главное то, что художник передал состояние души и сумел показать нам, зрителям, что не нужно ни экзотических пальм, ни роскошных золотисто-малиновых закатов, чтобы увидеть красоту жизни. Он показал, что можно найти красоту в любом самом непримечательном уголке родной природы. А это как раз и есть долг художника — суметь заставить людей увидеть прекрасное.

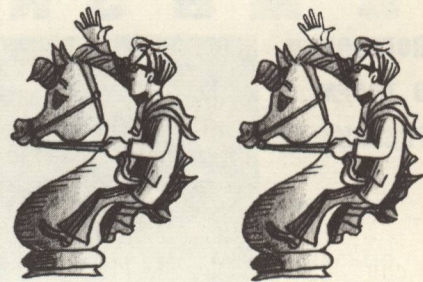
Это я написал про рисунок Кулана, наугад вынутый из пачки других его рисунков. Кулан тонко чувствует окружающий его мир. Что это значит — «тонко чувствовать»? А то, что кроме перечисления предметов, которые видит человек, он различает их взаимосвязь, их цвет и даже самые незначительные оттенки цвета, взаимоотношение этих оттенков, умеет выделить основное, что его волнует, если нужно, умеет что-то опустить. Когда смотришь на работу «Столбы и рельсы», то словно слышишь стук колес. А как интересно Кулан сумел увидеть бетонные трубы, лежащие вдоль дороги!

Любит свой край Кулан. Тонко чувствует его красоту.

Г. КОВЕНЧУК

ТУРНИР БОЛЬШИХ НАДЕЖД

Немало знаменитых шахматистов можно было встретить в ноябре прошлого года в залах ленинградского Дворца пионеров. Даже самого чемпиона мира Анатолия Карпова. Прославленные гроссмейстеры не гуляли по дворцу — они трудились за шахматными досками. На этот раз их соперниками были школьники.

В Ленинграде проходил финал третьего Всесоюзного турнира Дворцов пионеров на приз газеты «Комсомольская правда».

Условия этого удивительно, возможного, пожалуй, лишь в нашей стране состязания столь необычны и интересны, что о них нужно рассказать подробнее.

Прибыли на финал семь команд — лучших из лучших: не легко пробиваться сквозь отборочные соревнования, если в них участвуют 150 тысяч юных шахматистов! В каждой из семи команд — шесть мальчиков, одна девочка и один... гроссмейстер. И не случайный, не со стороны приглашенный гроссмейстер, а бывший воспитанник того Дворца, за команду которого выступает. Ведь и гроссмейстеры в свое время носили пионерские галстуки. А некоторые и расстались с ними совсем недавно.

Вот почему команду москвичей возглавил экс-чемпион мира Василий Смыслов. Ленинградцев вел в бой Виктор Корчной, челябинцев — Анатолий Карпов, куйбышевцев — Лев Полугаевский, ворошиловградцев — Геннадий Кузьмин, бакинцев — международный мастер Владимир Багиров, а ребят из Алма-Аты — мастер Борис Каталымов.

В чем же, все-таки, необычность турнира?

В том, что ребята сражались не с ребятами из команд-со-

перниц, а с их капитанами. К примеру, в одном зале за семью шахматными столиками усаживаются семь юных москвичей. К ним подходит и открывает сражение сразу на семи досках капитан куйбышевской команды гроссмейстер Полугаевский. А в это время в другом зале куйбышевские ребята ведут шахматные бои с капитаном москвичей гроссмейстером Смысловым. Очки, завоеванные школьниками, складываются с очками, завоеванными капитаном.

На первый взгляд может показаться, что ни один школьник не устоит против гроссмейстера. Гроссмейстеры заберут себе все очки, ребята останутся ни при чем, и все команды наберут равное число очков.

Спору нет, класс гроссмейстерской игры гораздо выше ребячьего. Но тут нужно припомнить три обстоятельства. Во-первых, эти ребята — отнюдь не новички, а бывалые перворазрядники. Во-вторых, гроссмейстер играл на семи досках одновременно и за 2 часа 15 минут должен был успеть сделать не 45 ходов, как любой школьник, а 315! И не просто ходы, а лишь хорошие и отличные, — с перворазрядником даже гроссмейстеру шутить не приходится. В-третьих, можно себе представить, с каким напряжением, упорством и, конечно, вдохновением вели свои партии ребята. Перед ними были лучшие шахматисты мира, а за игрой ребят следили не только многочисленные зрители и гости турнира, среди которых был сам Михаил Ботвинник, но и все шахматисты страны. Ведь каждому ясно, что турнир на приз «Комсомольской правды» — турнир больших шахматных надежд.

Началась игра. Кто же первым принудил противника

сдаться? Чемпион мира Карпов? Экс-чемпион мира Смыслов? Нет! В первой закончившейся на турнире партии победил и принес очко своей команде девятиклассник из Челябинска Павел Шумяцкий. Он выиграл у капитана алмаатинцев.

Партии, которые не успели закончиться за время игры, присуждались главным арбитром гроссмейстером Игорем Бондаревским и капитанами команд. Вот на присуждение поступила партия куйбышевского школьника Саши Осьмина и чемпиона мира Карпова. Карпов играет черными, у него преимущество, но достаточно ли для победы? Капитаны обеих команд Карпов и Полугаевский удалились в специальную комнату и обсудили различные возможности: если белым защищаться так? А если вот так? В конце концов гроссмейстеры согласились: белые проиграли.

Так бы и была присуждена черным победа, но нашелся человек, не побоявшийся спорить с мировыми авторитетами. Это был сам Саша Осьминин. Войдя в комнату, где находились капитаны, он показал такой убедительный вариант, что решение гроссмейстеров пришлось отменить и была присуждена ничья.

Нередко бывало, что шесть партий очередного сеанса оканчивались, и седьмой участник команды оставался один на один с гроссмейстером. И ребята играли здорово!

В 294 партиях ребята отняли у капитанов более 50 очков.

Из гроссмейстеров не проиграл ни разу только Виктор Корчной. Полугаевский и Смыслов проиграли дважды, Карпов — четыре раза, Кузьмин — пять. Мастер Каталымов вынужден был признать

себя побежденным одиннадцать раз.

Трижды выиграл у капитанов москвич Юра Якимович. Его товарищи по команде Андрей Артюхин и Артур Юсупов, а также ленинградцы Игорь Геллерштейн и Яша Расин — по два раза. Из 49 ребят-участников 23 одержали победы. Не остались без побед и девочки: москвичка Юлия Тверская, например, заставила сдаться гроссмейстера Кузьмина.

Какая же команда выиграла турнир?

Лучше других оказались подготовленными ребята Московского Дворца пионеров. Они набрали 54 очка, заняли первое место и приняли из рук Михаила Ботвинника главный приз «Комсомольской правды». Второе место заняли ленинградцы, у них 49 с половиной очков. Куйбышевцы, ставшие третьими (42 очка), получили приз Центрального Комитета комсомола «За волю к победе».

Наградными были отмечены и ребята из других команд. Приз «За самую красивую партию» получил воршиловградец Володя Гуревич, «За самую быструю победу» — челябинец Павел Шумяцкий, «За высокий спортивный результат» — двенадцатилетний бакинец Гарик Каспаров, а его одиннадцатилетний приятель Саша Авшалумов получил приз «Самому юному участнику».

Немало было других наград, но самая главная награда, которую получили все без исключения ребята, — это чудесная возможность участвовать в великолепном шахматном празднике, померяться силами с шахматистами мирового класса и самому ощутить себя настоящим спортсменом.

Ю. БАРСКИЙ,
заслуженный тренер СССР

Чемпион мира по шахматам
А. Карпов

В. Корчной дает сеанс
юным шахматистам
Бакинского Дворца пионеров

М. Ботвинник беседует
с юными шахматистами

Фото Н. Науменкова

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

Все, кто с нетерпением ждал пятого тура Олимпийского турнира, доставайте доски, расставляйте фигуры!

Шахматистам — две задачи.

А. Белые: Крf5, Ле8, Се4, пп. f6, h5; черные: Крh7, пп. d4, f7, g7, h6.

Б. Белые: Крf4, Ла1, Сf5, п. a7; черные: Кра8, пп. b3, b4, b5, b6, b7.

А — мат в 3 хода, Б — в 6 ходов.

Шашкистам — два этюда (автор — Г. Д. Маркосов, Кисловодск).

А. Белые: a3, e1, e7; черные: b4, c5, g3.

Б. Белые: d4, d6, e1; черные: f4, h4.

В обоих этюдах надо показать, как побеждают белые.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

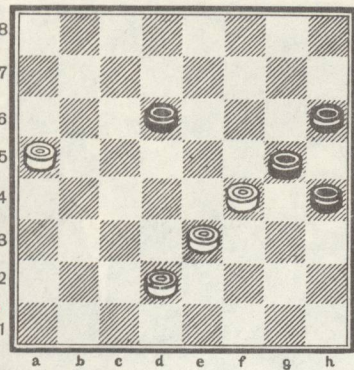
Сегодня тебя опять ожидает проверка в стрельбе из быстромата — оружия арчебековцев. К залпу по черному королю готовься!

Белые: Крf5, Фг5, п. h7; черные: Крf7, Фе8, Лf8, Кg8.

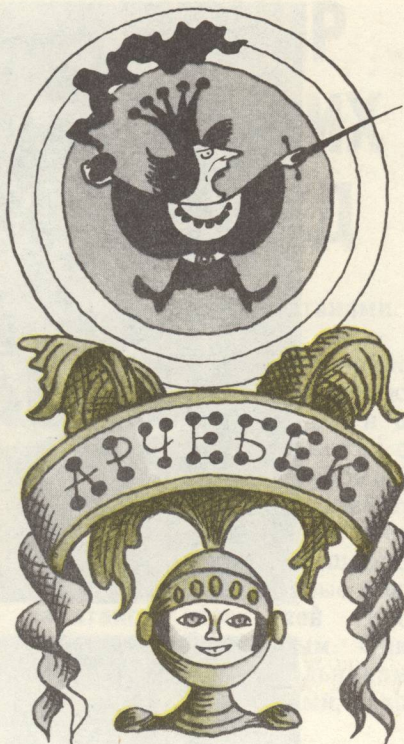
Цель — черный король! Дать самый быстрый мат! Огоны!

В АРЧЕБЕКЕ побывал известный шашкист Григорий Дмитриевич Маркосов. Он дал задание олимпийцам — два своих этюда. А потом Ферзьбери попросил его показать интересное окончание.

— Хорошо. Но какое?... — задумался Григорий Дмитриевич. И тут же вспомнил: — Случай из сеанса! Так вот... По профессии я врач. Живу в Кисловодске, а там очень много санаториев, и отдыхающие часто просят меня провести сеанс одновременной игры. В одной из партий такого сеанса — это было в санатории «Пикет» — возникло положение —

Я сыграл тут 1. ab6, противник ответил быстро — de5, я побил 2. f:d6,

а он, ни слова не говоря, начал складывать шашки.

— Что вы делаете? — спросил я. — Ведь партия не кончена.

— Тут мертвая ничья! Вы это отлично видите!

— Вижу или нет, но игра есть игра. Если ничья — докажите.

— Докажем, доктор, докажем! — самоуверенно заявил мой партнер и вскоре... сдался под смех зрителей (после ходов 2... gf4 3. e:g5 h:f4 4. dc7! fg3 5. cd8 gf2 6. ba7! fg1 7. db6 gh2 8. ab8).

Обескураженный, он долго сидел за доской, над чем-то размышляя, а потом обратился ко мне:

— Разрешите, доктор, еще одну? Только чтобы я белыми.

Мой противник принялся разыгрывать прежний вариант в надежде опять прийти к тому же положению, но играя белыми. Вообще-то он играл неплохо, но держался вызывающе, и я решил над ним подшутить: отвечал так, как раньше он, а когда партия наша пришла к позиции на диаграмме, я сказал его тонно:

— Ну? Тут мертвая ничья. Вы это отлично видите!

— Что вы, доктор, что вы! — замахал руками мой партнер. — У нас же получилось положение, в каком вы выиграли ту партию!

— Неужели? — еле сдерживая улыбку, удивился я.

— Да. Точно такое! Я специально

к нему вел. Но теперь парадом команду я! — и он, пристукнув шашкой, пошел 1. ab6...

Что еще сказать?... Партия наша, конечно, закончилась вничью, что и было ее закономерным итогом. Почему? Да потому что... Впрочем, пусть это определят арчебековцы.

Итак, рыцари, слово за вами. Кто ответит нашему гостю?

КОМИТЕТ

„ВОПРОС — ОТВЕТ!“

«Как перед отправкой рапорта шахмат-адмиралу Ферзьбери проверить свое решение?» — спрашивает Вася Лунин.

Нет ничего проще! Расставь задачу на доске и, делая предлагаемые тобой за белые ходы, пробуй всяческие ответы черных. Если при любых ответах задание выполняется, задача решена верно.

КТО? КТО? КТО?

Доблестный рыцарь Александр Гришин (с. Ермоловка Ульяновской обл.) предлагает три свои интересные задачи.

№ 1. Белые: Крf6, Фh8, Cd2, Ch1; черные: Крс5. Мат в два хода. Кто решит?

№ 2. Белые: Крf1, Ла8, Сс7, Кf3, Kgl; черные: Крh1, пп. g3, h3. Мат в 3 хода. Кто решит?

№ 3. Белые: Кре2, Лg8, Кf6; черные: Крh2, пп. e3, h3. Мат в 4 хода. Кто решит?

Рыцари! Вы принимаете вызов Александра Гришина?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так.

Турнирные. Шахматы — А. 1. Фh8! Б. 1. Кf5! С:h8 2. Kg7! Шашки — А. 1. hg5! h4 2. de5 3. ef2 4. g5X. Б. 1. f4 fe5 2. de3! 3. d4X.

Оруженосцам. Мат дается в 2 хода — нужно пойти 1. Ле2!

Тренировочная кабина. № 1. 1. Ла1! Кр:a1 2. Крс3. № 2. 1. Ch1! Кр:h2 2. a8Ф. № 3. 1. Лb8! Кс1 2. Лb4.

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать турнирные рапорты (на открытках!) до 1 августа.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

БАЛТИКА

Солнце и море —
простор голубой!
Ветру и чайкам
вторит прибой.
Этому морю
приносит заря
Солнца подарки —
куски янтаря.
Дюны,
сыпучие горы песка!
Сосны,
растущие под облака!
Даже дожди тут волшебные льют:
Слышишь, волшебные песни поют?
Только прислушайся к шуму дождя —
Все разознаешь про эти края.

*Алеша Буряковский,
4-й класс, г. Пермь*

Рисунки Б. Семенова

ПРАЗДНИК ПЕРВОМАЯ

Рисунок Люды Варещевой, 12 лет,
Красноярский край, поселок Невонка

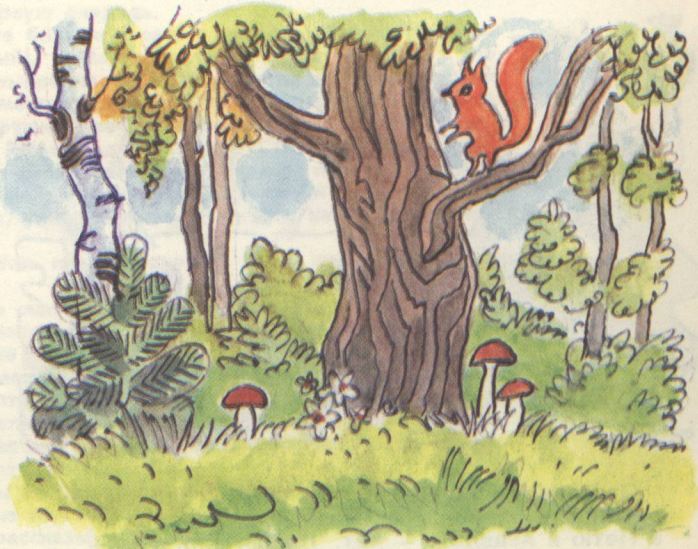
СЛАЦЕ МЕДА

Пошла Нюра в лес за грибами. Долго ходила — и хоть бы один хороший гриб попался! Прячутся грибы да и только.

Вышла Нюра на лесную поляну. Солнце ярко светит, ветерок траву колышет, кругом цветы. Стала Нюра на колени, любитесь цветами — не налюбуется.

Слышит — рядом кто-то попискивает. А это бельчонок в траве запутался. Маленький, худой, ушки острые, глаза как две черничины, а хвост большой, пушистый.

Освободила Нюра бельчонка. Поскакал он к ближайшей сосне. Прыг-прыг по стволу да по веткам — и вот уже он высоко над землей.

Оглянулась Нюра и глазам не поверила. Стоят неподалеку сразу три красавца-подосиновика. А за ними, подальше, еще, еще грибы. И как это она прежде их не видела?

Принесла Нюра домой полную корзину грибов, отдала матери. Рассказала про бельчонка, про лесную поляну. Послушала мать Нюру, кивнула.

— Так, так. Покуда ты белку не увидела, цветов не разглядела — и грибов не заметила. А потом добавила тихо:

— Для меня лес, воздух лесной — слаще меда.

Л. СПИЦЫН

Вырежьте странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и смажьте клеем.

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛЁК»

ГЕОЛОГ

Не трогай,
не трогай,
не трогай
Товарища моего!
Пускай он поспит немного,
Тяжелый путь у него.

Проснется — пройдет он сквозь степи
И топи таежных болот,
Поднимется в снежные горы
И в недрах богатства найдет.

И там, где нога не ступала
И нету сегодня дорог,
Возникнет рабочий поселок,
А может быть, городок.

*Ира Павлова,
Омская область*

2

Схватил Петя мешочек с семенами. Радует-ся. Агафон хотел было семена отнять, да постеснялся волшебника. Вдохнул и взял мешочек с кедами.

— Июль — макушка лета, — сказал волшебник. — В июле я вас и проведу.

Пришел июль. Лежит Петя в гамаке, покачивается. Вдруг щелкнуло — и подходит к гамаку волшебник в малиновой кепке.

— Как, Петя, дела?

— Ох, — стонет Петя. — От гамака голова кружится и руки-ноги затекли. От конфет живот болит, от телевизора — глаза. Пло-охо! Ску-учно! Забирай назад свое имущество.

— Будь по-твоему, — согласился волшебник. И тут же Петя шлепнулся оземь. И гамак, и конфеты, и телевизор исчезли. Поплелся Петя приятелей искать.

А волшебник уже перед Агафоном стоит.

— Как, Агафон, дела?

— Нормально, — отвечает Агафон. — Быстрые какие-то кеды, везде успеваю. Вчера в баскет играли, сегодня в футбол. На выставку собак бегали. Смотрели, как мост строят. Куда ребята, туда и я.

— Вон как, — сказал волшебник. — А я кеды-то назад забрать хотел.

— Не, — ответил Агафон. — Я их еще поношу.

Ю. КУЗЬМЕНКО

Рисунки Б. Семенова

7

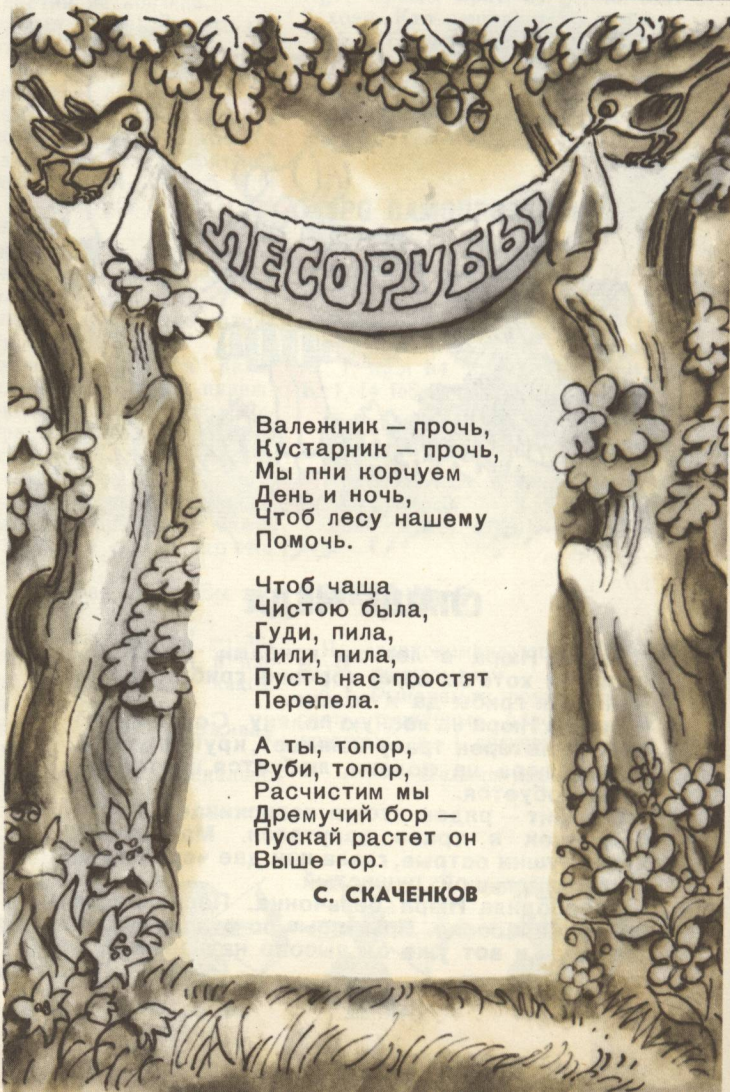

Отзвенел последний звонок, и стали бабушки разбирать первоклассников. Всех разобрали, а Петю и Агафона — нет. Пошли они домой сами.

Шли-шли, вдруг что-то щелкнуло, и — глядь — стоит перед ребятами волшебник. На голове малиновая кепка, в каждой руке по целлофановому мешочку.

— Ну, — говорит волшебник, — ваше счастье, выбирайте. Вот в этом мешочке горсть волшебных семян. Приедешь с папой и мамой на дачу, рассыплешь семена, и сразу тебе — гамак с пуховой подушкой, сколько хочешь конфет и маленький телевизор на батарейках. Знай полеживай... А в этом кульке — всего-навсего старые кеды, зато они любому придутся по ноге. Ну, говорите, кому какой мешочек?

6

Валежник — прочь,
Кустарник — прочь,
Мы пни корчем
День и ночь,
Чтоб лесу нашему
Помочь.

Чтоб чаща
Чистою была,
Гуди, пила,
Пили, пила,
Пусть нас простят
Перепела.

А ты, топор,
Руби, топор,
Расчистим мы
Дремучий бор —
Пускай растет он
Выше гор.

С. СКАЧЕНКОВ

ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА

По тропам,
Болотам,
Холмам
И оврагам
Иду
Невесомо крадущимся
Шагом.

Средь листьев
Зеленых,
Оранжевых,
Алых
Мильон копошится
Козявочек малых.

У каждой — заботы,
У каждой — тревоги,
А рядом —
Мои
Великанские
Ноги.

А дома —
За кочкой,
Под корнем,
В дуплишке —
Такие голодные
Плачут
Детишки...

Ползет муравей
С продуктовым
Запасом —
Возьму-ка левой,
Не столкнуться бы часом...

Дохнула пчела
Мне в лицо
Горячо.
Летит как стрела!
Отдвину плечо.

Вот бабочка.
Руку,
Как ветку,
Седлает.
За дерево, значит,
Меня
Принимает.

Другая садится.
На крыльях — узор...
Серьезный
И тихий
Ведут
Разговор:

Насчет разнотравья,
Насчет недорода,
Насчет равноправья
Лесного
Народа.

А. КРЕСТИНСКИЙ

НАША АНКЕТА

Много дней почтальон приносил в редакцию большие пачки писем с ответами на вопросы «Анкеты читателя».

Теперь мы знаем, что в Москве у нас живет более шестидесяти тысяч читателей, в Челябинске — около сорока тысяч, а в крошечном поселке Покровка всего два...

Теперь мы знаем, что больше всего вы любите читать рассказы и повести о дружбе ребят, и приключенческие повести... Что вы увлекаетесь и литературой, и физикой, и астрономией, и химией, и кулинарией... Словом, всем на свете!

Теперь мы знаем, что больше всего читателей — у нашего «Барабана». Каждый второй читатель прежде всего открывает в журнале его странички. На втором месте — каждый шестой читатель — «Морская газета». Далее в таблице читательской популярности располагаются: «Зеленые страницы» (каждый седьмой читатель), «Уголек» (каждый восьмой), «Киноклуб» (каждый десятый).

Теперь мы знаем, что Галя Бушуева из поселка Юшала хотела бы видеть в журнале больше материалов о дружбе советских и зарубежных пионеров, что Наташа Даценко из поселка Новгородка хотела бы прочитать статью, которая бы называлась — «Пионер — друг октября!», а Сережа Копылов из Алма-Аты очень бы хотел побольше узнать о юных спортсменах. На такие просьбы мы постараемся откликнуться в первую очередь.

Вы также предлагаете больше писать о космосе (Лариса Кромкина из города Заполярный), затеять страничку «Для девочек», где можно было бы найти выкройки одежды, рецепты вкусных кушаний и разные полезные домашние советы (Света Хуртова из поселка Причалное и многие другие девочки), больше печатать стихов и песен (Лида Кашченко из Ленинграда), завести «Страничку фотолюбителя» (Володя Попов из зерносовхоза Артавский), написать о том, как коллекционировать марки и значки (безымянный юный читатель из города Нарьян-Мара, улица Южная, дом 36-а, кв. 3), и многое-многое другое...

Мы постараемся учесть и удовлетворить и эти ваши просьбы и предложения.

Однако, надо прямо сказать, некоторые просьбы мы и не обещаем выполнить. Так, например, некоторые читатели просят нас печатать в «Костре» «80 000 километров под водой» Жюль Верна, или «Три мушкетера» Александра Дюма, или повести и рассказы современных писателей, которые уже печатались в журналах и изданы книгами... «Костер» печатает только новые, еще нигде не печатавшиеся рассказы, стихи, повести. «Костер», как разведчик, ищет новую литературу и предлагает ее вам.

От вашего имени мы непременно поблагодарим писателей — Василия Аксенова, Валерия Мусаханова, Ирину Пивоварову, Радия Погодина, чьи повести и рассказы вы отметили.

Поблагодарим и художников «Костра» — Платона Швеца, Юрия Шабанова, Михаила Беломлинского, А. Януса (Константина Севастьянова и Льва Московского), Валерия Топкова, Юрия Клыкова, Татьяну Капустину — чье искусство, выдумку, яркие краски вы оценили прежде всего.

А мы благодарим вас — наших читателей!

РЕДАКЦИЯ «КОСТРА»

Рисунки
Е. Вознесенской

ВЕРНЫЙ СПОСОБ

Будучи человеком рассеянным, немецкий ученый Пауль Эрлих ежедневно писал на карточках распоряжения сотрудникам. Заверел он такие же карточки и для самого себя. А чтобы не забыть о них, Эрлих для верности посылал их себе по почте.

НА ЭКЗАМЕН НЕ ПРИХОДИТЕ

Известный американский химик Уиллард Гиббс в юности был очень застенчив. Однажды в беседе с профессором, которому он вскоре должен был сдавать экзамен, Гиббс признался, что не надеется на успех именно из-за своей застенчивости.

— Каких вопросов вы боитесь больше всего? — спросил профессор.

Гиббс назвал несколько самых трудных вопросов.

— Ну, а что бы вы на них ответили? — продолжал любопытствовать профессор.

Гиббс начал свободно излагать материал, но затем спохватился, ступешался и упавшим голосом спросил, когда ему нужно прийти на экзамен.

— Экзамен? — весело переспросил профессор. — Да вы его уже сдали!

НЕ ПЕРВОМУ ВСТРЕЧНОМУ

Экс-чемпион мира по боксу Джо Луис вел машину. Рядом с ним сидел приятель. Вдруг какой-то автомобиль прижал машину Луиса к обочине, так что пришлось остановиться. Мало того, незнакомый водитель грубо обругал Луиса.

— Почему ты не послал его в нокдаун? — удивился приятель.

— А если бы на моем месте сидел Карузо? — ответил Луис вопросом на вопрос. — По-твоему, он должен был пропеть этому наглецу свою коронную арию?

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо с БАМА бригадира строителей <i>И. М. Филатова</i>	1
Разговор через океан <i>стихи В. Сулова</i>	2
Санины каникулы <i>повесть Г. Балуева</i>	4
„Детский журнал продолжал выходить...“ <i>воспоминания В. Разовой</i>	22
Барабан <i>журнал юнкоров</i>	24
У веселого костра <i>В. Сулов</i>	28
Стихи А. Кушнера	30
Пахлеваны. Карас <i>рассказы В. Вартан</i>	32
История двух награждений	36
Морская газета	38
Ты читаешь „Костер“ <i>В. Того</i>	40
„Нам с вожатым своим не расстаться...“ <i>очерк Н. Алексеевой</i> <i>фото И. Колтуна</i>	42
Кибико Хуго Бегемот <i>сказки Джона П. Мбонде</i>	44
Верный рыцарь Арчебека	47
Идет пионерская плавка <i>зарисовка А. Лисняка</i>	48
Зеленые страницы	50
Человек с фотоаппаратом <i>заметка Ю. Студенцова</i>	52
Ученик Станиславского <i>рассказ В. Меерзона</i>	54
Старые письма	56
Поговорим о твоём рисунке	57
Турнир больших надежд <i>очерк Ю. Барского</i>	58
Арчебек <i>шахматы и шашки</i>	60
Уголёк <i>журнал для малышей</i>	61
Лесная прогулка <i>стихи А. Крестинского</i>	63
Итоги нашей анкеты	63

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КОКОРИНА
(отв. секретарь), А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА, Ю. А. ЮРКАН
(зам. редактора)

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 74-93-84

М-18652. Сдано в набор 6/III 1976 г.
Подписано к печати 26/III 1976 г.
Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 2089. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

На майском заседании клуба «За семью печатями» присутствовало 12 сотрудников, представляющих различные отделы и рубрики «Костра»: «Барабан», экспедицию «Вокруг света» и другие. Кто был на заседании, вы узнаете, разгадав ребусы. В них скрыты различные признаки собравшихся. Имя и фамилию каждого угадать будет нетрудно. В результате у вас в руках окажется ключ к шифру и вы сможете прочесть на афише стихи, посвященные событию, по поводу которого происходило заседание.

1.2.3.2.4. 5.6.7 8.3.2.9.5.2 1 7.6.10 8.2.3
4.11.4 12.13.7.11.7.6.5.13 14.15.3.16.11.5.11
17 8.6.3.17.18.19 3.11.20 8.3.2.12.5.13
«4.2.1.7.21.3»
22.7.2 17.1.21—7.11.4.13 16.6.23.11.5.21

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 4

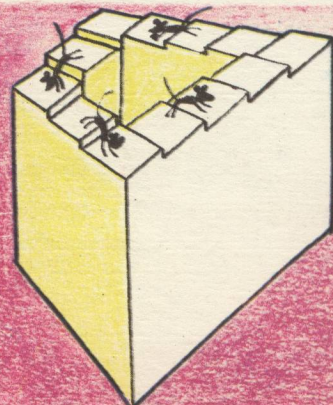
Восстановить приметы неизвестного поможет такая таблица:

Приметы	1	2	3
Демьяша:	старичок	рыжий	голубо- глазый
Сивола- пыч:	мальчик	черно- волосый	каре- глазый
Гном:	девочка	светло- волосая	каре- глазая
Хуссейн:	девочка	черно- волосая	голубо- глазая

Рассуждаем: каждый назвал только по одному правильному признаку, значит, двое должны были правильно запомнить цвет глаз неизвестного. Его глаза не могут быть карими. В этом случае Гном, принявший неизвестного за девочку, или Сиволапыч, якобы заметивший черные волосы, окажутся дважды правы, что противоречит условию задачи. Неизвестный был голубоглазый мальчик со светлыми волосами.

Чайворд. Баскетбол. Локомотив. Волков. Воронин. Нетто. Огуренков. Волейбол. Лемешев. Викулов. Водник. Ковер. Ригерт. Третьяк. Карпов. Волчков. Власов. Весло. Озеров. Виклунд. Дукла. Ашенбах. Халл. Лундстрем. Маховлич. Чемпион.

Вещь, которую принес неизвестный, осуществить в объемной модели, пользуясь данным рисунком, невозможно. Но придумывать такие изображения, якобы срисованные с реального предмета — очень занятное дело. Например, голландский художник Морис Эшер придумал «Лестницу, ведущую сразу вверх и вниз». Вот она:

Составил и оформил
В. Уфлянд

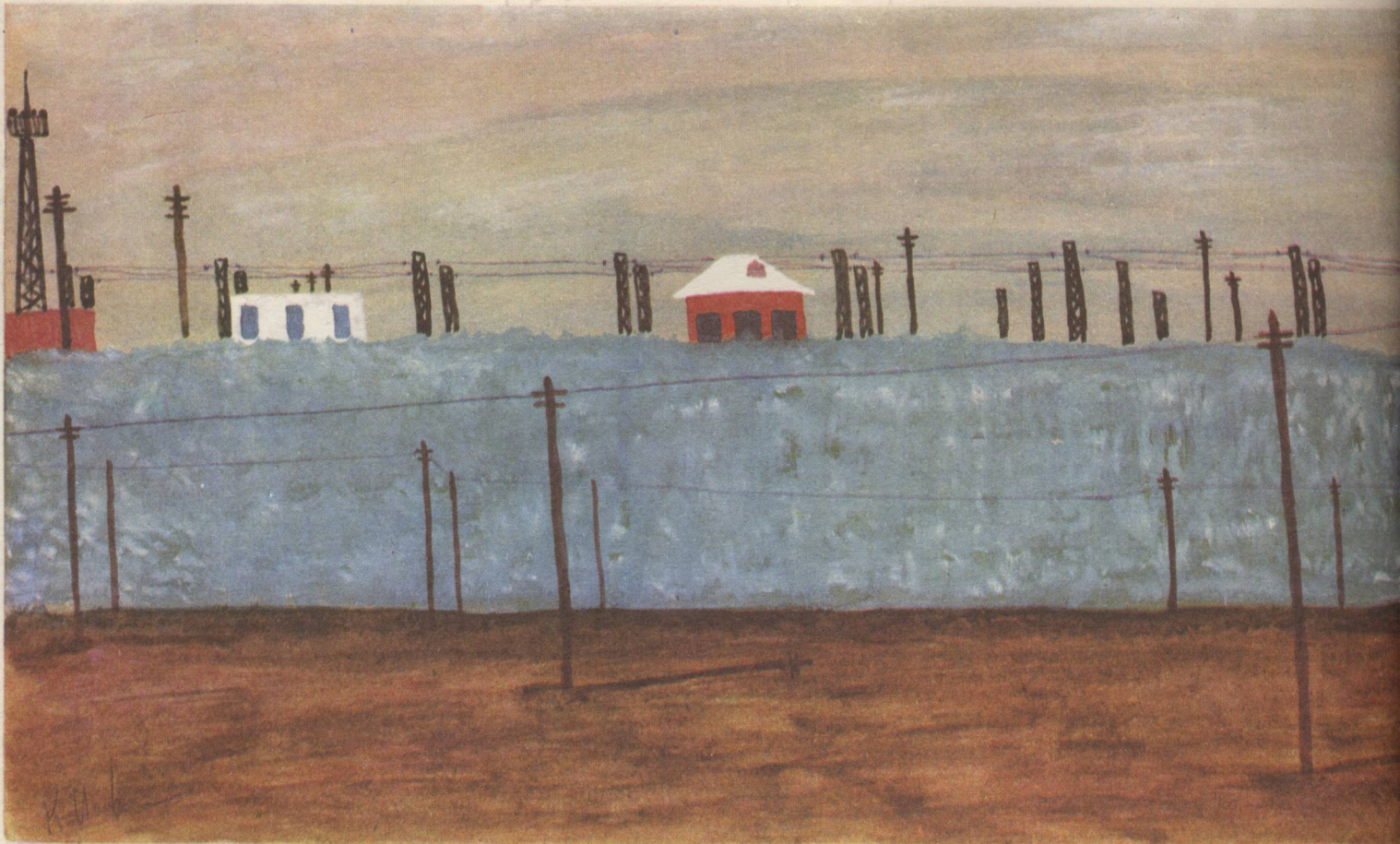

ФУТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИГРА

«Ответ через сорок лет»

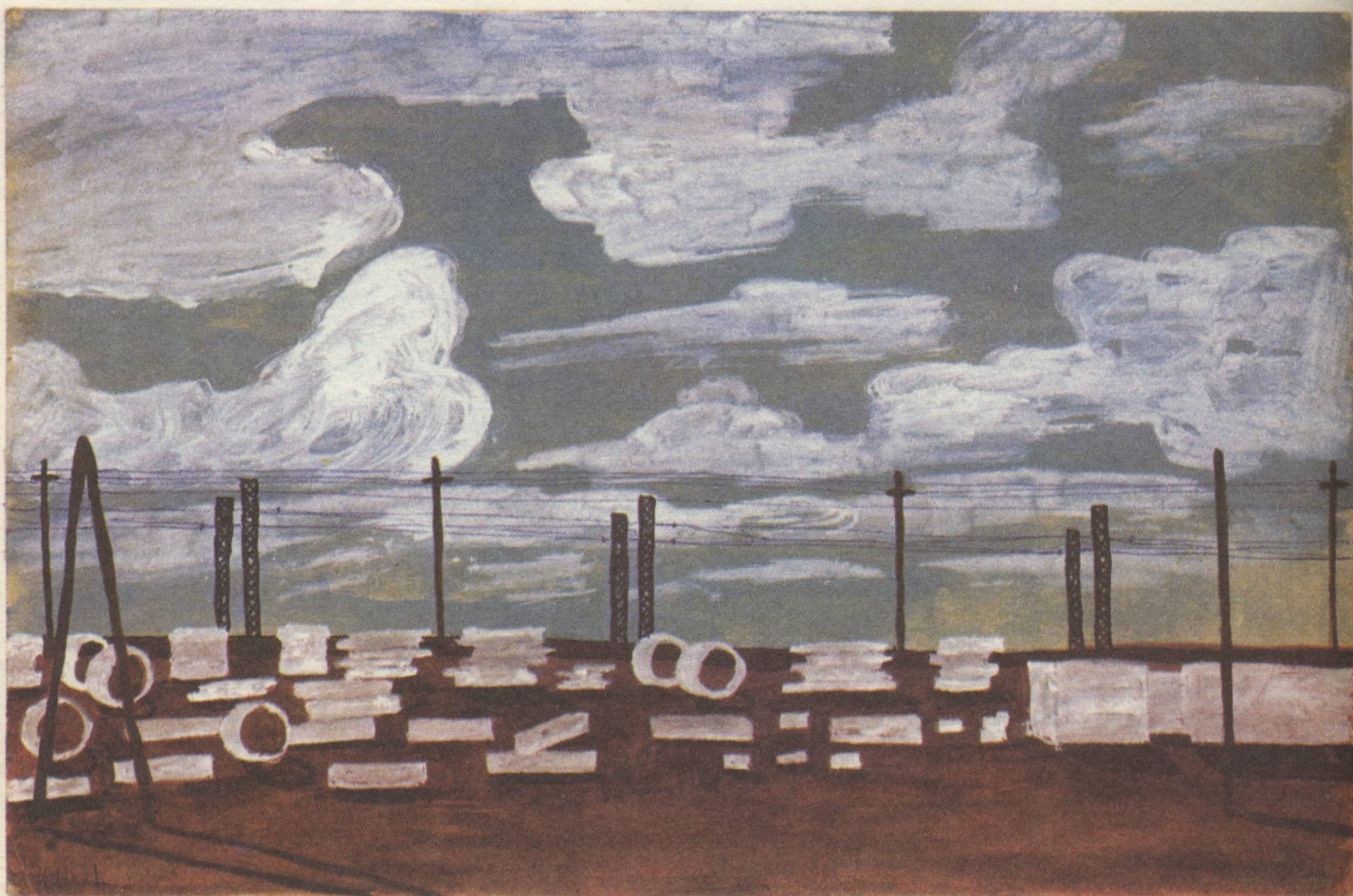
1. Чем и на чем будут писать школьники в 2016 году?
2. Какой высоты достигнет в 2016 году дерево, посаженное тобой в 1976 году?
3. Каков будет в 2016 году мировой рекорд в толчке для штангистов тяжелого веса?
4. Можно ли будет в 2016 году, отвечая у доски, пользоваться карманной электронной машиной или это будет считаться шпаргалкой?
5. Кто скорее научится разговаривать: дельфины на человеческом языке или люди на дельфиньем?
6. Представь, что ты печатник, печатающий на офсетной машине очередную номер журнала «Костер». Объем журнала: 8 печатных листов плюс обложка. Один печатный лист равен 16 страницам. На каждой странице в среднем 2000 печатных знаков и 2 картинки. Каждый год печатается 12 номеров журнала. Сколько лет будет печатнику в 2016 году?

13а тиккес

Рисунки Кулана Исакова (Рассказ о нем читайте на стр. 57)

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ

СТРОЙКА АСФАЛЬНОГО ЗАВОДА

26 к. Индекс 70445